

В. А. Артамонов
РОССИЯ и РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ (1709-1714)

В. А. Артамонов

**РОССИЯ
и
РЕЧЬ
ПОСПОЛИТАЯ**
после
Полтавской победы
(1709-1714)

·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

В.А.Артамонов

**РОССИЯ
И
РЕЧЬ
ПОСПОЛИТАЯ
после
Полтавской победы
(1709–1714)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. А. НЕКРАСОВ

МОСКВА «НАУКА» 1990

ББК 63.3(2)46
А 86

Рецензенты:

доктор исторических наук Б. Н. ФЛОРЯ,
доктор исторических наук Н. Ф. ДЕМИДОВА

Артамонов В. А.

А 86 Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы
(1709—1714 гг.). — М.: Наука, 1990. — 208 с.
ISBN 5—02—009456—0

В книге рассматриваются внешнеполитические связи России с Саксонией и Речью Посполитой после Полтавской битвы на фоне отношений с Османской империей и Швецией. Автор показывает, что русская дипломатия рассматривала Речь Посполитую как союзника в конфликте с Османской империей и Швецией. Однако нерешенность вопроса о судьбе Правобережной Украины, спор по Лифляндскому наследству и слабость вооруженных сил Польско-Литовского государства привели к тому, что Речь Посполитая не оказала помощи. Тем не менее русско-польский союз 1704 г., по мнению автора, сыграл положительную роль как в дополтавский, так и послеполтавский период Северной войны.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

А $\frac{0503020200-282}{042(02)-90}$ 89—1990, II полугодие

ББК 63.3(2)46

ISBN 5—02—009456—0

© Издательство «Наука», 1990

Светлой памяти
Ольги Онисифоровны
Артамоновой (1914—1967),
моей мамы

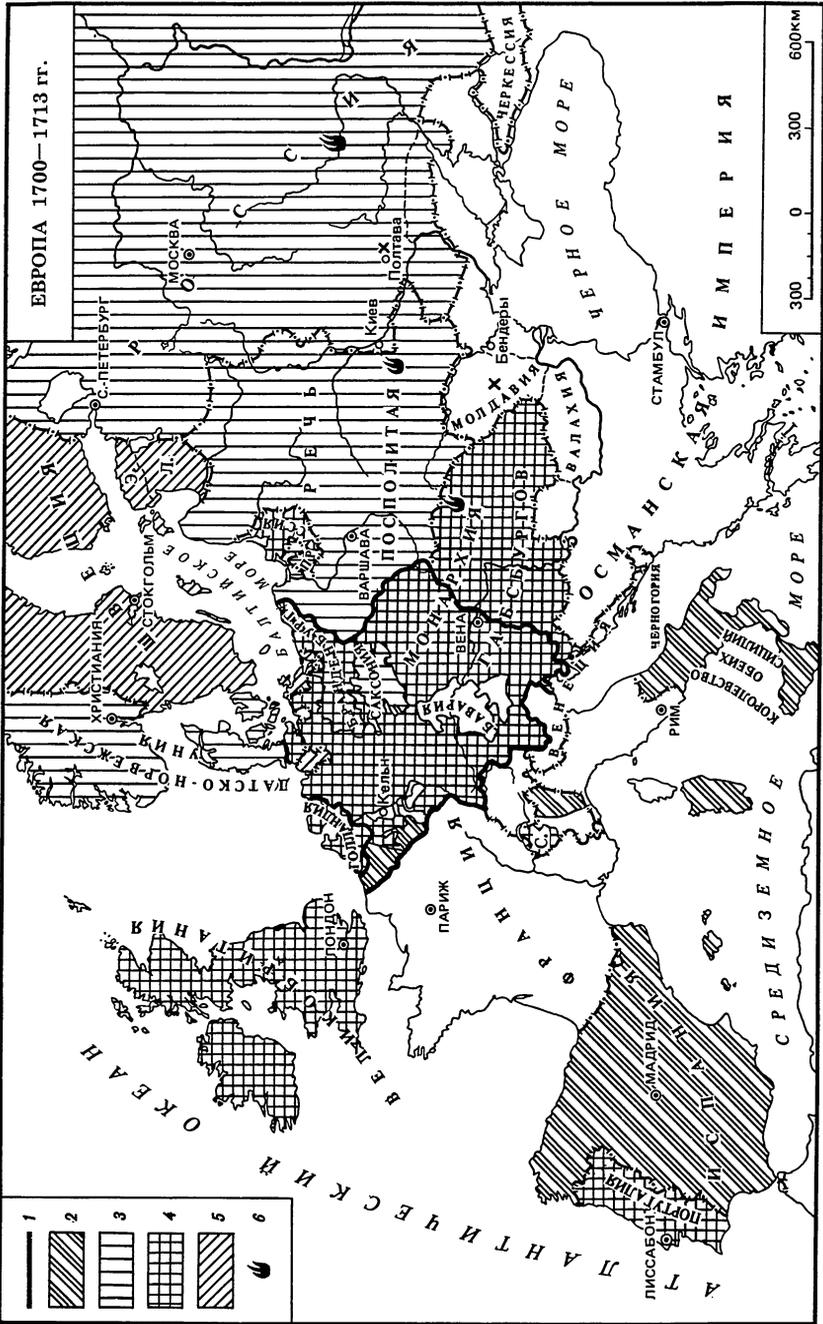
ВВЕДЕНИЕ

В начале XVIII в. большинство стран Европы было охвачено войнами: в Западной Европе, на Атлантическом и Тихом океанах шла война за Испанское наследство 1701—1713/14 гг., а в Восточной, Северной и части Центральной Европы — Северная война 1700—1721 гг. Война за Испанское наследство — «первый всемирный конфликт нового времени» — охватила несколько континентов и велась за мировое первенство. Великая французская держава Людовика XIV пыталась установить власть Бурбонов за Пиренеями и в американских колониях быстро слабеющей, но еще великодержавной Испании. Против установления французской гегемонии выступили морские державы Великобритания и Голландия, для которых на первом месте стояли торговые интересы в Атлантике и в колониях.

Против Бурбонов выступили их традиционные соперники Габсбурги, надеявшиеся на приобретение испанских владений в Северной Италии и Нидерландах. Монархия Габсбургов после турецкой войны 1683—1699 гг. (и присоединения Венгрии) приобрела ранг великой державы. Авторитет императора необычайно вырос после «крестового похода» против турок и блестящих побед Евгения Савойского. В сферу влияния Габсбургов входила вся Центральная и часть Восточной Европы — Речь Посполитая. Таким образом, в 1701 г. в меридиональном поясе государств Центральной Европы от Голландии до Италии была создана антифранцузская политическая система — «Великий союз», в который, кроме Англии, Голландии и монархии Габсбургов, входили Бранденбург-Пруссия, Португалия, Савойя и большая часть княжеств «Священной Римской империи германской нации». Несколько позже «Великим союзом» в конфликте с Францией были использованы военные силы Саксонии и Дании, не состоявших формально в данном союзе.

Традиционными союзниками Франции оставались Османская империя и Швеция: первая соперничала с Габсбургами на Балканах, вторая — в Северной Германии. И Франция, и Швеция стремились к закреплению раздробленности Священной Римской империи и к поддержанию «золотых немецких свобод». Опорой Людовика XIV в Германии служили владения Виттельсбахов — Кёльнский электорат и Бавария, крупнейшее немецкое княжество, которое находилось в противоборстве с Австрией и стремилось к преобразованию в королевство. Никогда не отказывалось от борьбы с

ЕВРОПА 1700—1713 гг.

Габсбургами за национальную независимость и венгерское дворянство. С освободительным движением в Венгрии австрийцы не могли справиться девять лет (1703—1711 гг.). Учитывая это, французская дипломатия работала над созданием в тылу Габсбургов антиавстрийского барьера из Швеции, Венгрии, Османской империи, Баварии и при возможности Речи Посполитой.

Военные действия 1701—1713/14 гг. охватили Испанию (гражданская война), Францию, Италию, Южную Германию, Нидерланды, два океана и Северное море (карта 1).

Политические системы Великого союза и Франции с самого начала были частично нарушены Северной войной. Одним из главных мотивов исторической борьбы за Балтику (1558—1721 гг.) было стремление к захвату государствами торговых артерий Балтийского бассейна. После Ливонской войны (1558—1583 гг.) основная часть земель ливонской ветви Тевтонского ордена (Лифляндия) осталась за Речью Посполитой. Центральным стержнем феодальной экономики этого государства была почти монополия продажа зерна через международные центры аккумуляции капитала Амстердам и Лондон. Захватом новых земель на востоке в войнах 1609—1618, 1632—1634 гг. шляхта надеялась еще больше увеличить приток золота, которое, как и в Испании, расходовалось не на промышленное развитие и воспроизводство, а на массовый ввоз колониальных товаров.

Гегемон Северной Европы «Шведская империя» (так характеризовал ее Карл Маркс) в 1621 г. отобрала у Речи Посполитой Лифляндию и Ригу и заперла выход к морю трем немецким государствам — Бранденбургу-Пруссии (устье Одры — Щецинское Поморье), Мекленбургу (Висмар и Ростокская гавань), Ганноверу (земли между реками Эльбой и Везером — княжества Бремен и Верден). После победы в войне 1655—1660 гг. Швеция превратила Балтийское море почти во «внутреннее озеро» и планировала торгово-политическое внедрение в Россию, превращение ее в шведскую сферу влияния и установление контроля на части торгового пути Прибалтика—Каспий—Иран—Индия¹. Эксплуатация своих колоний в устье Делавера или на Африканском побережье не привлекала серьезного внимания шведов.

Естественная историческая цель России состояла в том, чтобы пробить шведский «барьер», отсекавший ее от свободного доступа к экономическому и культурному миру Западной Европы, и вернуть утраченные в 1609—1617 гг. Ингрию и часть Карелии. Попутно Россия, подобно западноевропейским государствам, освоившим два пути из Индии и стран Ближнего Востока (вокруг мыса Доброй Надежды и сухопутно-морского пути из Измира и Алеппо в Юж-

←
Карта 1

1 — границы Священной Римской империи; 2 — Испанское наследство; 3 — Северный союз; 4 — Великий союз; 5 — шведские владения; 6 — восстание Ференца II Ракоци, С. Палия, К. А. Булавина; Э. — Эстляндия; Л. — Лифляндия; С. — Савоя.

ную Европу), стремилась освоить часть пути Астрахань (Азов) — Нарва (Рига, Ниеншанц) ².

С 1700 г. началась упорная 21-летняя война абсолютистской Швеции с населением всего 2,5 млн человек (вместе с Финляндией) за право сохранить все завоеванное на Балтике и остаться гегемоном Северной Европы против двух славянских (России и Речи Посполитой), трех германских и одного скандинавского государств (Саксонии, Датско-Норвежской унии и с 1715 г. — Ганновера и Пруссии). Эта война надолго определила исторические судьбы государств Восточной и Северной Европы. Воевавшие в основном порознь северные союзники, естественно, не предполагали столь длительной войны и не ставили цели полного уничтожения противника.

Датско-Норвежская уния боролась со своим наследственным врагом за возврат потерянного в 1658 г. Сконе (Южная Швеция) и разрыв шведско-голландского кольца. Другой старый шведский соперник — Бранденбург-Пруссия — в первой половине Северной войны не участвовал, так как большая часть его армии была отдана Великому союзу в уплату за согласие императора на преобразование Пруссии в королевство.

Деятельным партнером Дании (а также и России) стала Саксония во главе с ее курфюрстом (и одновременно польским королем) Августом II, который получил от саксонцев прозвище «Сильный» за богатырское здоровье. Активность саксонских князей поднялась на общегерманской волне территориального укрупнения и стремления вырваться из тесных рамок «Священной Римской империи». Это было особенно характерно для средне- и восточно-немецких земель. Со времен Тридцатилетней войны происходило территориальное расширение Баварии, Саксонии, Бранденбурга-Пруссии, Ганновера и в меньшей мере Мекленбурга и Гессен-Касселя. Саксония занимала второе после Австрии место в империи. Саксонский курфюрст был викарием (местоблюстителем) «Священной Римской империи», заменяя императора в период интеррегнума и главой евангелического корпуса — собрания всех протестантских князей Германии.

Стремясь еще больше увеличить политическую силу Саксонии, Август II пытался соединить ее с соседним славянским государством Речью Посполитой, наподобие Австрии с Венгрией. В случае удачи унитарное саксонско-польско-литовское объединение стало бы огромным государственным образованием в Европе, что сразу же вывело Саксонию на европейский уровень и давало большие шансы для завоевания политического первенства в империи. 5(15) сентября 1697 г. «саксонский Геркулес — реставратор Польши» (так писалось в тогдашних пропагандистских листовках) Август был коронован славянской короной Пястов. Встала задача подчинить своевольный организм шляхетской республики саксонскому абсолютизму. Так как сил у одной Саксонии не хватало, то Августу II приходилось либо искать поддержки соседей в обмен на части польско-литовской территории, либо попытаться присо-

единить к наследственным саксонским владениям, например, Трансильванию, Молдавию или Лифляндию с Эстляндией, что усилило бы его позиции и было бы ступенькой к превращению польского короля в абсолютного монарха.

С самого начала Август II и Петр I пытались вовлечь в антишведскую коалицию польско-литовское государство, но это дело продвигалось с трудом.

В русско-польских отношениях чаша весов с 1654 г. начала склоняться в пользу России, хотя до 1699 г. сохранялась видимость равновесия и равноправия между двумя славянскими соперниками. В 1700—1721 гг. разложение польского феодализма, основанного на крепостной основе, необычайно ускорилося. В эти же годы русский абсолютизм развернул все возможности своей крепостной системы, что и привело к могуществу великодержавной России во второй половине XVIII в.

Вряд ли справедливо считать, что Польше не следовало участвовать в «бесмысленных» для нее войнах против Османской империи в 1683—1699 гг. и Швеции в 1700—1721 гг. на стороне «будущих могильщиков»: Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов³. Политическое прогнозирование, трудное для XX в., тем более было невозможно в XVIII в. К 1700 г. еще не обозначились четко контуры русского великодержавия. Напротив, очевидной для всех ударной силой обладали Османская империя (до середины XVIII в.) и Швеция (до 1709 г.). Бранденбург-Пруссия после «Потопа» 1655—1660 гг. «взяла в клещи» устье Вислы. Когда турки в 1683 г. появились в сердце Европы — под Веной, крестоносная идея борьбы с исламом и отвоевания Подолии делала невозможным сближение Польши с Турцией. Ущемление же интересов Великого княжества Литовского, свозившего по Западной Двине в Ригу белорусско-литовское сельскохозяйственное сырье, составлявшее основу его внешней торговли, потенциальная угроза Гданьску, через который выходила главная водная магистраль Короны, жестокая оккупация шведскими «еретиками-протестантами» в 1702—1709 гг., превратившая католическую республику в вассальное государство, склонили большинство шляхты к союзу с Россией и поддержке Августа II.

Экспансионистские аппетиты польского дворянства не многим отличались от аппетитов шведского, прусского или российского. В начале XVIII в. шляхта хорошо помнила принадлежность Лифляндии в 1561—1621 гг. к Речи Посполитой, и Восточная Прибалтика, включая Эстляндию, представлялась ей достаточно ценным призом, за который стоило бороться. Не забывали и о Дунайских княжествах. Слабыми отзвуками восточной экспансии Польши были претензии на территориальные уступки от России при переговорах о заключении русско-польского союза в 1701—1704 гг., планы Станислава Лещинского отвоевать Смоленщину и Киевщину и оттягивание ратификации «вечного мира» 1686 г. до 1710 г. Но основным направлением в русско-польских отношениях стала

тенденция к сближению, усиленная наличием общих противников — Швеции и Турции.

Данная работа представляет попытку осветить взаимоотношения России, Речи Посполитой и Саксонии в период, когда русско-польские отношения со времен средневековья и нового времени достигли наибольшего сближения. Действительно, начиная с 1508 г., когда в литовско-русских войнах впервые стали участвовать польские войска, и до 1686 г. шло почти непрерывное военное соперничество двух славянских государств за киевское наследие. Недоверчивыми были контакты и после 1686 г. из-за противодействия османской и крымской дипломатии. Вслед за Северной была война за Польское наследство 1733—1735 гг., разорительная для республики Семилетняя война 1756—1763 гг., в которой она не участвовала, а с 1768 г. началась отчаянная борьба с царизмом за независимость, продолжавшаяся до первых десятилетий XX в.

Только в Северной войне выявились точки соприкосновения и был оформлен более или менее действенный и длительный политический и военный союз. О значении русского фактора для республики свидетельствует тот факт, что от Речи Посполитой и короля за 1696—1733 гг. в Россию было отправлено 82 дипломатических миссии, что в 4 раза превышало их количество в Данию и Пруссию (по 21), Турцию (15) и Швецию (13)⁴.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Смещение русских дипломатических интересов в начале XVIII в. (особенно после Полтавы) в сторону Западной Европы и грандиозность реформ Петра I были причиной того, что на первый план в отечественной историографии выдвигались темы, связанные с балтийским вопросом, с отношениями России со странами Западной Европы и проблемами внутреннего государственного строительства.

Сведения об отношениях России с Речью Посполитой в дореволюционной историографии расплывлены в работах общего характера и в отдельных статьях. Огромное количество фактического материала по русско-польским отношениям было собрано И. И. Голиковым⁵, который в максимальной полноте представил исторические документы, бывшие в его распоряжении, однако без анализа и общей концепции.

С. М. Соловьев выделил узловые моменты в развитии отношений между Россией и Речью Посполитой, но характер и цели его работы, естественно, не позволили ему подробно рассмотреть эту тему⁶.

Для статей Н. Г. Устрялова, П. Н. Жуковича, А. З. Мышлаевского было свойственно стремление переложить вину за неудачи в Северной и турецкой войнах на польского союзника⁷.

Внешняя политика петровской России в Западной Европе и на Балтике неоднократно была предметом рассмотрения советских историков. Прежде всего можно назвать труды Г. А. Некра-

сова, Л. А. Никифорова, Е. В. Тарле, С. А. Фейгиной, Т. К. Крыловой⁸. По русско-турецким отношениям в начале XVIII в., помимо работ Т. К. Крыловой, опубликована монография С. Ф. Орешковой⁹. Анализу же третьего традиционного направления во внешней политике России, польского, отводилось мало внимания.

Впервые глубокое специальное исследование русско-польско-саксонских отношений в начале Северной войны (1697—1704 гг.) было проведено В. Д. Королюком¹⁰. В результате его работ, основанных на архивных материалах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), выяснены обстоятельства закрепления саксонского курфюрста на польском троне и те средства, с помощью которых он стремился удержать польскую корону. Было показано, как сближение России и Речи Посполитой, начавшееся в условиях нерешенных противоречий, оставшихся в наследство от XVII в., предопределило неустойчивость русско-польского союза 1704 г. и оттянуло вступление Речи Посполитой в Северную войну. Слабость военного потенциала польско-литовского союзника была причиной того, что в 1700—1706 гг. Россия делала ставку не на республику, а на Саксонию. Скрупулезным анализом В. Д. Королюк отделил польскую политику от саксонской, что представлялось нелегким делом. Все работы этого выдающегося историка характеризуются необычайной глубиной мысли, яркими научными концепциями и уважением и любовью к польскому народу и его богатой истории.

Отношения России с польско-саксонской унией в 1709—1714 гг. посвящены всего две статьи. А. П. Глаголева осветила усилия петровской дипломатии по поддержанию польского союзника и работу французских дипломатов в Польше в 1708—1709 гг.¹¹ Однако она не использовала всех материалов ЦГАДА по данной теме. Были обойдены вниманием русско-польские переговоры, касавшиеся Правобережной Украины, контакты С. Лещинского с русскими резидентами и вопрос о польской короне в это время.

Часть конкретного материала по прямым русско-польским связям за два года (1711 и 1712) изложена Т. К. Крыловой¹². Автор обрисовала военную обстановку на территории Речи Посполитой и основные этапы подготовки польского посольства С. Хоментовского в Стамбул для подтверждения Карловицкого мира.

Положительные моменты и слабости русско-польского союза в кризисный период Северной войны 1708—1709 гг., развал лагеря короля С. Лещинского в 1709 г. и политика русской дипломатии в Варшаве после реставрации Августа II в 1710 г. рассмотрены автором данной работы¹³.

С. Ф. Орешкова ввела в оборот исторической науки большое количество турецких источников и литературы. Сложность внутриполитического положения Османской империи: восстания, развал экономики в провинциях, неустойчивость политического режима в столице — повлияла на принятие Портой нейтралитета в войнах за Испанское наследство и Северной. С. Ф. Орешковой подробно

представлен ход русско-турецких переговоров в 1711—1713 гг., однако при этом был использован всего один фонд ЦГАДА — «Сношения России с Турцией», в связи с чем вне поля зрения остался ряд вопросов¹⁴.

Монографию, посвященную многосторонним международным связям на Европейском континенте, написал В. Е. Возгрин. Автор поднял пласты исторической литературы на скандинавских, западноевропейских и польском языках, использовал советские, датские и шведские архивные фонды и подробно познакомил читателей с государственной доктриной Стокгольма и Копенгагена¹⁵.

Несколько слов о работах украинских историков XIX и первой половины XX в. Основная концепция украинских историков дореволюционного периода сводилась к схеме о возможности существования независимого украинского государства в XVII—начале XVIII в. При этом не учитывалось, что реальная политика казацкой старшины как раз не исходила из этого принципа, а стремилась к поиску опоры и протектората либо у России, либо у Османской империи, либо у Речи Посполитой или Швеции.

Н. И. Костомаров, используя труды шведских историков Й. Нордберга, Г. Адлерфельда, А. Фрюкселя, в основном верно осветил сложнейшую игру И. С. Мазепы с Карлом XII, Станиславом I, Петром I и сандомирскими (А. Н. Сенявским), а также противоречия украинского гетмана с запорожцами и правобережным казачеством. Костомаровым был выдвинут тезис, что настоящим спасителем России в переломные 1708—1709 гг. был украинский народ, который в это время из «двух зол» выбрал меньшее — Россию.

М. С. Грушевский, развивая эту мысль, считал шведско-украинский союз Карла XII и Мазепы настолько мощным, что в 1708 г. решался вопрос, быть или не быть Русскому государству¹⁶. Грушевский оправдывал измену Мазепы непосильными тяготами, наложенными на Украину в связи с Северной войной, из-за чего там якобы могло вспыхнуть всеобщее восстание, если бы не присутствие русской армии. В то время как польские буржуазные историки много писали о захватнических планах Петра I по отношению к коронному Правобережью, Грушевский, наоборот, считал, что царь предавал Украину полякам и что «патриот» Мазепа вопреки воле Петра I объединил обе части Украины и не подчинялся приказам вернуть Правобережье Речи Посполитой. Нельзя согласиться с положением этого историка, что в 1710—1713 гг. Османская империя «отвоевывала» Украину для украинцев. Исторические источники бесспорно свидетельствуют об аннексионистских планах Порты на Украине.

Заслуживают внимания серьезные статьи С. Томашивського в связи с широким охватом этим историком внешнеполитической ситуации в Центральной и Восточной Европе с учетом украинского вопроса¹⁷. М. Андрусак перенял концепцию польского историка Ю. Фельдмана об «антирусском барьере» Швеция — Польша — Турция и дополнил этот барьер Украиной. Если О. Оглоблин писал

о возможном федеративном соединении Украины с Короной и Великим княжеством Литовским¹⁸, что само по себе очень проблематично, учитывая традиционную практику польских «магнатов-крулевят» на Украине, то Андрусяк выдавал союз Карл XII — Мазепа — Лещинский за равноправный, который-де под эгидой Швеции сдержал бы захватнические устремления России и Польши и привел бы к созданию украинской государственности. Нельзя считать верным представление об исключительности репрессий (экономических и политических) Петра I на Украине¹⁹. Северная война наложила тяжелое бремя на все государство. Тенденциозность приводила к тому, что такие герои украинского народа, как С. Палий, в противовес Мазепе оценивались как «разбойники»²⁰, а Полтавская битва объявлялась национальной катастрофой как для Швеции, так и для Украины²¹. Д. Дорошенко, работа которого вышла в Лейпциге в 1941 г., воспевал героизм Мазепы за попытку отбросить Петра I в Азию и сокрушался об «уничтожении» Украины, относя его, впрочем, не к 1709, а к 1711 г. (заключение русско-турецкого договора на Пруте), после чего Украина «была превращена в колонию»²².

Ответ на эти концепции был дан историками Советской Украины. Из их работ можно выделить труды В. Е. Шутого, доказавшего широкий размах народной партизанской борьбы украинцев против шведов и мазепинцев²³. Освободительная и классовая борьба на Украине была предметом рассмотрения В. И. Дядиченко. Подробно исследованы Г. Я. Сергиенко этапы борьбы казачества и крестьянства на Правобережной Украине, а также соотношение этой борьбы с политикой России и Речи Посполитой²⁴.

Серьезные работы по исследованию начального периода падения Речи Посполитой были написаны польскими историками. Для польской историографии межвоенного времени, как ни для какой другой, были свойственны стремление осовременить исторические события, пристрастность и острое переживание за исторические неудачи своей страны. Изложение событий исключительно под углом зрения позднейшей антипольской политики царизма присуще трудам даже таких крупных историков, как В. Конопчинский и Ю. Фельдман²⁵.

В. Конопчинский опирался в основном на источники, опубликованные в Швеции, Германии, Польше и России (Й. Нордберг, Е. Карлсон, К. Яроховский, С. М. Соловьев), а также использовал шведские и датские архивные материалы. Фельдман привлек большое количество неизвестных ранее архивных документов Вены, Ватикана, Дрездена, Кракова и Варшавы. Обоими историками была подробно разработана концепция «охранительного барьера» против России, в состав которого должны были входить Швеция, Польша Лещинского, Крым и Османская империя при поддержке Западной Европы. Эта концепция, вызванная к жизни межвоенной политикой Польши, привела к искажению международных отношений некоторых восточноевропейских государств. Петр I характеризовался исключительно как деспот, сознательный разоритель и ви-

новник будущих бед республики, стремящийся к отторжению украинских, прибалтийских и белорусских земель Речи Посполитой и передаче польской короны царевичу Алексею или А. Д. Меншикову. Оба автора писали о «польско-шведском братстве» и постоянных поисках поляками союза с османами. Фельдман представлял Полтавскую победу апогеем опасности для Польши, осознанным выражением которой в шляхетском обществе явились решения Варшавской рады в 1710 г. Такая трактовка событий восходила к идеям Т. Корзона²⁶.

Своеобразно характеризовали Фельдман и Конопчинский Августа II, который потенциально, при помощи Швеции, мог бы выполнить роль освободителя Польши от России. Но оппозиция сторонников Станислава I и давление султана в 1709—1714 гг. вынудили его вести двойную игру и придерживаться союза с Россией. Система русско-польско-саксонского союза рассматривалась ими как пагубная для Польши. Этим союзом Речь Посполитая была втянута в «бессмысленную» войну со Швецией, причем Петр I и Август II, отличаясь коварством, в любой момент якобы были готовы предать поляков шведам. Русско-турецкая война в 1711 г. представлялась Фельдманом и Конопчинским войной за свободу Польши с турецкой стороны, войной, в которой Польша демонстративно отказалась от сотрудничества с Россией, а Прутский мир сдержал русскую «агрессию» на Запад. Тот факт, что турки в 1711 г. не затопили украинских коронных земель, как это бывало в XVII в., объяснялся не русским походом в Молдавию, а победой военного плана Карла XII, который-де не хотел разорения Польши. Неудачи шведского короля в Османской империи объяснялись субъективным нерасположением к нему отдельных везирей, а не шведско-турецкими противоречиями. Часть положений межвоенная польская историография переняла от старой шведской официозной историографии, особенно в оценке исторической роли Карла XII.

Историография народной Польши характеризуется большей степенью объективности. Стало уделяться больше внимания немецкому «Дранг нах Остен», истории польских западных земель и балтийскому вопросу. Современными польскими историками делается упор на моменты, замалчивавшиеся их довоенными соотечественниками: грабительский характер шведской оккупации, неравноправность шведско-польских договоров, роль Сандомирской конфедерации в защите независимости Польши.

Противоборство Августа II со шляхтой, внутренние аспекты восточной политики Саксонии в Польше и их взаимосвязь с западной политикой освещены в обстоятельных и многочисленных работах Ю. Геровского²⁷. Им использовались парижские, дрезденские и московские архивы. События 1704—1707 гг., в частности вопрос об избрании нового польского короля после выхода Саксонии из войны, с достаточной полнотой разобраны А. Каминьским. В отличие от Фельдмана Каминьский представил Сандомирскую

конфедерацию не сателлитом, а партнером России, продолжавшим самостоятельную польскую политику²⁸.

В одной из последних работ Ю. Геровский в отличие от работ первых послевоенных лет дал позитивную оценку польско-саксонской унии, которая предоставила потенциальную возможность для экономического и социального подъема Речи Посполитой. Он показал напряженность отношений между Карлом XII и Лещинским и незаинтересованность Швеции в объединении Речи Посполитой, чтобы оставить ее слабой и неспособной к сопротивлению шведской политике. Геровский первый из польских историков осветил реакцию польского общества на Полтавскую победу. Не озлобленность, а воодушевление, подъем и надежды испытала шляхта в июле 1709 г. Автор подробно раскрыл переговоры одного из вождей сандомирских конфедератов — А. Н. Сенявского о возможном признании Станислава польским королем и дополнил работу А. Каминьского о военных операциях польского войска в 1707—1709 гг.²⁹

Правовое устройство Речи Посполитой и внутренние возможности военного и экономического подъема во времена саксонских королей исследовал Г. Ольшевский³⁰. Большую помощь для историков представляет работа Я. Виммера «Войско Речи Посполитой во время Северной войны» благодаря детальному разбору хода военных действий в Польше и состояния польских вооруженных сил³¹.

Вопросам Северной войны и польско-саксонской унии посвящен совместный сборник историков ПНР, ГДР и СССР «Вокруг польской короны»³². В сборнике делается упор на политическое и боевое сотрудничество «стран-участниц» Северного союза в целях отпора шведскому натиску. В порядке постановки проблемы там же исследовались экономические основы польско-саксонской унии.

Вместе с тем в работах некоторых современных польских историков можно заметить и традиционные положения польской историографии. Война Польши со Швецией и борьба за Лифляндию часто представляются бессмысленной авантюрой, причем указывается, что Петр I ради мира со Швецией, не колеблясь, пожертвовал бы в 1708—1709 гг. польским союзником, и что совместный отпор Саксонии и Речи Посполитой смог бы сдержать рост русского влияния в Восточной Европе. Содержание источников не позволяет согласиться с тезисом, что уже в первом десятилетии Северной войны Петр I ставил цель раздела Речи Посполитой³³.

В западноевропейской историографии еще держится концепция «неудержимого экспансионизма» петровской России по отношению к Польше и об антагонизме России и стран Западной Европы и Османской империи. Немецкая буржуазная историография в большей мере, чем старая польская, выделяется стремлением рассматривать Северную войну исключительно под углом зрения «русской угрозы». Факты частого расхождения интересов северных союзников позволяли и позволяют искусственно выдвигать на первый план противоречия России с Саксонией, Речью Поспо-

литой и тогдашними великими державами. Почти во всех трудах немецких историков доказывалась «реальная возможность» единого фронта стран Центральной и частично Восточной Европы против «полуазиатского» Русского государства, который бы мог пресечь стремление России к «мировой гегемонии». Восточная политика немецких государств — Пруссии и Саксонии, — находившихся в союзе с Россией, рассматривалась двояко. С одной стороны, балтийская и польская политика Саксонии была вроде перспективной для немецкого проникновения на Восток, причем Речи Посполитой отводилась роль колонии, с другой — отмечалась авантюристичность политики саксонского курфюрста, вовлекшего страну в разорительные войны. В то же время на эти два имперских княжества возлагалась историческая ответственность за то, что они фактически способствовали проникновению «восточных варваров» в Европу³⁴.

Широко цитируемым произведением немецкой историографии, посвященном войнам Карла XII, является трехтомная работа О. Хайнтца³⁵.

Первый том был издан в Берлине еще в 1936 г., и хотя остальные два тома вышли после войны, тем не менее вся работа сохранила националистический характер. Хайнтц, как и Конопчинский, восхваляет историческое предвидение Карла XII, который хотел отбросить Россию к допетровскому состоянию и тем самым «остановить будущий расцвет славянских народов под знаменем царизма». Для периода 1708—1709 гг. Хайнтц приводил доказательства, что военный гений «нового Ганнибала» поставил Россию на грань катастрофы. Залогом успеха была высокий «германский дух», всегда приводящий к победам над численно превосходящими «славянскими толпами». Польшу автор считал нежизнеспособным лоскутным «моллюскообразным» образованием, которое необходимо было расчленить ради создания шведско-пруско-саксонского блока.

Большой глубиной отличается работа западногерманского историка Е. Хассингера³⁶, построенная на неизвестных ранее материалах прусского тайного государственного архива. По мысли Хассингера, Бранденбург-Пруссия выступал соперником Швеции и России и одновременно воплощал связь событий в Западной и Восточной Европе. Эта работа отличается и общей антирусской направленностью — она была издана в разгар «холодной войны». Автор привлек массу проектов тогдашней кабинетной дипломатии с целью доказать, что Россия уже с 1711 г. якобы уже стояла перед перспективой столкновения со всей Европой. В отличие от Дройзена и Хайнтца Хассингер включает Польшу в антирусский кордон, причем спасти польский государственный организм от анархии могла только Пруссия, конечно, за цену части польских земель. Традиционная в немецкой историографии тема о разделах Польши не получила достаточного развития в советской исторической науке. Архивы ЦГАДА позволяют представить ее, сильно отличающейся от немецких концепций.

Двухтомник западногерманского историка Р. Виттрама³⁷, изданный в годы «разрядки», выгодно отличается от работ его коллег объективностью и доброжелательностью к русской истории. Исследователь привлек свежие архивные данные из Франции, Швейцарии и Германии, что позволило заполнить часть «белых пятен» по истории Северной войны, например об этапах утверждения России в Лифляндии, о так называемом экспансионизме Петра I в Германии и пр. В отличие от Хассингера Виттрам считал, что в 1711 г. русская дипломатия не испытывала страха перед турецкой войной. Координация действий северных союзников в 1711 г. блокировала шведский удар из Померании по Речи Посполитой. Правильно усматривает Виттрам главную причину отхода Речи Посполитой и польского короля от Северного союза в трениях по лифляндскому вопросу. Положительной чертой можно считать и то, что автор не пошел по проторенному руслу представлений о непримиримости всех европейских государств с «новой» Россией.

В основе шведских исторических исследований всегда присутствует традиционный вопрос о причинах поражения Швеции в Северной войне. Шведская историография в этом отношении прошла значительный путь эволюции. В начале XX в., во время «каролинского ренессанса» — возрождения интереса к личности Карла XII, шведские историки использовали мотивы защиты Швецией Европы и германизма от «русского варварства» и славян. Они писали о героических усилиях «последнего викинга» организовать антирусский блок из Речи Посполитой, Османской империи, Крымского ханства и Украины. Для этого периода было характерно перекладывать вину за поражение Швеции на «бездеятельную» Речь Посполитую и Турцию, не понявших замыслов Карла XII³⁸.

Фундаментальной работой о войнах Карла XII, которая до сих пор кладется в основу многих западноевропейских исследований по Северной войне, является труд шведского Генерального штаба «Карл XII на полях битв»³⁹.

Ко времени и после второй мировой войны можно наблюдать изменение позиций шведской исторической науки. Современные шведские историки (правда, не все), как и прежде, гордятся своим великим королем-полководцем, при котором Швеция достигла вершин политической и боевой славы. Но для большинства из них характерно отсутствие тенденциозности в освещении конфликта Швеции со странами Северного союза. Русское государство уже не оценивается как смертельный враг Швеции.

Часть шведских историков откровенно критикует захватнические планы Карла XII в Восточной Европе, которые не в пример пресловутой «русской угрозе» действительно угрожали национальному существованию некоторых государств. Швеция проводила целенаправленную политику по завоеванию устьев рек Балтийского бассейна и стремилась к расширению владений в Курляндии и польской части Лифляндии⁴⁰. Шведский король навязал Речи Посполитой неравноправный Варшавский договор 1705 г., который превращал последнюю в шведского сателлита и который само

шведское правительство опасалось тогда опубликовать из за неблагоприятной реакции в Европе. Проектировалось захватить в шведские руки всю торговлю Восток — Балтика путем установления контроля над днепровско-двинским путем. Смоленск и Киев предполагалось передать польскому вассалу. Выдвигались планы отторжения всего Русского Севера и строительства беломорско-балтийского канала с целью полного разрыва русских экономических связей с Европой через Архангельск. План шведского канцлера К. Пипера по расчленению России на отдельные вассальные княжества квалифицируется как провокационный⁴¹.

Ценным течением в шведской историографии представляется раскрытие механизма каролинской пропаганды как средства дипломатической борьбы и влияния этой пропаганды на позднейшую историографию путем параллельного источниковедческого анализа одновременно нескольких документов. Результаты шведских исследований, к сожалению, слабо учитываются в советской историографии. Шведскими историками показано, что многие слухи о «русской опасности», переполнявшие после 1709 г. Европу, восходят именно к канцелярии Карла XII⁴². Указывается, что до Полтавы в Европе существовало понятие не «русской», а «шведской» опасности из-за страха перед шведской гегемонией на Севере и Востоке Европы. В 1708—1709 гг. Карлом XII выпускались сводки о вступлении Порты в Северную войну. Это породило до сих пор неоконченную дискуссию в европейской историографии о позиции Порты в преддверии Полтавы⁴³.

Историками Швеции сейчас признается важность Речи Посполитой как оперативной-стратегической базы шведской армии и делается вывод, что там следовало бы проводить более осторожную политику и не вводить систему жестких контрибуций⁴⁴.

Суммируя результаты последних шведских исследований, можно сказать, что основные причины неудач Швеции в переломные годы Северной войны шведские историки видят в неучастии их страны в больших коалициях начала XVIII в., в разделенности стокгольмского и бендерского правительственных центров, проводивших разную политику, в крайней степени разрухи в самой Швеции и в шведско-турецко-татарских противоречиях в 1709—1714 гг.⁴⁵ Та часть шведских историков, которая в своих трудах уделяет особое внимание возможностям шведских успехов после Полтавы, посвящают свои исследования исчислению шведского военного потенциала, реальности альянса с Турцией и европейским планам спасения Швеции. Некоторые из них оправдывают жестокости шведской оккупации в Польше военными доктринами XVIII в., а планы смены режимов правления в восточноевропейских государствах — стремлением Карла XII обезопасить Швецию⁴⁶.

Итак, написание данной работы вызвано отсутствием в советской литературе специального исследования по русско-польским отношениям после Полтавской победы. Польской, шведской и немецкой историографией разрабатывалась в основном своя проблематика периода Северной войны, а не русская. Нельзя оставить без внимания предложенные западными историками концепции о нарастающей с 1709 г. опасности России для Польши, Турции и западноевропейских стран. Нельзя считать, что государства Западной Европы были монолитным антирусским блоком — даже отношения между противниками России (Швеции и Турции) носили часто противоречивый характер. Не выяснены полностью обстоятельства дипломатической борьбы между северными союзниками за утверждение в Лифляндии, которая, помимо прочего, вызвала к жизни любопытный проект восстановления там Тевтонского ордена. Не рассматривались прусские проекты раздела Речи Посполитой.

Через полтора года после Полтавской победы Северная война для России осложнилась войной с Турцией. Несколько лет русскому командованию пришлось держать на юге 62-тысячную армию. Война 1711 г. и последовавшая за ней трехлетняя напряженность с южным соседом отозвались и на Польше. Если интересы Саксонии и Августа II в 1709—1714 гг. были связаны с балтийским вопросом, то польская политика была повернута на юг. Вплоть до 1714 г. поляки опасались османско-крымского нашествия и «Хотинский поход» турок в 1713 г. чуть было не поставил республику на грань войны с османами. Этот заключительный этап конфронтации Петербурга и Варшавы со Стамбулом совсем не был предметом внимания советских историков. Отсюда вытекает необходимость исследования и позиции Порты в данный период. Возможно ли было ее более основательное вмешательство в Северную войну? Как сталкивались интересы Стамбула, Москвы и Варшавы на Правобережной Украине в 1709—1714 гг.? Собирался ли Петр I в период турецкой войны реставрировать на Балканах «Ориентальное царство» (Византийскую империю)?

Тема Прутского похода 1711 г. несколько отклоняется от принятой основной темы. Однако богатейшие материалы советских архивов не позволяют отказаться включить в текст сюжеты, связанные с османской политикой и слабо введенные в оборот советской исторической науки: военные операции у Азова, на Украине и Северном Кавказе, политика молдавского и валахского господарей, судьба булавиццев и некрасовцев после 1709 г. и их связи с Крымом и шведами и пр.

Балтийский аспект Северной войны требует отдельного исследования. Несмотря на указанные выше труды советских историков, вопросы столкновения интересов России, Дании, Саксонии и Пруссии по голштинскому и померанскому вопросам, а также взаимоотношения монархии Габсбургов, Великобритании, Голландии, Франции и Швеции в бассейне Балтики и на территории «Священ-

ной Римской империи» не могут считаться окончательно исследованными.

Не затрагивался и целый пласт русско-польских отношений, начало которого хронологически входит в рамки работы, но центр тяжести которого относится к 1715—1717 гг., — это взаимоотношения в треугольнике Россия — Речь Посполитая — Саксония в связи с абсолютистскими планами Августа II.

За начальную грань исследования избран переломный в истории Восточной Европы (и Северной) 1709 год, за конечный — 1714. Последняя дата не связана с «Полтавой на море» — русской победой у мыса Гангут. 1714 год, принятый за исторический рубеж в западноевропейской историографии, является рубежом и в русско-польско-турецких отношениях; в этом году Польша вышла из войны.

11 апреля 1713 г. в Утрехте Великобритания, Голландия, Португалия, Бранденбург-Пруссия, Савойя, разбив французскую гегемонию в Европе, пошли на мир с Людовиком XIV, почувствовав угрозу «универсализма», исходившую от Габсбургов. 7 марта 1714 г. император Карл VI подписал мирный договор с Францией. Окончание войны за испанское наследство не осталось без последствий для северного конфликта и событий на Балканах. Французский король заключил в 1714 г. «договор» дружбы с Августом II и с 1715 г. перестал поддерживать Швецию субсидиями, наметилась линия сближения с Россией. В это же время попытки Веттина выйти из Северной войны вызвали резкое охлаждение между Петербургом и Дрезденом.

Завершение конфликта России с Османской империей правильнее было бы относить не к 1713 г., как это принято в большинстве советских работ исходя из формального признака (подписания 25-летнего Адрианопольского перемирия), а перенести его на 1714 г. В 1713 г. османское правительство разорвало отношения с Карлом XII и отправило его в ссылку во Фракию, после чего в Европе начали понимать, что с разбитым под Полтавой великодержавием Швеции окончательно покончено. Но только в 1714 г. произошло размежевание русско-турецких границ, русские послы-заложенники были выпущены из Стамбула и резко спала напряженность между Портой и Россией.

К концу 1714 г. польская и украинская эмиграция, группировавшаяся вокруг Карла XII в Бендерах, получила амнистию и перебралась в Польшу и на Украину. С этого года Август II де-юре стал признаваться единственным польским королем большинством шляхты и европейских стран. В 1714 г. Порта подтвердила Карловицкий договор 1699 г. с Речью Посполитой, объявила тогда же войну Венеции, и шведскому королю ничего не оставалось, как вернуться на север, простившись с надеждой повернуть Северную войну в свою пользу с помощью янычар. После окончания войны за Испанское наследство северные союзники с тревогой ожидали вмешательства держав Великого союза, но вопреки опасениям события развивались благоприятно.

С 1714—1715 гг. начался новый период Северной войны: была организована новая антишведская коалиция с ориентацией Пруссии и Ганновера на Англию (не на Россию) и уже без Речи Посполитой. Пруссия перебросила на восток большую часть своих вооруженных сил, имея в виду завоевание Померании, а ганноверский курфюрст Георг-Людвиг, получив английский престол, повел дело к войне за шведские владения Бремен и Верден. С 1714 г. началось резкое обострение саксонско-польских отношений из-за оккупации Польши саксонцами, зародилась Тарногородская конфедерация против короля, борьба с которой привела к «Немому сейму» 1717 г. С 1714 г. произошло новое сближение России и Речи Посполитой на антисаксонской основе, и 1714—1721 годы составляют уже следующий этап русско-польских отношений.

Основными источниками, которые были использованы при решении поставленных выше проблем, были богатейшие собрания в основном неопубликованных архивных материалов ЦГАДА. Фонды «Сношения России с Польшей, Австрией, Пруссией, Голландией, Францией, Венгрией, Швецией, Турцией, Крымом», просмотренные за период с 1708 по 1714—1715 гг. и частично по 1716 г. позволяют существенно дополнить сведения по истории внешней политики России. Особенно ценными являются донесения русских послов и резидентов из-за границы. Они доставляли ценную информацию, на базе которой формировалась политика русского правительства.

Чрезвычайно важным является фонд «Сношения России с Польшей», который содержит переписку за несколько лет почти всех государственных лиц Речи Посполитой с посольской канцелярией и Петром I. Здесь же содержатся оригиналы и копии русско-польских и польско-русско-саксонских договоров, подробнейшие протоколы русско-польских переговоров и вести с заседаний сейма. По этому фонду можно проследить состояние дел русско-польского союза, а по другим фондам двусторонние и многосторонние связи России с другими государствами. Существенные и примечательные подробности содержатся, например, в фонде «Сношения России с Голландией»; в инструкциях канцлера Г. И. Головкина Б. И. Курякину встречаются оценки русским правительством польского и турецкого вопросов. Нельзя обойти фонды «Кабинет Петра Великого», «Письма разных лиц на русском языке», по которым можно детально проследить обстановку того времени в Восточной Европе.

Гибель и уничтожение значительной части дипломатических документов на Пруте не представляются безвозвратной потерей, так как многое было восстановлено в 1711—1712 гг. по копиям, имевшимся в Москве и в русских посольствах за границей.

Ценные дополнения по военным операциям в Польше после Полтавы и черновики депеш П. П. Шафирова из Стамбула имеются в фонде «Походная канцелярия А. Д. Меншикова», хранящемся в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Политическая и военная обстановка на гра-

ницах России и Речи Посполитой с Османской империей хорошо освещается документами фондов «Канцелярия Военного министерства» и «Походные журналы Б. П. Шереметева» ЦГВИА (Москва).

Ценнейшие источники опубликованы в научном издании «Письма и бумаги императора Петра Великого». В настоящее время группа составителей Института истории СССР готовит к печати тома за 1713—1715 гг. Фактически это издание переросло в собрание документов по истории России XVIII в. Историки с нетерпением ожидают появления каждого нового тома. Материалы этого издания зачастую служат основой исторических исследований.

Большое количество документов имеется в сборниках «Русского исторического общества» (Т. 20, 25, 34, 50, 61. СПб., 1877—1888), включающих донесения саксонских, английских и французских послов из России, а также в издании М. И. Семевского «Архив князя Ф. А. Куракина» (Кн. 5—10. СПб., 1894—1902), содержащем депеши, проекты и политические консультации видного петровского дипломата по вопросам того времени. Международные отношения в Восточной и Юго-Восточной Европе за несколько веков представлены в издании «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.» (Т. 1—3. М., 1965—1970).

События военной и дипломатической истории и официальная правительственная точка зрения изложены в «Журнале или подневной записке. . . Петра Великого» (СПб., 1770), «Походных журналах Петра Великого» (СПб., 1911—1912), «Военно-походном журнале Б. П. Шереметева» (СПб., 1898) и в труде П. П. Шафиров «Какие законные причины его царское величество Петр I... к начатию войны против короля Карла XII имел» (СПб., 1717). Часть источников, связанных с польским и восточным вопросом, издавалась М. Судьенко, О. Бодянским, В. Кордтом и А. З. Мышлаевским.

Сложнее проследить взаимные отношения европейских государств, имевших дело с «русским вопросом». Закулисные переговоры были нормой тайной дипломатии XVIII в. Просмотренная литература и источники позволяют сделать вывод, что у русского правительства имелось мало прямых достоверных документов, например, о прусско-шведских или саксонско-турецких контактах. Масса материала, которая отложилась в ЦГАДА на эти темы, исходила от неофициальных агентов, в виде слухов или получалась в сильно искаженном польском, молдаво-валашском или греческом виде. Эти темы дополняют источники, опубликованные за рубежом, а также мемуары современников событий, например С. Понятовского, В. Тейльса, Карла XII, Й. Нордберга, Ю. Юля, Ф. Фабриса, Д. Крмана, Е. Вайсмантеля и др.

Тема данной работы была предложена автору доктором исторических наук Владимиром Дорофеевичем Королюком, под руководством которого в 1970—1974 гг. была написана ее основная часть в Институте славяноведения АН СССР. Глубочайшая признатель-

ность за поддержку, доброжелательность и щедрую помощь к без- временно ушедшему талантливому ученому, Учителю и Человеку сохранится навсегда.

Автор благодарен сотрудникам Института славяноведения и балканистики И. Б. Грекову, Л. В. Заборовскому, А. И. Рогову, Б. Н. Флоре за полезные замечания и деловую критику.

Монография была дополнена в период работы в «петровской группе» сектора истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР. Существенную помощь оказали замечания коллег Н. Ф. Демидовой, Т. С. Майковой, Г. А. Некрасова, Л. А. Никифорова, Г. А. Санина, а также Н. И. Павленко, Е. В. Анисимова и В. Е. Возгриня. Всем им выражается глубокая благодарность.

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА И ПОЛЬСКО-САКСОНСКАЯ УНИЯ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ — ИТОГ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Северная коалиционная война началась без участия Речи Посполитой. Дело в том, что уже давно, с середины XVII в., для этого государства началась полоса внешнеполитических неудач, определявшихся кризисом фольварочно-барщинной системы. Разорение крепостного крестьянства, аграризация городов, упадок ремесленного производства, падение цен на продукцию города и деревни (в особенности мировых цен на хлеб) усиливались военной разрухой и сопровождались падением численности населения. Сказывалась и неравномерность отживания феодализма. В то время как все соседи Польши превратились в феодально-абсолютистские монархии, а некоторые европейские государства переходили на пути, ведущие к капитализму, в Речи Посполитой происходило не только окостенение надстройки, сложившейся в XVI в., но даже попятное историческое движение — возрождение форм средневекового феодализма.

Процесс разложения, затянувшийся до середины XVIII в., быстро парализовал государственный аппарат. Центральная власть оказалась разорванной между королем, гетманами, сеймом и магнатами — крулевятами. Польский сейм — высший орган республики, имевший большие полномочия, чем любой европейский парламент, — не был верховным по отношению к сеймикам. Шляхта на сеймиках взяла на себя правительственные функции: устанавливала местные налоги и распоряжалась частью общегосударственных, решала вопросы войны и мира, чеканки монет, созыва жолнёров с повятов. «Второе издание» феодальной раздробленности сопровождалось правом вооруженного сопротивления государю и правом созыва суверенных конфедераций (шляхетских союзов). Права городов и горожан ограничивались. Из 73 сеймов в 1652—1763 гг. 37 было сорвано¹.

Магнаты принимали клиентов-шляхтичей в протекторат за службу в латифундиях и вели кровавые междоусобицы за господство над отдельными областями. Образно говоря, с середины XVII по середину XVIII в. шляхта и магнатская олигархия не пополняли, а проживали ценности, накопленные со времен Ягеллонов. Разложение феодальной государственной структуры достигло максимума при королях саксонской династии Веттинов (1697—1763 гг.). Консерватизм общественного строя, анархия, фанатизм, «золотые свободы», принцип «либерум вето» давали шляхте чувство превосходства над любой другой европейской моделью

общественного строя. Высшей ценностью стала защита «золотых свобод» от посягательств королевской власти.

Децентрализованы были армия, финансовая система и дипломатическая служба. Пестрое войско республики состояло из наемных частей, пешей крестьянской милиции, личных войск магнатов, казаков и местных формирований воеводств. Платить налоги на армию шляхта отказывалась, фактически разоружая государство. В 1717 г. сейм утвердил такие отжившие формирования, как тяжело вооруженные гусарские и «панцерные». Основой обороны оставалось «посполитое рушение» — дворянское ополчение, расцвет которого приходился на XV в. Безначалие, упадок дисциплины, дезертирство привели к тому, что с конца XVII в. прославленное польское войско переживало упадок боеспособности и военного дела. Сражаться линейным строем оно было практически неспособно и перешло к методам партизанской войны: набегам и разорениям областей противника. Шляхетская «федерация воеводств» не могла ни выводить войско за пределы страны, ни самостоятельно отстаивать свою территорию.

Ослаблению социальной дисциплины и способности к общенациональным действиям в определенной мере способствовала относительно благоприятная обстановка на западных и восточных рубежах. Государственные интересы Габсбургов были нацелены на Средиземноморье и Балканы, Пруссия только начинала свой путь к великодержавию, Россия временно сняла «польский вопрос» с повестки дня. Непрерывная «малая война» велась лишь на южных границах, но за татарские набеги расплачивался в основном украинский народ, а не польский.

Раздробленность дипломатической службы не позволяла проводить единую внешнюю политику. Гетманы, пожизненно владевшие булавой, поддерживали самостоятельные сношения с Турцией, Крымом, Валахией, Молдавией, Россией, принимали посольства и держали за рубежом своих резидентов. Конфедерации заключали международные договоры, сеймики высылали собственные посольства к иноземным монархам. Каждое воеводство считало естественным решать свою судьбу без учета позиции центрального аппарата. Действия короля, магнатов и сейма зачастую были взаимоисключающими. Активная саксонская политика оказалась не усиливающим фактором, а, скорее, осложняющим. Республика не имела ни профессиональных дипломатов, ни постоянных посольств за границей, ни министерства иностранных дел, а следовательно, и полноценной политической информации.

Внутриполитическая концепция господствующего класса состояла в том, чтобы как зеницу ока беречь свои исключительные привилегии и по возможности целостность территории. Отсюда вытекал курс на нейтралитет: общей внешнеполитической концепцией того времени было стремление шляхты до минимума ограничить сношения с зарубежными государствами из-за опасения быть втянутой в международные конфликты, особенно

со Швецией и Османской империей. Польша вышла из политического соперничества на международной арене ².

Сильно ослаблял страну национально-религиозный конфликт с украинцами. «Наияснейшая Речь Посполитая обоих народов Короны Польской и Великого княжества Литовского» фактически состояла не из двух, а из трех основных политических и национальных компонентов. Украинцы имели свое самосознание, культуру и исторические традиции государственности, тяготевшие в XVII—XVIII вв. к России. По численности они не уступали полякам и полонизированному (перенявшему польскую культуру) верхушечному слою литовцев и белорусов Великого княжества Литовского, но были лишены политической автономии. В такой мере, как украинцы, ни одна народность республики — ни литовцы, ни немцы, ни белорусы, ни армяне, ни евреи — не была опасна польскому государству, ибо все они перекрывались потоком полонизации и католицизма в местах их расселения. Освободительная война украинского народа 1648—1653 гг. потрясла не только основы польской государственности, но и международные позиции Речи Посполитой. В 1667 г. Россия, никогда не отказывавшаяся от идеи воссоединения древнерусских земель, почти наполовину сократила земельные богатства шляхты на Украине, а Османская империя в 1672 г. аннексировала плодородное Подольское воеводство.

При перечислении слабостей республики было бы несправедливо умолчать о том, что наполненный для Польши войнами XVII век, насчитывавший всего 32 мирных года, прославил самую лучшую в тогдашней Европе польскую тяжелую кавалерию — знаменитых крылатых гусар — и закалил храбрость нации. И в период Северной войны поляки оставались хорошими кавалеристами.

У Речи Посполитой оставались традиционные экономические и политические связи в Европе. Все хорошо помнили последний блестящий всплеск польской военной силы — спасение имперской столицы Яном III Собеским. При фактическом падении международного престижа европейская дипломатия по инерции продолжала считаться с западнославянским государством, которое по площади занимало второе после России место на континенте ³.

Притягательность шляхетских привилегий ускорила полонизацию немцев и феодальных верхов литовцев, белорусов, украинцев. Вслед за колонизацией распространялась на восток европейская культура в польском обличье. Как раз со второй половины XVII в. Россия в основном через польское (и украинское) «окно» воспринимала отголоски европейской культуры ⁴.

Шляхетская демократия, определив понятия независимости и свободы как высшие ценности, помогла польскому народу с конца XVIII в. вести героическую борьбу за восстановление своего государства с тремя «империями черных орлов» (Австрией, Россией, Пруссией), не считаясь ни с катастрофическим неравенством сил, ни с многочисленными жертвами, практически без надежды на близкую победу. Этим польский народ заслужил глу-

бокое уважение и симпатию европейской демократической общест-венности.

Итак, без согласия Речи Посполитой польский король Август II с саксонской армией напал в феврале 1700 г. на Ригу. В марте датчане вторглись на территорию союзного шведам Гольштейн-Готторпского герцогства. Русское войско в октябре осадило Нарву. 18-летний шведский король Карл XII принял не оборонительную стратегию, а доктрину «сокращения» противников на их террито-рии и после побед 1700 г. приказал выбить медаль с изображением шведского Геракла, разбивающего черепа трехголовому дракону. В это время «нейтральная Речь Посполитая предпочитала вести политику посредничества между Швецией и своим воюющим королем. Русское правительство видело основную опору в Сак-сонии, имевшей тогда неплохо обученную и дисциплинированную 30-тысячную армию.

Однако невыносимые грабежи шведской оккупационной армии, насчитывавшей 23 тыс. солдат, и назначение Карлом XII познан-ского воеводы Станислава-Богуслава Лещинского марионеточным польским королем, что являлось нарушением основных прав шляхетской республики, привели к образованию «двух Речей Посполитых» — антишведской Сандомирской (1702—1717) и про-шведской Варшавской (1704—1709) конфедераций с двумя коро-лями. В дальнейшем под Речью Посполитой мы будем подразуме-вать Польшу, объединенную в рамках Сандомирской конфеде-рации. Сандомиряне объявили войну Швеции и 19(30) августа 1704 г. заключили в Нарве «Вечный оборонительный союз» с Рос-сией, но без ратификации («внесения в конституцию») «вечного мира» 1686 г. За обещание республики воевать со шведами до конца войны силами 48-тысячного войска Россия обязывалась к военной и большой денежной помощи — по 200 тыс. руб. за каж-дый год войны. Прибалтика (без Эстляндии) должна была быть отдана Речи Посполитой. (По русско-саксонскому договору 1699 г. и Лифляндия, и Эстляндия передавались Августу II.) Хотя Речь Посполитая в 1704 г. не согласилась подтвердить «вечный мир» 1686 г., тем не менее нарвский договор означал установление русско-польского боевого сотрудничества.

Убедившись в бесплодности покончить с Веттином на польской земле, несмотря на победы у Клишова 1702 г., Пултуска 1703 г., Вسخовы (Фрауштадта) 1706 г., Карл XII в 1706 г. рискнул нару-шить суверенитет «Священной Римской империи», оккупировал часть Саксонии и в замке Альтранштедт (между Лейпцигом и Галле) заставил саксонских министров подписать тяжелый и унижительный мир. Державы «Великого союза» не могли выру-чить саксонцев, как в 1700 г. датчан, в связи с напряженными военными действиями на западных фронтах. Польско-саксонская уния разрывалась, Саксония выводилась из войны и выплачивала огромную контрибуцию (по 625 тыс. талеров в месяц). В резуль-тате Речь Посполитая потеряла короля, а Россия — опору в Цент-ральной Европе.

В отличие от 1701—1704 гг., когда борьба за влияние в Польше велась между Дрезденом и Стокгольмом, в 1705—1709 гг. основным соперником Швеции стала Москва, где тревожились, сумеют ли шведы полностью консолидировать поляков и повести их за собой на восток. Оказалось нет. Карл XII не сломил поддерживаемых Россией сандомирян, и три года (1706—1709) Сандомирская конфедерация оставалась единственным союзником России в самое тяжелое время Северной войны.

Во главе ее стоял великий коронный гетман А. Н. Сенявский — глава независимого правительства, вооруженных сил и распорядитель финансов. В январе 1707 г. сандомиряне объявили междуцарствие и подтвердили союз с Россией. Ухудшение стратегического положения после Альтраншtedтского мира сделало более настойчивым стремление союзников к миру.

В России вслед за Астраханским восстанием последовал сильнейший классовый взрыв на Дону, продолжались волнения в Башкирии, шло экономическое разорение центральных областей, росло недовольство старшинской верхушки на Украине. Сандомиряне в отличие от Петра I достоверно знали планы Мазепы и серьезно опасались, что «отложение» Украины от России приведет к их полному окружению. Тревожил южный фланг — союзникам было известно, что Станислав I, донцы и башкиры добиваются военной помощи из Крыма. Поэтому и сандомиряне и русская дипломатия искали у великих держав поддержки. На помощь Великого союза можно было надеяться.

После открытого вмешательства Карла XII во внутренние имперские дела (восстановление прав силезских протестантов) общее впечатление было таково, что шведский король идет на явный конфликт с императором. Опасность для Великого союза усугублялась тем, что вождь венгерских повстанцев Ференц II Ракоци временно восстановил независимость Венгрии, а французская армия угрожала прорывом через Рейн к шведам в Саксонию. Угроза шведской и французской гегемонии в разных частях Европы казалась реальной.

Русская дипломатия, не прекращая в Дрездене и Копенгагене переговоры о воссоздании Северного союза, предлагала императору Иосифу I и английской королеве Анне включить Россию в Великий союз и использовать русские вооруженные силы против Франции. Одновременно Петр I с согласия сандомирян предлагал польскую корону Евгению Савойскому. Но фейерверк шведских побед настолько снизил престиж союзников, что ни Великобритания, ни монархия Габсбургов не считали тогда их способными оказать действенную помощь против Франции или Швеции. Принятие же польской короны автоматически приводило к войне со шведами.

В то же время в Польше русские дипломаты и сандомирские конфедераты просили французских представителей принять посредничество с целью заключения мира со Швецией при условии сохранения за Россией хотя бы устья Невы и предлагали польский

трон Ференцу Ракоци. Людовик XIV считал возможным объединить войну за Испанское наследство с Северной войной. В случае мира между Швецией и Россией он рассчитывал обратить силы русского государства против Габсбургов и предлагал объединить усилия русской и французской дипломатии на Босфоре для побуждения Османской империи к диверсии в Венгрии. Но Карл XII наотрез отказался оставить за Россией выход к морю. Тогда французы, рассчитывая все же включить Россию в антиавстрийский барьер, решили оказать через Порту и Крым нажим на Петра I, чтобы тот пошел на мир со Швецией без Петербурга и отказался от контактов с Габсбургами. (На несколько лет это стало основой политики Франции в Стамбуле.) Насильно навязать Польше марионеточного короля, как это сделал Карл XII, и тем удержать шведов за Западным Бугом русское правительство не могло.

В 1707 г. для русского и польского союзников еще оставалась надежда, что Карл XII «увязнет» в конфликте с императором, но в сентябре 1707 г. отдохнувшая 33-тысячная шведская армия двинулась на восток. Карл собирался разбить Россию, посадить на московский трон своего вассала, например Якуба Собесского, и установить в стране допетровские порядки.

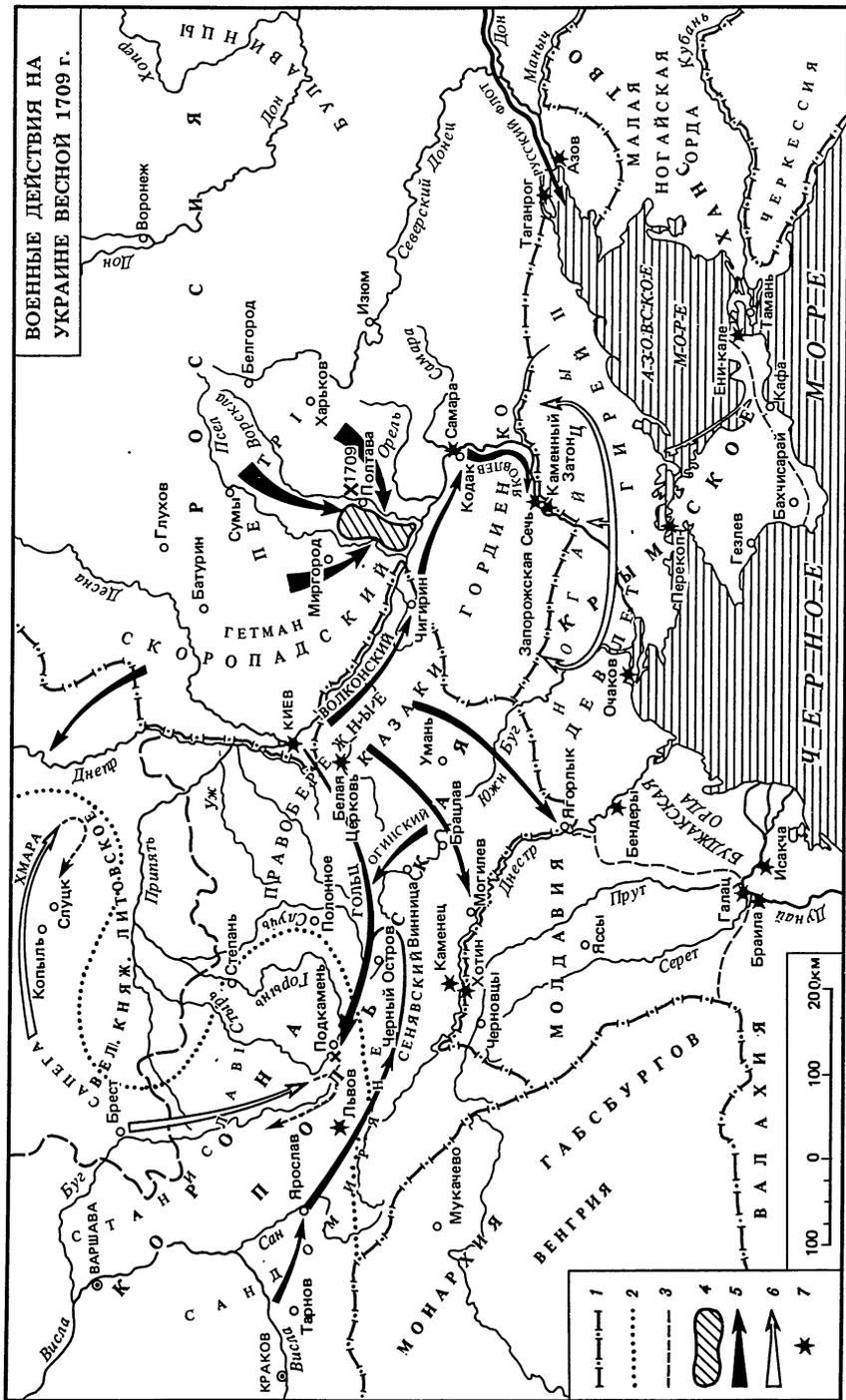
В этих условиях польского и русского союзников в первую очередь интересовали дела и состояние русско-польского союза как единственной реальной опоры в Северной войне, затем саксонские дела — надежда на открытие экс-королем Августом «второго фронта» в Польше и османская опасность. Одно то, что Россия продолжала держаться против шведов, уже много значило для существования сандомирских конфедератов. Разбив русскую армию, Карл XII мог бы надеяться на переход сандомирян к Станиславу I. Поэтому обе стороны призывали друг друга избегать генерального сражения и ослаблять противника в «малой войне».

От русского союзника сандомиряне добивались в соответствии с договором 1704 г. выплаты денежной помощи, посылки войск на Западную Украину и возврата Правобережной Украины, которая со времен восстания С. Папия находилась под русским и казачьим военным контролем.

Русское правительство, чтобы поддержать сандомирян, не отказывалось посылать к ним вспомогательные казацкие соединения и выплачивать субсидии, хотя находилось в тяжелом военном и финансовом положении.

Летом 1708 г., когда Карл XII одержал победу у Головчина и продолжал идти в смоленском направлении, угрожая Москве, наступил временный кризис русско-польского союза. В критической обстановке русская дипломатия вынуждена была согласиться на проект сандомирских конфедератов о признании ими Лещинского польским королем при условии нейтралитета Речи Посполитой в Северной войне и соблюдении условий «вечного мира» с Россией. Таким образом, военная сила шведского короля грозила развалить русско-польский союз так же, как за два года

**ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА
УКРАИНЕ ВЕСНОЙ 1709 Г.**

до этого польско-саксонскую унию. Но к сентябрю 1708 г. русская армия последовательным выполнением Жолкевского стратегического плана, в частности оголошением полосы земель от Пскова до Чернигова, заставила свернуть Карла XII с московского направления на Украину. С этого времени в России уже не соглашались на нейтралитет Речи Посполитой. Однако вскоре ухудшилось положение сандомирян. На них большое впечатление произвели измена Мазепы и слухи о готовящейся помощи Крымского ханства Карлу XII. Великий коронный гетман А. Н. Сенявский продолжал вести переговоры со Станиславом I о его признании. Чтобы воспрепятствовать этому, Петр предложил Сенявскому принять польскую корону, переслал 10 тыс. руб. из мазепинской казны и направил несколько армейских полков на Волынь.

Зная о популярности среди казачества соперника Мазепы С. Паляя, Петр I вызвал его из сибирской ссылки, восстановил на Правобережье и использовал славу и авторитет украинского героя для нейтрализации впечатления от измены Мазепы и очищения Великого княжества Литовского от хоронгвей Станислава, некоторые из которых весной 1709 г. появились в Белоруссии у Мозыря и смоленских рубежей, а на Правобережной Украине у р. Случь (карта 2). Однако Петр I не сделал Паляя украинским гетманом, как предлагали некоторые из его окружения, и не направил его против сторонников С. Лещинского на Волынь, опасаясь возможной неблагоприятной реакции в Речи Посполитой, где хорошо помнили палиевское восстание.

Варшавские конфедераты в 1709 г., недовольные самовластием Карла XII, не желали оказывать действенной помощи гибнущей на Украине шведской армии. Несмотря на запрещение шведского короля, они вступили в переговоры с сандомирянами и заключили с ними нечто вроде перемирия. С конца 1708 г. Станислав I налаживал постоянный контакт с русскими резидентами в Польше и информировал их о своем стремлении к миру с Россией, а также предлагал польское посредничество в русско-шведских переговорах. Эта политика С. Лещинского свидетельствует о действительной неспособности и нежелании его «партии» воевать с Россией. Поэтому антирусизм сторонников Станислава I и их якобы бескомпромиссную программу завоевания Смоленска и Киева, как это традиционно считалось в отечественной и польской исторической литературе, следовало бы считать историографическим мифом⁵.

27 июня (8 июля) 1709 г. наглухо блокированная шведская армия потерпела катастрофу на полях под Полтавой.

←

Карта 2

1 — государственные границы; 2 — примерные пределы продвижения отдельных хоронгвей Станислава I в апреле 1709 г.; 3 — границы автономных государственных образований; 4 — размещение войск Карла XII и И. С. Мазепы; 5 — направления боевых действий северных союзников; 6 — направления действий станицей и крымских татар; 7 — крепости.

Полтавская битва совершила переворот в военных и политических отношениях в Восточной и Северной Европе. С уничтожением шведской армии, основной опоры шведского могущества, сократились размеры шведского влияния в Европе и соответственно выросла сфера влияния победившей ее страны (не только в Северной Германии и Польше, но и на Балканах). Главной опорой в Северном союзе стала Россия, а не польско-саксонская уния, как это было в первые годы Северной войны. «Глухая оборона» 1707—1708 гг. сменилась активным дипломатическим и военным наступлением русских. Слава победы под Полтавой смыла налет ущербности с русской армии и государства, она пробила дипломатическую изоляцию, и Россия стала полноправным государством европейской политической системы.

Новая обстановка поставила новые цели. После Полтавы Петр I мог направить все силы на решение наступательных задач. Так как Карл XII не соглашался на территориальные уступки, то средствами для достижения «прибыльного» мира могли быть, во-первых, вытеснение шведов с восточного и южного побережий Балтики и, во-вторых, военное и дипломатическое блокирование боевых сил шведского короля в Молдавии. Теперь уже не шведское, а русское командование преследовало противника по всем направлениям. Под победную дробь русских барабанов капитулировали последние ключевые города Восточной Прибалтики. Одновременно необходимо было во что бы то ни стало сохранить мир с Османской империей и не допустить шведско-османского блока. Решение этих задач, казалось, зависело от прочности позиций в том регионе, который граничил с северным и южным флангами, т.е. на территории Речи Посполитой. Республика на долгие годы стала иметь стратегическое и экономическое значение как база русской армии. С 1709 г. началось усиление влияния России в Речи Посполитой, превышавшее влияние любой соседней страны.

Еще с 1704—1707 гг. Россия по просьбе сандомирян взяла на себя часть функций польского государственного аппарата: она защищала от шведов гетманов с их войском и население, «золотые вольности», финансировала вооруженные силы республики, подавляла антипольские восстания на Правобережной Украине, ходатайствовала о непризнании Станислава I при иностранных дворах. С того же времени верхушка сандомирских конфедератов — примас С. Шембек, великий коронный гетман А. Н. Сенявский, коронный подканцлер (с 1711 г. великий канцлер), кавалер ордена Андрея Первозванного Я. Шембек, куявский епископ К. Ф. Шанявский — выговорила для себя «погодные дачи» в 10 тыс. ефимков, выплачивавшиеся из русской казны более или менее регулярно в Москве или через векселя на Амстердам и Гамбург, помимо субсидий на войско, которые, по выражению Е. И. Украинцева, «напрасно сыпались яко в огонь или в воду»⁶.

Остальные лица прорусской партии — М. Волович, Огинские, С. Хоментовский, С. Денгоф, Л. К. Поцей, М. К. Коцел, К. Зара-

нок — «наворачались на потребный голос» периодическими дачами. В 1707 г. польское войско принесло присягу «пребывать постоянно при союзе и обязательстве с его царским величеством российским»⁷. После очищения Польши от шведов русские гарнизоны были размещены и ремонтировали крепости Эльблонга, Риги, Белой Церкви, Полоцка, Быхова (предполагалось ввести русские гарнизоны в Каменец-Подольский и Замостье). Без Петра I, как раньше без Карла XII, в Польше не могли утвердиться ни короли, ни гетманы.

«Милостью царя» Август II получил снова польскую корону, а Поцей стал великим литовским гетманом. Бывшие приверженцы Станислава, если хотели получить амнистию, должны были добиваться ее как от Августа II, так и от Петра I. А. Д. Меншиков от своего имени раздавал охранные грамоты на имения магнатам, «отдавшимся в защищение и оборону его княжной светлости». Основную опору, как и в 1700—1706 гг., русская дипломатия снова стала видеть не в республике, а в Саксонии, в отношении к которой нужно было восстановить союз (а позже воспрепятствовать сепаратным попыткам Веттина к миру со Швецией).

Полная смена шведского влияния русским на польской земле особенно чувствительно задела интересы Франции. Польша выпала из традиционной французской системы «антиавстрийского барьера», и вернуть ее к союзу со Швецией стало уже практически невозможно.

Можно отметить еще два следствия Полтавской битвы, которые выпускаются из виду. 1709 год дал стимул к новой волне национально-классовой борьбы на Правобережной Украине, которая, не прекращаясь, переросла впоследствии в гайдамачество. Полтава положила конец и последнему (мазепинскому) проекту перехода Украины в состав Речи Посполитой. Одновременно она нанесла последний удар булавинскому восстанию, которое, как известно, не завершилось со смертью вождя. События 1709 г. заставили последователей К. А. Булавина покинуть Дон и искать помощи у крымцев и даже в молдавском лагере шведского короля.

В русской внешней политике удельный вес польского вопроса после 1709 г. резко упал. Если в 1706—1708 гг. основное внимание уделялось Польше как единственному политическому союзнику, то после Полтавы петровская дипломатия переключила главную работу на западноевропейские страны, от которых в значительной мере зависело решение балтийского вопроса. Несмотря на низкую оценку боеспособности республики, задача по отношению к ней оставалась прежней — удержать в войне.

1709 год стал переломным еще для четырех государств.

На фоне богатырского разворота России роль Саксонии (с учетом альтраншtedтского позора) катастрофически уменьшилась. Места для вторичной попытки создать срединное польско-литовское государство в унии с Саксонией, способное соперничать с Габсбургами или Россией, уже не было. С 1709 г. цели короля-саксонца постепенно смещались от максимальных (приобретения

в Лифляндии и Померании) к умеренным (удержать «съезжавшую» с головы корону и насильственно реформировать Польшу в сторону абсолютизма, как делал Петр в России). Параллельно с этим нарастала убежденность в целесообразности сепаратного выхода из войны при посредничестве западных держав, Турции или даже Крыма.

Осторожничавшую 10 лет Данию Полтавская победа подхлестнула к реваншу. Ревизовать Травентальский мир, отвоевать Южную Скандинавию и Гольштейн — вот те задачи, которые ставил Фредерик IV, готовя десант для расчета с наследственным врагом на коренной шведской земле.

Катастрофа, сопровождавшаяся потерей всей полевой армии под Полтавой и Переволочной, заставила Швецию перейти к оборонительной войне и от политики игры на противоречиях великих держав к союзу с Францией в 1712 г. (Лишь железная воля короля затянула агонию на девять лет.) Перенапряжение сил страны и смерть в 1718 г. Карла XII обрушили государственную структуру: пал абсолютистский режим, гегемон Северной Европы превратился во второстепенное государство с ограниченными внешнеполитическими задачами и начал пробиваться слабый ручеек шведского нейтралитета⁸.

* * *

Известие о Полтавской победе вызвало вздох облегчения в Польше. Россия положила конец почти восьмилетнему хозяйничанью в ней шведов. По оценке тогдашних польских современников, Полтава буквально возродила польскую республику — были восстановлены сеймики, рады, суды, трибуналы, т. е. все институты, низверженные шведской оккупацией. Победа сбила оковы неравноправного Варшавского договора 1705 г., навязанного Швецией. Польша радовалась победе союзника. Раздавались даже голоса об объединении «Сарматского и Московского» государств, чтобы поддержать «блестящую славу славянского имени»⁹. Станислав I не имел веса, чтобы сыграть на идее независимости Польши, и 19 августа 1709 г. предложил объединиться обоим враждующим конфедерациям и по тактическим соображениям без боя отдал судьбу своей короны новым выборам.

Все же в течение двух месяцев (июль—август) 1709 г. в Речи Посполитой (до прихода русских войск) сохранялось прежнее двоевластие. Возникает вопрос, почему С. Лещинский мог задержаться в Польше, хотя его войско рассыпалось из-за массового дезертирства? Почему корпусу шведского генерала Э. Крассау удалось ускользнуть в шведскую Померию, хотя с запада ему отрезали путь саксонцы, а с тыла мог напасть коронный гетман Сенявский с русскими полками Г. Гольца?

Можно отметить, что для шляхты после Полтавы возникла новая ситуация. Если до июля 1709 г. она держалась за Августа как за средство освобождения от шведского гнета, то после разгрома

шведов можно было подумать о монархе, который был бы в большей от нее зависимости. Против реставрации Августа был настроен Сенявский. Зная, что кандидатура будущего короля в значительной мере зависит от воли Петра I, он и его супруга Елизавета-Елена Сенявская («гетманиха», как иногда называли ее русские резиденты) пытались подтолкнуть царя к мысли о новой элекции. В июле 1709 г. Е. Сенявская писала Петру I, что будущий король, который должен быть свободно избран всей Речью Посполитой, должен отличаться от бывшего короля Августа — быть верным союзником России, не связываться ни с Пруссией, ни с Портой, ни с морскими державами, не начинать войн без согласия Польши и России и не использовать Речь Посполитую в абсолютистских целях¹⁰. Сенявский зондировал мнение русской дипломатии насчет продвижения к польскому трону королевича Константина Собесского. Об элекционных планах гетмана писали Г. Гольц, Г. Огинский, предупреждали С. Денгоф (маршалок Сандомирской конфедерации) и Я. Шембек¹¹.

По Польше носились слухи о том, что Сенявский надеется сам стать королем, используя поддержку России. Не следует забывать, что всего лишь в апреле 1709 г. Петр I предлагал корону великому коронному гетману, чтобы удержать его от перехода к Лещинскому. Видимо, организация предвыборной кампании, на которой всплыла бы его кандидатура, соответствовала планам Сенявского. Но, учитывая осторожность гетмана и отсутствие источников более определенного характера, других выводов о шансах Сенявского на польский трон после Полтавы делать нельзя.

В то время, когда Август II, перейдя польские границы, просил посылки русской конницы в Польшу¹² и беспокойно искал связи с коронным войском, польский гетман стоял в Малой Польше и наблюдал, как к саксонцам приближается корпус Крассау. Свою пассивность он оправдывал ожиданием помощи из Великой Польши от генерала Я. З. Рыбиньского. Можно предположить, что политическим расчетам Сенявского не помешал бы разгром отступавшими шведами войск саксонского курфюрста.

В России в первые недели после Полтавы не считали кандидатуру Августа единственно возможной для польского трона¹³. Однако можно утверждать, что кандидатуры царевича Алексея или Меншикова не выдвигались русской стороной, так же как и в 1707 г., хотя многие европейские дипломаты ожидали этого от Петра I. Подобные слухи, как и раньше, распространялись станицами. Назначение русского короля в Польшу было бы невыгодно даже в изменившихся после Полтавы условиях — терялась поддержка саксонского союзника, выгодность посреднического положения между королем и республикой, взваливались на плечи все польские противоречия. Ставить же вопрос об образовании русско-польской унии и установлении общности царствующей династии, как в 1815 г., было вообще невозможно. Поэтому представляется сомнительным предположение Е. Отвиновского, за которым пошел Ю. Фельдман, что шляхта вторично согласилась

на кандидатуру Августа, испугавшись, что будет навязан король из России¹⁴. На намеки Сенявского о новой элекции ничего не отвечали, полностью ориентируясь «на немца, ломающего подковы» с августа 1709 г. Гетман с беспокойством слал письма с уверениями в своей преданности русско-польскому союзу и об отсутствии у него намерений перехода к Станиславу в 1707—1709 гг.

Основную причину задержки Станислава I в Польше можно усматривать не в том, что окончательная «руина» шведов не была в интересах сандомирских конфедератов, а в том, что им было трудно изгнать противника. Основные и самые боеспособные части русской армии (почти вся пехота) были переброшены на завоевание Восточной Прибалтики, учитывая, что в Польше не ожидалось серьезного сопротивления.

4 августа 1709 г. царь отправил «на польское раздолье» 30 драгунских и 5 пехотных полков (всего 19 603 человека)¹⁵ под командованием Меншикова низложить Станислава, изгнать шведов и добиться повторной присяги республике Веттину. На Вольни «светлейший князь» намеревался укрепить позиции православия¹⁶, а в Польше обещал амнистию тем, кто сложит оружие в течение 2—6 недель, выдавал охранные грамоты «всем, отдавшимся в защищение и оборону его княжей светлости» и накладывал контрибуции на сторонников С. Лещинского. Появление сил Г. Гольца и А. Д. Меншикова активизировало жолнёров Сенявского, авангард которых 24 августа пошел вслед за Ю. Потоцким, отходившим вдоль Вислы на север.

19, 25 августа, 7, 9 и 24 сентября 1709 г. Полонное, Люблин, Сольцы и Варшава колокольным звоном, салютом, фейерверками, конными ристаниями и балами, под возгласы «Виват царь московский!» встречали «северного Самсона» (Петра I) и русских гвардейцев. Жители угощали солдат «печеными мясами», пирогами и питьем. 27 сентября польские депутаты во главе с примасом С. Шембеком и клиром благодарили в Торуня полтавских героев за освобождение и просили царя «поставить по обещанию 12 полков... на несколько времени» для защиты Великопольши со стороны Померании¹⁷.

«Чумной» корпус Крассау, сократившийся из-за эпидемии с 11 до 6 тыс. человек, в октябре 1709 г. откатился к Щецину. Шведский генерал отказался предоставить жолнёрам Станислава I убежище в Померании (вероятно, из-за возможного протеста Великого союза, не желавшего перенесения войны в Германию). Путь Карлу XII в Молдавию был перекрыт русскими, и Ю. Потоцкий с 40 хоронгвями, двумя полками и двумя сотнями драбантов Лещинского повернул назад, намереваясь через Карпаты уйти в Венгрию. Отступление не было беспорядочным: в сентябре Потоцкий напал на саксонцев под Мелковичами, взял несколько десятков пленных, но отпустил, сняв с них мундиры и оружие¹⁸. 11 октября под Одолянувом он нанес поражение полкам преследовавшего его Г. Гольца.

Это сражение Северной войны, в котором с обеих сторон участвовало 8—10 тыс., прошло незамеченным в русской военно-исторической литературе и по недоразумению зачислено как победа Г. Гольца в фундаментальном труде Я. Виммера¹⁹. Погоня из 9 полков — лейб-регимента Меншикова, двух гренадерских, Петербургского, Владимирского, Ярославского, Архангельского, Ингерманландского и Белоозерского драгунских — настигла отступавших недалеко от силезских границ. Гольц приказал полковнику Х. Ф. Роппу переправиться через топкую речку у Одолянува и атаковать противника. Гатей не было, переправа оказалась глубокой, за ней были снова болото и изгороди. По одному и по двое переводили драгуны коней через речушку. Ю. Потоцкий не допустил перехода всех сил русских и атаковал «всем корпусом и с окриком» 5 перешедших полков. В тесном и болотистом дефиле в суматохе и скученности спешившиеся драгуны пытались построиться в две линии. Удар по фронту, но главным образом по обоим флангам, привел к замешательству. Драгуны были отрезаны от переправы и своих коней и стали отступать. Гольц во время сражения «в полатах сидел и смотрел в окошко»²⁰. По ошибке адъютант царя Е. Ю. Маврин сообщил Петру I 18 октября: «Слышно нам от поляков, что. . . Гольц воеводу киевского побил», а верный своей натуре Меншиков добавил, что Потоцкий «бегает как заяц»²¹.

За исключением этого сражения, Польша была освобождена почти бескровно.

В отличие от коронного литовское войско Я. К. Сапеги отказалось сопротивляться русским или эмигрировать в Молдавию. 10 августа 1709 г. Сапега сообщил фельдмаршалу Б. П. Шереметеву о своем желании быть на стороне русских, просил выхлопотать амнистию у царя и воздержаться от наступления на его части. 18 и 26 сентября генерал-майор Я. В. Полонский предложил литовскому войску в две недели перейти к Августу²².

28 сентября Сапеге и его виднейшим полковникам Хмаре, Шемету, Мрозу, Пакошу, Конаревскому от имени царя была выписана амнистия²³. 11 ноября шесть полков Полонского и три полка Л. К. Поцея под Брестом приняли капитуляцию и «распустили по квартирам» 3 рейтарских, 3 драгунских, 3 пехотных полка и 140 хоронгвей — всего 15 тыс. литовского войска. Сапега надеялся остаться великим литовским гетманом. Но литовское войско царь перевел в подчинение Поцея, и ему же оставил великую булаву. Со шведской оккупацией было покончено.

Большинство шляхты снова, как и в 1700—1703 гг., стало стремиться к нейтралитету, и русско-польский союз стал считаться обременительным. Через три года после освобождения республика односторонне денонсировала статью договора 1704 г. о военной помощи (см. ниже).

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО СОЮЗА.
РУССКО-САКСОНСКИЕ ДОГОВОРЫ В ДРЕЗДЕНЕ И ТОРУНИ

Уже к началу 1709 г. Август II восстановил свою армию до 15 тыс., но до Полтавской битвы не решался открыть военные действия против шведов, хотя и вел тайно переговоры с русскими дипломатами на эту тему. Он, как и датский король, оттягивал заключение договора с Россией, дожидаясь, пока Швеция ослабеет настолько, что можно будет не опасаться повторной оккупации Саксонии. В последний момент саксонцы проявили оперативность и, получив 24 июля 1709 г. известие о Полтавской победе, 26 июля заключили выгодный для себя договор в Дрездене. Этот договор не соответствовал изменившимся после Полтавы условиям²⁴. Согласно Дрезденскому договору, Петр I обязывался помочь Августу в военных действиях 13 полками Г. Гольца, выдать сразу же, как только Веттин вступит в Польшу, 300 тыс. талеров и платить за каждый год войны по 100 тыс. руб., кроме жалованья на саксонцев и коронное войско, а также преследовать шведов везде, в том числе и в Саксонии. В тайной статье пришлось пойти навстречу абсолютистским планам саксонца: обязаться поддерживать действия Августа в Польше и еще при его жизни заставить шляхту признать его сына наследником польской короны. Некоторый учет интересов польского союзника сказался в условии, что саксонцы вступят в Польшу только после «предварительной публикации манифестов и по истребованном совете у гетмана коронного полского и у прочих сенаторов».

8 августа н. ст. Август II прокламировал разрыв Альтраншtedтского договора, и 24 августа 11 тыс. саксонцев перешли польскую границу, но вынуждены были задержаться на пограничье, боясь напасть на шведов, отходивших в Померанию, и прикрывая собой Саксонию. Петр отказался от ратификации Дрезденского договора и в сентябре 1709 г. в местечке Сольцы у Вислы пошел на присоединение к оборонительному антишведскому договору «трех Фридрихов», заключенному еще до известия о Полтавской победе Саксонией, Пруссией и Данией в Потсдаме 4(15) июля 1709 г. Даже это было шагом к восстановлению антишведской коалиции. Учитывая опыт 1700 г. (бомбардировка Копенгагена), при восстановлении Северного союза было уделено много внимания интересам морских держав. Заявлялось, что северогерманские владения Швеции не подвергнутся нападению, если шведы оттуда не атакуют союзников.

Наконец, 9(20) октября 1709 г. в Торунь с Августом II без участия Речи Посполитой был заключен новый договор, в котором нашли ясное отражение изменения в отношениях между северными союзниками после Полтавы²⁵. В первых статьях под формулировкой, что стороны взаимно прощают «бывшие противности и отрицаются претензий с обеих сторон» и признают недействительными все ранее составленные записки, документы и секретные статьи, были аннулированы Дрезденский и Альтраншtedтский

договоры. Основным изменением в Торуньском договоре был отказ от субсидий. Августу обещали помочь укрепиться на польском престоле «как войском, так и добрыми средствами». Позже, ссылаясь на это, русское правительство считало ликвидированной и статью договора 1704 г. о предоставлении Речи Посполитой 200 тыс. руб. ежегодно. Для обороны Польши от вторжения шведов из Молдавии или Померании Россия обещала держать там необходимый минимум вспомогательных войск — 14—17 тыс., а в Саксонии — 10—11 тыс. на протяжении всей войны. Практически же количество войск русской стороны, согласно договору, могло быть неограниченным²⁶.

Впоследствии этот пункт привел к большим осложнениям в русско-польских и русско-турецких отношениях. В случае появления шведов в Польше царь обещал лично руководить военными операциями. При нападении на Саксонию Петр I, как и раньше, соглашался преследовать шведов и там, но теперь уже с условием выдачи провианта и фуража русской армии. Подтверждалось обязательство не нападать на северогерманские владения Швеции²⁷, координировать действия против гарантов Альтраншtedтского договора (Великобритании и монархии Габсбургов) и гарантировать друг другу свои завоевания. Август II обязывался добиваться у Речи Посполитой внесения в конституцию «вечного мира» 1686 г. Кроме того, предполагалось присоединить к договору польско-литовское государство и Датско-Норвежскую унию²⁸. Об обязанности Августа II консультироваться с должностными лицами республики в Торуньском договоре в отличие от Дрезденского ничего не говорилось. Россия снимала с себя обязательство способствовать установлению наследственной династии Веттинов в Речи Посполитой — первое официальное свидетельство перехода русской внешней политики к принципу поддержания «золотых свобод» (гарантии польских вольностей) и территориальной целостности республики под русским протекторатом, определившему основы царской дипломатии до 1772 г.²⁹ По тайной статье 10(21) октября 1709 г. Эстляндия передавалась России, Лифляндия — Саксонии (лично Августу), а не Речи Посполитой, однако при условии не уступать ее шведам и всегда быть в союзе с Россией.

Во время ракетного салюта, последовавшего за заключением договора, Петр I разбросал в народ 40 тыс. тынфов.

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ И ПОЛЬСКО-САКСОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВАЛЬНОЙ ВАРШАВСКОЙ РАДЕ 1710 Г.

Урегулирование русско-польских и польско-саксонских отношений после Полтавы происходило на Вальной Раде (генеральном съезде Сандомирской конфедерации), созванной в Варшаве 24 января и продолжавшейся по 5 апреля 1710 г. На Раду съехалось по 20—30 человек от каждого воеводства, тогда как на сейм съезжалось зачастую по 2—3 посла. Съезд был организован Сандомирской конфедерацией в форме Рады, а не сейма, чтобы исклю-

чить применение «либерум вето» и не позволить сорвать восстановление Августа II. Маршалком стал глава сандомирян С. Денгоф, однако на Раде полновластными членами присутствовали и варшавские конфедераты. Несмотря на «апокалипсические времена» (в 1707—1713 гг. свирепствовала чума, в 1710 — голод, в 1711 — засуха и саранча, в 1713 г. — наводнение), заседания проходили в обычной обстановке пиров и балов. В Конопчинский оценивал Вальную Раду как «манifestацию польской ненависти к москалям». Это, конечно, явно тенденциозная оценка.

Первостепенным вопросом, из-за которого созывалась Рада, был вопрос об условиях восстановления польско-саксонской унии. Шляхта понимала, что восстановление Августа происходит помимо нее, в обход права «вольной элекции», при участии только группки магнатов. Помня о прошлых абсолютистских замашках короля, широкие массы шляхетства обоснованно опасались новой волны саксонского наступления на «золотые свободы». Лучшей гарантией против этого шляхта считала подтверждение саксонским курфюрстом «пакта конвента» — условий избрания короля 1697 г. Если Август II откажется подтвердить их, то послам Киевского воеводства, например, предписывалось идти даже на срыв Рады. Многие послы требовали, чтобы Август не имел права выезжать за пределы Речи Посполитой, и даже предлагали отделить короля от Саксонии, передав саксонский престол его сыну, т. е. сделать шаг к расторжению унии³⁰. Выдвигались проекты подчинения саксонских войск гетманам и польским офицерам и удаления саксонцев после реорганизации польского войска. Раздавались даже голоса о продлении бескорольевья³¹.

Вторым по важности вопросом для шляхты было прекращение войны со Швецией. После изгнания шведов из Польши шляхта уже не видела смысла в Северной войне и безоговорочно требовала выхода из нее, не задумываясь, каким способом и какими средствами можно добиться мира. Только отдельные лица предлагали осадить польскими, а не русскими силами Эльблонг и наказать Гданьск за прошведскую политику в минувшие годы, а также обратиться за посреднической помощью к морским державам.

Исключением на Раде были проекты и политические обзоры С. Карвицкого, хорошо понявшего смысл системы «северного нейтралитета» (нейтрализации северогерманских провинций Швеции). Он предлагал отправить посольство к Габсбургам, чтобы те воспрепятствовали нападению шведов из Померании в обмен на декларацию, что туда не вступят польские войска. Карвицкий считал, что только после того, как Речь Посполитая будет уверена в безопасности своих северных границ, можно начать переговоры с русским командованием о выводе русских войск в Лифляндию, которая не охвачена гарантиями «северного нейтралитета». Он предлагал отправить войско Великого княжества Литовского на помощь русской армии к Риге, а коронное оставить в Польше против возможной диверсии шведов. Карвицкий говорил, что если Габсбурги не гарантируют Польшу от

шведского нападения, то в стране следует оставить часть саксонских и русских полков. Исключением на Раде были и предложения хелминского воеводы Т. Дзялынского, стоявшего за продолжение войны и укрепление государства путем увеличения собственных вооруженных сил.

Для укрепления своих позиций польская дипломатия в противовес Саксонии и России работала над объединением сандомирян и бывших варшавских конфедератов. Сословная общность подталкивала сандомирян, так же как и станиславцев в 1707—1708 гг., к объединению, а не уничтожению бывших противников. Этим питалась надежда поддержать политический вес Речи Посполитой в условиях возросшего могущества России. Громче всех требовали всеобщей амнистии бывшие варшавские конфедераты, они же призывали распустить Сандомирскую конфедерацию.

Болезненным вопросом было содержание как своих, так и вспомогательных саксонских и русских войск. Немецкая и межвоенная польская историография много писала о так называемой «волне русского варварства», захлестнувшей тогда Польшу и угрожавшей всему западному культурному миру. Нельзя отрицать, что содержание любых армий ложилось тяжелым бременем на плечи польского, белорусского и украинского населения тогдашней Речи Посполитой. Проход русской армии по коренным русским областям сопровождался не меньшим ущербом для крестьянских хозяйств. Естественно, от постоев пострадали больше всего имения бывших сторонников Лещинского. Однако пребывание вспомогательных войск нельзя считать сознательным средством к разорению и ослаблению польского государства. Как уже указывалось, некоторые представители польского общества считали необходимым их присутствие. Насилия же, сопровождавшие сборы провианта, совершались как русскими, так и саксонскими и польско-литовскими войсками, не говоря уже о шведских³². Сборы русской армии были более терпимы, чем организованное насилие шведов³³. Шведская оккупационная политика сознательно применяла прием разорения страны, чтобы привести ее к покорности³⁴. Немаловажное значение имел факт, что в комиссии по сбору провианта шведы назначали своих офицеров, а русские во главе их часто ставили представителей местной шляхты. В русскую армию было набрано много иностранных офицеров (от трети до половины офицерского корпуса), поступивших на службу исключительно ради обогащения³⁵. Преувеличивали слухи о тяжести поборов и бывшие станиславцы, распространявшие ложные сведения, что, кроме хлеба и фуража, «приказано в одной Литве собрать 160 тыс. подвод под лес на корабли, а ежели кто не имеет лошадей, то будто хотят саму шляхту под тот лес в возы запрягать»³⁶. Русские дипломаты и Петр I хорошо сознавали вред от слабой дисциплины, и царь издавал многочисленные указы о карании «своевольных» и назначал правительственных комиссаров для разбора жалоб. Меншиков пытался парировать жалобы «историей» — мол, русские

лишь хлеб собирают и не ведут себя так, как поляки 100 лет назад в Москве, вошедшие в столицу под видом союзников ³⁷.

По вопросу о польско-саксонской унии Рада обязала Августа вывести саксонские войска как можно скорее в Саксонию и не вводить их обратно без согласия шляхты. Король обязывался не начинать войн против желания республики и возвратить все потерянные в прежних войнах земли Речи Посполитой. В общем же утверждение Августа II на польском троне прошло относительно спокойно, что можно объяснить ясной для всех расстановкой политических сил.

На третьем по важности месте для польских депутатов стоял комплекс вопросов, связанных с урегулированием русско-польских отношений. Для русской дипломатии встала сложная проблема обеспечить продолжение войны с территории Польши в условиях шляхетского недовольства. Еще в Торуни Петр I назначил Г. Ф. Долгорукого послом при короле и республике как знатока польских дел. По инструкции на него была возложена задача добиться признания и включения в польскую конституцию «вечного мира» 1686 г. На положительное решение ее после Полтавской победы можно было надеяться.

В связи с энергичной деятельностью Карла XII и польской эмиграцией в Молдавии посол должен был погасить очаги оппозиции и сделать Польшу прочным тылом и базой наступления против Швеции. Для этого Долгорукому предписывалось добиться осуждения бывших станиславцев, запретить амнистии без согласования с ним, распустить хоронгви бывших противников и не допускать их на государственные должности и сеймы. Чтобы снизить влияние гетманской власти, послу следовало добиваться, чтобы гетманы не имели войск сверх установленного количества и не набирали жолнёров без королевских указов.

Кроме того, ставилась задача получить от короля и республики обещание отправить посла к султану Ахмеду III с извещением о восстановлении Августа II и Северного союза. Этим Порта предупреждалась бы, что в случае войны она будет иметь дело с объединенным польско-саксонско-русским блоком ³⁸. Общими задачами русской дипломатии было стремление удержать поляков в Северной войне и мобилизовать их в случае надобности против Османской империи. Обстоятельствами, способствующими выполнению русских целей, могли быть шведская угроза, противоречия между королем и республикой, а также подкуп. Присутствие же русских войск в Польше, которое при других обстоятельствах могло бы помочь, оказалось отрицательным.

На третий день Рады 27 января 1710 г. Г. Ф. Долгорукий встретился с Августом II и предложил в целях содействия интересам России и Саксонии лишить бывших станиславцев права голоса и изложил все положения своей инструкции. Но от короля, «кроме комплиментов», не было никакой помощи. Веттин начинал тяготиться русской зависимостью, искал опоры в магнатстве и соглашался на объединение обеих конфедераций как противовес

царю. Протесты русского посла против присутствия на Раде вождей станиславской партии оказались безрезультатными: и Август и сандомиряне заявили, что польский король должен быть подтвержден всеми голосами республики, в том числе и бывшими противниками³⁹. Долгорукому сказали, что Корона и княжество больше всего желают объединения сословий.

10 февраля 1710 г. депутация в составе великого литовского канцлера С. К. Радзивилла, куявского епископа К. Ф. Шанявского и краковского воеводы Януша Вишневецкого выставила встречные требования, в зависимости от выполнения которых «вечный мир» обещали внести в конституцию. После выражения благодарности за желание царя жить в мире и дружбе с республикой депутаты начали полемику о выводе русских вспомогательных войск. Долгорукий напоминал, что войска введены для изгнания шведов и реставрации законного короля, учитывая слабость польских вооруженных сил, которые оказались не в состоянии разбить Э. Крассау. Он высказал опасение, что после эвакуации солдат царя придется опять затрачивать большие усилия для освобождения Польши в случае повторного шведского нападения. Одновременно посол успокаивал, что если весной 1710 г. не будет опасности шведского нападения, то части, введенные сверх установленного по договору 1704 г. количества (12 тыс.), будут выведены.

На пяти встречах в феврале 1710 г. польская сторона продолжала настаивать на немедленном удалении русских войск уже в марте—апреле 1710 г.⁴⁰ 24 февраля русскому послу был подан письменный мемориал, из 19 статей которого почти половина касалась взаимоотношений с союзником, прекращения визимания контрибуций, освобождения шляхетских крепостных Белоруссии от строительных работ в связи с осадой Риги и т. п. В остальных статьях просили освободить пленных станиславцев, в особенности бывшего великого литовского гетмана М. Вишневецкого, вернуть на вербованных в Россию ремесленников и вернуть Белую Церковь, Фастов, Немиров, Богуслав и взятый в феврале 1710 г. русской армией Эльблонг, а также разместить польских жолнѐров в полоцкой и быховской крепостях. На последнем месте выставлялась просьба выплатить субсидии по Нарвскому договору 1704 г.

27 февраля Долгорукий тоже «письменным респонсом» доказывал, что союз «без отступлений» содержится Россией, никаких тайных статей в ущерб республике не заключалось с Веттином, и обещал весной вывести войска после появления подножного корма для конницы, если польско-литовское войско совместно с русской армией выступит против шведов. Станиславцев Долгорукий предлагал предать суду вместо освобождения. По территориальному вопросу, кроме вывода гарнизона из Эльблонга, посол обещал передать под польскую юрисдикцию все обещанное. В вопросе о выплате субсидий наконец (после Полтавы) стала действовать статья Нарвского договора — платить не отказывались, но только после вывода в поле против шведов 48-тысячной польской армии.

Таким образом, не было достигнуто соглашения ни по одному пункту. Позже Долгорукий, наблюдая общую атмосферу в Варшаве и Европе и имея известия, что Карл XII скоро пойдет через Польшу с турецким конвоем, а морские державы собираются принять на службу корпус Крассау (конечно, не без ущерба для русских интересов), сообщил канцлеру Г. И. Головкину, что в польском вопросе надо уступать. Особенно беспокоил южный фланг: по мнению посла, если бы Османская империя начала войну, то следовало опасаться наихудшего — повторной потери Польши.

Убеждая свое правительство удовлетворить требования польской стороны, Долгорукий писал, что даже Август советовал обещать полякам все, чтобы не сорвать Раду и завершить реставрацию саксонской династии в Польше, «а потом де его царское величество может волю свою исполнить: как войска, так и потребные фортеции до конца войны удержать»⁴¹. Посол предлагал направить указы комендантам городов на Правобережной Украине о выводе русских гарнизонов, «токмо б поляков на Раде удовольствовать».

Ценность обладания частью Правобережья как залога в русско-польских переговорах хорошо сознавалась русским послом, и он уверял Головкина, что, со своей стороны, не выдаст таких обещаний, пока «вечный мир» не будет ратифицирован и не будут осуждены «шведские адгеренты» (приверженцы Карла XII).

Не получив дополнительных инструкций от правительства, которые пришли только в апреле 1710 г., Долгорукий самостоятельно пошел навстречу польским пожеланиям, что способствовало в конце концов успешному завершению переговоров. На заключение компромисса действовала и угроза отъезда посла с Рады и известие о подтверждении Ахмедом III 3 января 1710 г. перемирия с Россией. Оно было помещено Долгоруким в польских курантах и действовало на прошведски настроенные умы.

4 апреля 1710 г. окончилась Рада, а 7 мая Долгорукий обменялся с депутатами документами: в обмен на «респонс» и письма, посланные от него к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, гетману И. И. Скоропадскому и киевскому губернатору Д. М. Голицыну о выводе русских полков за пределы польско-литовских границ, польские депутаты передали декларацию о внесении «вечного мира» 1686 г. и «вечного оборонительного союза» 1704 г. в конституцию, об осуждении станиславцев, о роспуске частных хоронгвей и о посылке польского посла в Стамбул с извещением о восстановлении законного короля. Русское правительство приняло к сведению советы Августа II и санкционировало действия своего посла.

Итак, в 1710 г. Россия наконец добилась от Польши того, чего не могла добиться почти четверть века — официального признания своих западных границ. (1710 год рассматривался тогдашними современниками как такой же значительный рубеж в истории польско-русских отношений, как и 1686 год.) Ратификация «вечного мира» была получена в результате Полтавской битвы и формальных обещаний о возврате городков Правобережья. То, что

эти обещания оказались выполненными только через два года и по совершенно иным причинам, следует объяснить тем, что ослабленная республика не имела никаких гарантий для их выполнения.

Все польские требования, выдвинутые на Раде, позже вошли в статьи посольства М. Воловича 1710—1711 гг. Можно отметить, что и русская сторона, несмотря на резкое усиление своего влияния и анархию в Польше, не получила всего желаемого. Все последующее время ей приходилось настаивать на «отлучении чистых овец от нечистых»: Петр I пенял польскому королю, что на своих должностях оставлены многие бывшие противники, в частности коронный стражник С. Потоцкий, который в 1709 г. вел переговоры с Крымом о заключении наступательного договора против России, и М. Вишневецкий, который «ловительствовал» (покушался) на особу царя.

Не удалось поднять вопрос о «привращении церквей из унии в благочестие», о чем так настаивал А. Д. Меншиков перед Петром I⁴². Вместо посла в Стамбул поляки послали только гонцов (50 тыс. талеров для посольства С. Хоментовского республика смогла собрать только осенью 1712 г.).

Со шведами польское войско, определенное Вальной Радой в 58 тыс. 200 человек (численность явно нереальная), воевать не могло, и из Северной войны Речь Посполитая практически вышла.

Ограничения власти гетманов и сокращения численности войск в их подчинении, чего желали видеть в России и что в общем согласовывалось с антимагнатской политикой шляхты, на Раде не произошло, так как шляхта в то время видела в гетманах защитников «золотых свобод» против абсолютизма Августа и, может быть, русского влияния.

Рада признала Веттина единственным польским королем, но «многомятущаяся» Речь Посполитая, вступив расколотой в Северную войну и воюя расколотой, только формально объединилась при короле. Фактически там продолжала существовать антиавгустовская оппозиция.

Большинство решений Рады по внутренним польским вопросам осталось только на бумаге.

РОССИЯ, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
И ПРУТСКИЙ ПОХОД

ПОЗИЦИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ШВЕДСКИЕ ПЛАНЫ В 1711 Г.
ПРОТИВОРЕЧИЯ В БЕНДЕРСКОМ ЛАГЕРЕ КАРЛА XII

После разгрома шведской армии под Полтавой возможность вступления Османской империи в войну с Россией не уменьшилась, а возросла по сравнению с 1708—1709 гг. В ее молдавских пределах определились новые побуждающие к войне силы: шведский король, польская эмиграция и запорожцы. Конечно, не от них зависел русско-турецкий конфликт, но тем не менее необычайная энергия Карла XII, мобилизовавшего те политические крохи, которые были в его распоряжении, способствовала тому, что южные границы России и Речи Посполитой лихорадило пять лет.

Порта не сразу пришла к мысли использовать шведского короля в дипломатической игре с Россией. До весны 1710 г. турецкая дипломатия придерживалась мирного курса. В сентябре 1709 г. на переговорах с П. А. Толстым именно турецкая сторона добивалась продления 30-летнего перемирия и даже заключения «вечного мира», что русский посол обуславливал интернированием Карла XII, выдачей мазепинцев, а после смерти престарелого гетмана выдачей и «скверного трупа проклятого Мазепы или одной его злокозненной головы»¹.

6 февраля 1710 г. в Москве гремела канонада по получении известия от П. А. Толстого о подтверждении перемирия 1700 г. с Турцией. Сохранение мира на юге в 1709—1710 гг. способствовало успешному завоеванию Восточной Прибалтики. С весны 1710 г. ситуация на юге изменилась. Если в 1709 г. Карл XII появился в пределах Османской империи как беглец в сопровождении всего 1—1,5 тыс. человек, то к маю 1710 г. его положение поправилось. Под знамя королевской ставки из Варничей, около Бендер, стекались осколки разбитых отрядов из Украины, Запорожья, Крыма и Прикубанья (некрасовцы). Весной 1710 г. из Венгрии прибыл 1,5—2-тысячный отряд Ю. Потоцкого, состоявший из поляков и немецких наемников. Лагерь шведского короля вырос примерно до 10 тыс. человек. Основную силу составляли орликовцы и запорожцы — примерно 6—7 тыс.

Карл XII мог рассчитывать поднять Османскую империю только тогда, когда убедит Порту в том, что антиавгустовские и антипетровские силы в Восточной Европе способны вернуть Россию к дополтавскому состоянию. Представитель короля в Стамбуле, бывший воспитатель царевича Алексея, М. Нейгебауер, раздувая опасность русского могущества, 30 сентября соблазнял

Порту возможностью установления турецкого протектората над Украиной, казачество которой будто бы стремится перейти в турецкое подданство, возможностью навсегда отбросить Россию от османских границ, говорил о необходимости привлечения Ирана к войне и обещал ввести в Черное море 30 шведских небольших кораблей².

Но путь во дворец к Ахмеду III был проложен не М. Нейгебауером, а генералом С. Понятовским, который доказывал, что царь хочет окончательно завладеть Польшей, продиктовать мир ослабленной Швеции, ввести флот в Черное море и потом вместе с поляками начать войну на Балканах. Закулисная деятельность С. Понятовского оказалась настолько успешной, что П. А. Толстой, не сумев соблазнить его 200 тыс. руб. и чином генерала артиллерии русской службы, пустил в ход иное средство — яд. Однако управиться с С. Понятовским (а заодно и с Ю. Потоцким), как прежде с одним из сотрудников своего посольства, надумавшим перейти в ислам, не удалось³. В Стамбуле и Бендерах шли разговоры, что 200-тысячная русская армия продвигается к османским границам, а 20-тысячный корпус уже строит мосты на Южном Буге⁴.

В июле 1710 г. активность сторонников Карла XII возросла до такой степени, что было произведено нападение на русские гарнизоны Ягорлыка, Бершади, Каменки и Сумской полк, т. е. на Левобережную и Правобережную Украину (правда, без официальной санкции Порты). Все это начало оказывать действие на правительственные круги Османской империи. Приверженец нейтральной позиции к России везир Али-паша Чорлулу был сменен Нуманом Кёпрюлю, который начал «войну нервов» и стал настаивать на предоставлении Карлу XII 40-тысячного эскорта при возвращении его через Польшу в Померанию, чтобы показать этой военной «демонстрацией» свою заинтересованность в польском вопросе. Но все же летом 1710 г. Порта не приняла план шведского короля, а выдвинула свой проект, который и начала осуществлять. Крымскому хану и бендерскому Юсуф-паше было указано проверить возможность примирения сандомирян и Августа II с Карлом XII для восстановления прежнего равновесия⁵.

Турецкое правительство не желало окончания Северной войны, отвлекаяшей Петра I от черноморской проблемы, и поэтому решило ввести шведского короля в Польшу путем дипломатического давления на Россию, но не войной. Завязалась огромная турецко-русская переписка о проходе Карла XII в Швецию и о численности сопровождающего его конвоя. В качестве крайней меры давления османы угрожали силой пробить путь Карлу XII. Официально Порта заявляла, что, посылая короля через Польшу, она не нарушает суверенитета России, а если поляки будут сопротивляться, то они будут скоро разбиты турецкими силами. Следовательно, мир не нарушится, если царь не вмешается в турецко-польские отношения.

После полутора лет колебаний Стамбул все же решился вмешаться в события в Восточной Европе и отбросить Россию от своих северных границ. С сентября 1710 г. русское правительство пере-

стало получать регулярно чрезвычайно ценную информацию от П. А. Толстого. 15(26) ноября Нуман Кёпрюлю был сменен Мехмедом Балтаджи-пашой и в Константинополе взяли верх открытые сторонники войны. Султан выставил ультиматум: вернуть Азов и Таганрог, очистить Речь Посполитую, признать польским королем Станислава I, независимость казачества на Украине и отказаться от завоеваний в Прибалтике. Османская империя стала готовить силы для предстоящей кампании.

Возникает вопрос, почему при довольно сильных и традиционных антивенцианских настроениях (Венеция, слабейший член Священной лиги, отобрала в 1699 г. у Порты Пелопоннес) турки взяли курс на войну с Россией? Можно согласиться с Т. К. Крыловой и С. Ф. Орешковой, что основную роль сыграл мощный дипломатический натиск Швеции и Франции⁶, однако нельзя не учитывать и политические взгляды самой Порты на ситуацию в Восточной Европе. Война была объявлена не в кризисный для России 1708 г., а в год максимальных успехов русского оружия. Новая расстановка сил в результате Полтавской победы возбудила опасения, что Польша полностью попадет под контроль русского соседа и от Балкан до Азова будут сильные и враждебные силы с перспективой вмешательства в дела православных христиан Османской империи. Именно такую информацию получали в Стамбуле от станиславцев, шведов и орликовцев. Азовский вопрос вряд ли стоял на первом плане. В аргументации, с помощью которой дипломатия Карла XII, Станислава I и Людовика XIV побудила султана к войне, фигурировал прежде всего «экспансионизм» России в Восточной Европе и на Балканах. Азовский вопрос выдвинулся только в конкретной обстановке 1711 г. В 1712—1714 гг., уже имея в руках устье Дона, османы тем не менее не прекращали состояния войны с Россией из-за польского вопроса.

В момент объявления войны Порты рассчитывала на обещание Карла XII о вспомогательной диверсии из Померании. Но воевать за интересы Швеции в глубине Украины и Польши она не хотела и практически не могла. Шведский король рассматривался скорее как фигура в дипломатической игре, чем полноценный союзник. Слабость султанского режима, финансовые беспорядки, периодические восстания от Египта до Черногории и Месопотамии, болезненность утраты Пелопоннеса вынуждали к непродолжительной войне. Османская политика в начале XVIII в. была в достаточной мере осторожной. Именно поэтому в Стамбуле не было заключено ни союзного договора, ни какого-либо письменного соглашения со шведским королем. Максимум, чего добился Карл XII за пять лет пребывания в стране падишаха, было согласие Ахмеда III на шведское пожелание о предстоящей войне, пересказанное османскими чиновниками в письме без подписи и печати в виде обещания, что ни мира, ни войны он не будет оформлять без шведского короля⁷.

Это обещание, которое, по словам П. П. Шафирова, «шведы почитали за союз», было дано перед Прутским походом, когда османская армия собиралась в Адрианополе и не было уверенности

в исходе войны. Речь Мехмеда-Балтаджи, якобы сказанная перед походом, что он с саблей в правой руке и с королем при левой во главе 100-тысячной армии проложит путь Карлу XII к его государству⁸, не следует понимать буквально.

Особенно заботилась османская дипломатия не допустить единого антитурецкого фронта в предстоящей войне, как это случилось в 1683—1699 гг. В апреле 1711 г. в Вену к Евгению Савойскому прибыл посол Сейфулла-ага, объявивший о выступлении армии султана против России и обещавший не нарушать Карловицкого мира с Австрией и Польшей. Молдавскому господарю было приказано избегать всего, что могло бы стать поводом к войне с Речью Посполитой. С удовлетворением Порты отмечала нежелание польского короля обострять отношения на юге. Французскому послу в Стамбуле П. Дезальеру, который был заинтересован направить оружие султана против Августа II и заявлял, что все гетманы и магнаты, «будучи утеснены от войск его царского величества, надеются найти себе всякое вспоможение от Порты», но не могут подняться, пока янычары не подойдут к польским границам, отвечали, что Османская империя не собирается объявлять войну республике, но хочет освободить Польшу от русского присутствия, дать возможность Карлу XII вернуться домой и уменьшить силу царя⁹. Поддерживая материально отряд Ю. Потоцкого и орликовцев, которым в «прокорм» была отдана Молдавия, Порты не была против их диверсий за Днестром, но открыто не участвовала в этих акциях.

Таким образом, из нескольких возможностей — заключение союза со Швецией, официальное признание королем Станислава I и объявление войны Августу II (Саксонии) или Речи Посполитой и локализация войны только с Россией — Порты выбрала последнее. Этим она не рисковала возродить против себя новую коалицию, не обостряла отношений с Австрией и выступала в выгодном свете «освободительницы» Польши и Украины.

В источниках нет упоминаний о роли, предоставляемой в предстоящем походе Карлу XII. Сухопутная армия в связи с трудностями длительного марша не планировала перехода польских границ для соприкосновения с русскими и «не собиралась нападать, но ждать нападения»¹⁰. Войска, набранные в Египте, Анатолии, Румелии и Боснии, численностью 118 400 человек должны были из Адрианополя двигаться в направлении молдавских границ, а флот, состоявший из 27 галер, 20 галеонов, 30 галиотов, линейного корабля и 280 мелких судов с 30-тысячным десантом, — идти из Синопа к Азову¹¹. На Азовском море предполагалось сначала разбить русский флот, затем высадить десант и осадить Азов и Таганрог. С Кубани туда же должны были прибыть кубанские ногайцы и некрасовцы на 50—130 ладьях и, «разделясь, идти одним на Дон, а другим на Волгу»¹². Запорожцам и крымцам ставилась задача разбить русскую флотилию, которая должна была спуститься по Днепру к Каменному Затону.

Политическим недосмотром султанского правительства можно считать пассивность в отношении мусульман и ламаистов Поволжья, Урала и Средней Азии. Зимой 1709 г. через ногайца Мехмед-Салиха и весной 1710 г. через посла Пехлеван Кули-бея калмыцкий хан Аюка обещал Стамбулу в случае предоставления протектората Портой организовать совместно с Девлет-Гиреем антироссийский фронт чингизидов из калмыков, казахов, каракалпаков и башкир¹³. В 1711 г. Порты через бухарского бая Атея, совершавшего хадж в Мекку, просила бухарцев быть «склонными» к войне с царем, но в отношении предложений Аюки, как и предводителя башкир Мурат-султана в 1706 г., сочла, что от кочевников будет больше «беспокойства», чем пользы, и призвала калмыков лишь поддерживать мирные отношения с Крымом¹⁴. Усилившиеся волнения в Поволжье (П. М. Апраксин 1 мая 1711 г. писал, что вся Казанская губерния в неприятельских руках¹⁵) не имели отношения ни к Порте, ни тем более к военнопленным шведам в Казани¹⁶.

* * *

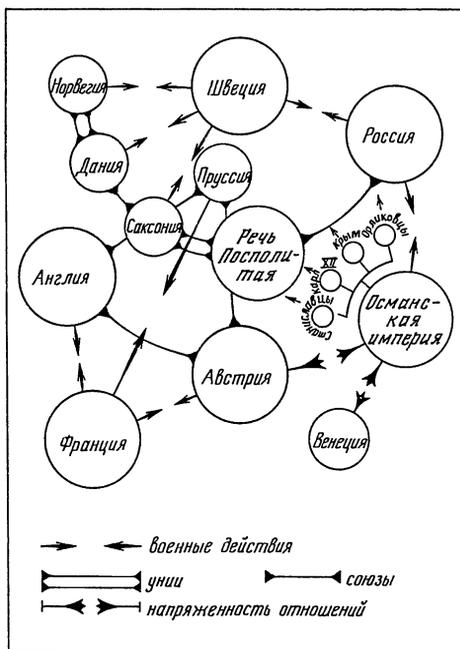
Явное истощение и перенапряжение сил Швеции подсказывало Карлу XII вести не наступательную, а оборонительную войну путем защиты ее заморских владений с опорой на западные державы. Именно такую политику осуществлял глава королевского совета Арвид Хурн (Горн). В стратегическом отношении Швеция после 1709 г. оказалась окруженной поясом земель, входивших в Северный союз — от Норвегии через Саксонию до Финляндии. На Балтике шведскими оставались только отдельные островки.

Полководческий талант короля и присутствие его в Лифляндии, несомненно, затруднили бы завоевание этой провинции Россией. Но Карл XII все поставил на турецкую карту и наступательную войну. Чтобы в глазах султана создать видимость равноценности военных усилий, ему было необходимо активизировать войну в Северной Германии (и Польше), а это противоречило интересам Великого союза. Несоблюдение интересов морских держав и Габсбургов и попытка продолжать наступательную войну были промахом шведского короля, но, исключая эту основную ошибку, все остальные действия Карла XII были целеустремленны и опасны для северных союзников. Не следует забывать, что общий военный потенциал Швеции после капитуляции в Переволочне еще составлял 70 тыс. человек, а «новый Стокгольм» — молдавская ставка Карла XII в 1709—1713 гг. — находился всего в 75 км от самого южного местечка Речи Посполитой — Ягорлыка. Карл не мог допустить, чтобы после потери армии была потеряна Речь Посполитая. Этим объясняются его активные попытки использовать затянувшееся неустойчивое положение в Польше и прорваться к С. Лещинскому, стоявшему тогда у г. Опатовца, около Кракова.

В отличие от шведского короля Арвид Горн и Государственный совет считали, что великодержавная мощь Швеции после Полтавской катастрофы сломлена и нужно защищать собственно Швецию

и примириться хотя бы с Данией или Саксонией. Сенат против воли короля пошел на признание «северного нейтралитета» шведской Померании, оформленного 28 марта 1710 г. в Гааге Голландией, Англией и монархией Габсбургов, и считал реальным десантировать новую полевую армию в Польшу. В связи с этим у С. Лещинского в Стокгольме возникли большие трудности, когда он в соответствии с возложенными на него функциями главнокомандующего в немецких провинциях Швеции стал готовить десант на южное побережье Балтики. Сенат не поддавался убеждениям Станислава I, что надвигающаяся русско-турецкая война заставит Петра I очистить Польшу, а силы Августа II будут связаны Карлом XII и янычарами. Политические расчеты Сената и польского изгнанника были верными каждый по-своему. Польский вопрос близко касался Османской империи, и надежда на ее помощь не была утопией, но шведские дела на далеком севере Европы почти не трогали турецкое правительство.

Шведский король после Полтавского поражения ни на йоту не утерял твердости и бескомпромиссности. План его предусматривал восстановление шведской гегемонии в Восточной Европе. Петр I и Август II, как и прежде, оставались для него личными и смертельными врагами. Вслед за султанским манифестом об объявлении войны Карл XII опубликовал 30 ноября 1710 г. протест против «северного нейтралитета», провозгласив свое право преследовать врагов повсюду, где он сочтет нужным, и 28 января 1711 г. снова объявил войну «узурпатору» Августу II. В феврале король указал начать переговоры со всеми имперскими князьями о вербовке немецких наемников для Швеции. В основной части план Карла XII предполагал повторное завоевание польского стратегического плацдарма. Крымский хан должен был вторгнуться в Центральную Россию и сжечь Воронежские верфи, попутно освободив пленных шведов, работавших там; османская 100-тысячная армия — взять Киев, а С. Лещинский из Померании через Вислу — идти на Минск. В марте король собирался быть на Висле, а в мае соединиться с генералом Крассау в Саксонии. Из Финляндии

Расстановка основных политических сил в Европе в 1710—1713 гг.

наносился вспомогательный удар по Петербургу. «Все русские границы от Ладоги до Кавказа должны были быть охвачены войной»¹⁷ — так тенденциозно оценивали план короля шведские историки в начале XX в.

Реальные возможности Карла XII, однако, не соответствовали его фантастическим замыслам. В Молдавии он находился, несмотря на прибывшие подкрепления, в исключительно трудных условиях. Прежде всего его действия затруднял отрыв от Швеции, состояние которой было бедственным¹⁸. Турецкая политика Карла XII сильно охладила его отношения с морскими державами и Империей, а также Пруссией и Ганновером. Сам король нуждался в самом необходимом; в Бендеры шведы просили присылать из Крыма даже трофейные шпаги и пистолеты, взятые татарами от русских¹⁹. Немецкие наемники дезертировали из Молдавии²⁰. Почти все средства, с трудом приобретаемые в Османской империи, шли на привлечение и содержание станицлавцев, орликовцев и подкупы в Стамбуле и Бахчисарае. Незначительность сил Карла XII позволяла производить только местные пограничные нападения. О его бедственном положении свидетельствовал и тот факт, что увеличить свой отряд король надеялся такими мерами, как освобождение шведских пленных, временно содержавшихся русским командованием на Украине, вербовкой турок и татар и выкупом тех шведов и поляков, которые оказались рабами в Крыму²¹.

Вероятно, максимум, на что мог реально надеяться бендерский изгнанник, судя по тем проектам, которые сохранились в источниках, — это на подход турецкой армии к границам Речи Посполитой или России и в лучшем случае на прорыв шведов из Померании к молдавским границам и спасение короля из Бендер.

Несмотря на все трудности, следует признать, что в 1711 г. был взлет судьбы шведского короля в Османской империи, но апогей этот, как и все колебания в положении Карла XII на юге, зависел от позиции Порты по отношению к России и Польше.

Свой политический вес Карл XII пытался увеличить концентрацией вокруг себя запорожцев, поляков и привлечением к союзу крымцев. При этом приходилось преодолевать другую трудность — противоречивые цели этого конгломерата. Основной ставкой продолжала оставаться антиавгустовская оппозиция. В манифестах, рассчитанных на Речь Посполитую, Карл XII представлял себя освободителем от саксонца, защитником «золотых свобод» и реставратором власти шляхты в Киеве, на Левобережной Украине и Смоленщине. В отличие от допотавского периода Северной войны шведы решили вернуться к традициям боевого сотрудничества с Крымом²². В инструкциях резиденту при Девлет-Гирее оберлейтенанту Свену Лагербергу предписывалось выяснить возможность совместных действий и заключения постоянного «оборонительного союза» Крым—Швеция²³. В интересах Карла XII было связать союзом с Крымом станицлавскую эмиграцию и орликовцев, стянув как можно больше боевой силы к Бендерам.

Как раз запорожцы оказались самыми многочисленными сторонниками короля, но их положение было и самым печальным. Голод, отсутствие жилья, одежды, оружия превратили их в скитальцев, кочевавших по всему Причерноморью от Дона до Карпат, и даже вынудили более 3 тыс. из них батрачить в Крыму, где часть была «тайно забрана в неволю». «Буераки и речки» от Чигирина до Южного Буга были покрыты землянками казаков, тайно прибравшихся в местечки Правобережья. Новая Сечь с разрешения хана была основана в Олешках на Нижнем Днепре, а организационный центр новой гетманщины оставался при Карле XII. И запорожцы и бывшие мазепинцы были далеко не бескомпромиссными противниками; все они вплоть до старшины не отказывались от мысли вернуться обратно с повинной и использовали для этого каналы связи через молдавского господаря, русское посольство в Стамбуле, через И. И. Скоропадского и через казаков, появившихся в Крыму для выкупа своих родных.

Положение изгнанников осложнялось враждой в среде старшинской верхушки и традиционными противоречиями между кошевым атаманом Запорожского войска и гетманом — между К. Гордиенко и «школяром» (так иронически именовали запорожцы бывшего писаря) Ф. Орликом, между Орликом и племянником Мазепы А. Войнаровским, который вопреки воле Карла XII отказался наследовать булаву своего дяди. Старшине с трудом приходилось отвергать претензии хана и Порты, брать сыновей гетмана в заложники и смещать гетманов по своему усмотрению^{23а}.

Политическая программа, выдвинутая при избрании Орлика гетманом 5 мая 1710 г., была в прямом противоречии с программой станиславцев. Границы «независимой Украинской Речи Посполитой», состоящей под протекторатом Швеции и использующей защиту, союз и военную помощь Османской империи и Крыма, должны были охватывать, кроме Левобережной, Северной и Слободской, также и всю Правобережную Украину до р. Случь, т. е. предусматривалось отделение части территории от Речи Посполитой, а также подчинение украинскому гетману донцов-некрасовцев и областей Войска Донского²⁴. Карл XII после Полтавской битвы перестал быть принципиальным приверженцем территориальной целостности Польши — он утвердил эту программу и союзное соглашение между орликовцами и Крымом, по которому хан обещал защищать Украину и не разорять ее население²⁵. Стремление шведского короля удержать при себе казаков сталкивалось с политикой Порты, желавшей включить их в орбиту своего влияния и создать на северных границах дополнительное буферно-вассальное государственное образование²⁶.

Внимание историков не привлекали политические акции продолжателей дела К. А. Булавина на юге. Некрасовцы не считали законной борьбу с царским правительством после ухода с Дона. Партиями по 300—500 человек они перебирались на Тамань, где между реками Анапой и Пучказ на склоне горы Абаза был заложен

их центр — земляная крепость, на валах которой стояло девять пушек. По турецким данным, в Прикубанье скопилось до 10 тыс. некрасовцев²⁷. Как и в 1707—1708 гг., они налаживали координацию действий с запорожцами. В конце октября 1709 г. на раде в Сечи читали письма от Девлет-Гирея и Некрасова, в которых донской атаман обещал присоединиться к запорожцам вместе с ханом и идти к Чигирину. Орлик ответил предложением объединить силы татар, донского и запорожского казачества²⁸.

Зиму 1709/10 гг. пять полномочных представителей от донцов провели в Бендерах, а летом 1710 г. И. Некрасов командировал к Карлу XII и Ф. Орлику своего сына со свитой в 30 человек. Посольство сначала побывало в Бендерах, а затем в Олешках, и, по сведениям куренных запорожских атаманов, сам Некрасов якобы собирался присоединиться к Карлу XII с тысячью казаков²⁹. В июле 1710 г. донцы принимали участие в штурме русского гарнизона Ягорлыка³⁰.

Противоречия бендерского конгломерата ярко выявились зимой-весной 1711 г., когда украинскому народу пришлось в очередной раз принимать на себя удар с юга, прикрывая Россию и Речь Посполитую.

6—12 января 1711 г. по приказу из Стамбула до 40 тыс. «зловерной Крымской орды, оголосив войну», перешли Перекоп и разделились на два потока. К Воронежу отправился сам хан с сыном Батыр-Гиреем и с 2-тысячным вспомогательным отрядом сечевиков и 700 янычарами³¹. К Киеву пошел другой сын хана Мехмед-Гирей с буджакскими ногайцами в сопровождении 9—10 тыс. казаков Ф. Орлика (больше половины которых были вооружены дубьем), 3 тыс. поляков и татар-липков (выходцев из Литвы) Ю. Потоцкого. С ними же были шведский полковник Цюлих, около 30 шведских офицеров и 8 пушек. Карл XII в поход не пошел, и многие предполагали, что он вместе с турками появится под Чигирином. Вплоть до Брацлава пришлось идти по «пустыне» — украинское население разбежалось перед ордой³².

9 марта «обоих сторон Днепра в Войсках Запорожских» гетман Ф. Орлик, как и Мазепа в 1708 г., обратился с универсалом из Лисянки к «воинственному малороссийскому народу» воспротивиться планам Москвы записать украинцев драгунами, а остаток населения загнать за Волгу и захватить Крым, Тамань, Темрюк и «устья морские», что поставит под угрозу Турецкое, Персидское, Китайское и Индийское «паньства»³³. Мехмед-Гирей, чтобы активизировать волнения на коронных землях, оповестил, что Porta объявила войну «нарушителям благосостояния Речи Посполитой» и противникам Станислава I, Запорожского войска и «паньств Малорусских» и что крымцы идут на помощь «всем стонущим под тяжким игом неволи» короля Августа и царя³⁴. «Прелестные» письма Ф. Орлика и Карла XII появились на Украине вплоть до Переяславского полка. На военном совете в фамильном имении Ю. Потоцкого Немирове 12 (23) февраля 1711 г. коронный гетман был вынужден согласиться вопреки желанию идти не на Западную

Украину и в Малую Польшу, а к Киеву, проводя по пути насильственную мобилизацию.

Русским регулярным частям прикрыть должным образом Украину не удалось. Восемь драгунских полков генерал-майора Волконского и Видмана защищали вместе с украинскими казаками и молдаванами («волохами») Западную Украину и Подолию с Каменцем. Южная часть польско-молдавской границы осталась без заслона. Просьба М. М. Голицына перебросить корпус, определенный в Померанию, и пехоту Великого княжества Литовского на Волынь не была удовлетворена русским командованием и польской стороной. Немногочисленным казацким гарнизонам Брацлава, Богуслава и Немирова после обстрела ввиду безнадежности сопротивления приходилось выходить с хлебом и солью как символом капитуляции, а не радушного приема³⁵. Иван Самусь с Богуславским полком, Корсунский, Уманский и Браславский полки (последний без Ивана Григораша) присоединились к Орлику. Это позволило гетману в письме к хану прихвастнуть, что за две недели его войско выросло до 40 тыс. человек³⁶.

И. И. Скоропадский и чигиринский полковник И. И. Галаган советовали сжечь Чигирин и эвакуировать окрестных жителей на левый берег Днепра.

На Левобережной Украине в Изюмском и Харьковском полках крымцы, запорожцы и черкесы без боя приняли капитуляцию слабых гарнизонов крепостей Новосергиевской (в верховьях р. Самары), городков Водолага, Мерефа, Соколова, Таратовка, а в апреле—мае 1711 г. выжгли окрестности Тора, Бахмута, Змеева. Адмирал Ф. М. Апраксин опасался, что мятежные донцы разорят слободские полки, Белгородский разряд и поднимут восстание на Левобережной Украине. Действительно, в станицах по Хопру, Бузулуку, Медведице появились некрасовцы, однако «остатние затаившиеся под пеплом искры» булавинского восстания «были притоптаны» превентивными казнями и приведением к присяге всех донских станиц³⁷.

Земляная крепость Новобогодицкая (Самара — в устье р. Самары) отбилась артиллерийским огнем. К Воронежу Девлет-Гирей не пробился. «Белоголовых жен» полковой старшины Левобережья для «обережения от татар» собрали в феврале в Глухове, а жен с Правобережья распорядились отправить в Киев. К Скоропадскому и его полковникам в Гадяче, Сорочинцах, Золотоноше, Чигирине приставили конвой — солдатские части³⁸, а чтобы украинский гетман принял это «безоскорбительно», ему выдали жалованную грамоту на гетманство, булаву и клейноты в серебряном «ковчеге», которые тот ожидал с 1708 г., разрешили распоряжаться артиллерией и публично «по спискам» выплатили жалованье старшине. Меншиков в знак расположения одарил Скоропадского лимонами и померанцами, присланными из Амстердама.

На западном берегу Днепра нападавшие оттеснили части бригадира Г. Кропотова и хоронгви поручика Калитинского из Брацлавщины и к 25—26 марта захватили предместье Белой

Церкви. Однако тогда же наступил и перелом. Черкасы, Канев и Чигирин удержались. Белоцерковский полк А. Танского и гарнизон Белой Церкви отбили штурмовавших, и татарско-польско-казацкое войско рассыпалось.

Набег 1711 г. превратился в очередное бедствие для Украины. С 28 марта загоны крымцев вопреки декларациям Ахмеда III и Потоцкого стали «гоняться за ясырем», и сечевикам пришлось защищать своих родных. Угон почти 10 тыс. населения исторг у Орлика буквально вопли протеста и жалоб³⁹. Жолнежи Потоцкого и запорожцы появились в районе Полесья, но пробиться, а тем более удержаться на Западной Украине, подобно сандомирянам в 1707—1709 гг., им не удалось. Карлу XII с горечью пришлось констатировать, что Ю. Потоцкому не удалось переманить польские хоронгви, которые вынуждены были «держаться за саблю» из-за татар⁴⁰.

Посоветовавшись в Яворове, Сенявский, М. М. Голицын, Г. Ф. Долгорукий и генерал Янус фон Эберштедт послали 9 драгунских, 2 пехотных полка и 50 польских хоронгвей полковника Загоровского, а также волохов и казаков на противника. М. М. Голицын пленил под Богуславом брата К. Гордиенко, Ивана Самуся с сыном и почти всю старшину Богуславского и Корсунского полков⁴¹. Видя поредевшие ряды отступавших, крестьяне и казаки, включая стариков и детей, уже не сдавались, а вступали в стычки⁴². 12 апреля 2-тысячный отряд русского генерал-майора Ф. Ф. Шидловского штурмом взял Новосергиевскую крепость, но полностью очистить Левобережную и Слободскую Украину от отрядов М. Пляки и Нестулея не удалось. В апреле 1711 г. русские войска отбили 7 тысяч украинцев, а султанское правительство выпустило летом этого года эдикт об освобождении оставшихся.

В целом же набег 1711 г. имел для Стамбула положительный баланс. «Разведка боем» показала Порте, что в русском и польском тылу есть «горючий материал». Разорив Волынь и Правобережье, татары сильно затруднили марш русской армии к Пруту. «Малая война» с крымцами на Левобережье не затихала до 1714 г.

ПОЛИТИКА РОССИИ ПЕРЕД ПРУТСКИМ ПОХОДОМ. ПОЛЬСКОЕ ПОСОЛЬСТВО М. ВОЛОВИЧА

Если в 1702—1707 гг. основная тяжесть войны легла на польские земли, а в 1709—1710 гг. удалось защитить польскую базу договором о «северном нейтралитете» и подтверждением мирного договора с Турцией, то в 1711 г. приходилось изыскивать другие способы защиты. После того как в Петербурге 20 декабря 1710 г. получили известие о разрыве султаном мира, русская дипломатия предприняла «штурм» европейских дворов. Как известно, в период Северной войны правительство Петра I не склонялось определенно к какой-либо стороне, воюющей за Испанское наследство. Отношения с западными державами рассматривались с точки зрения

выгод, которые могла принести та или другая сторона, и определялись конкретной обстановкой. Перед Прутским походом в Англию, Ганновер, Францию и Голландию за поддержкой были посланы новые русские представители. В Вене добивались анти-турецкого союза с императором, а в Польше продолжались контакты с французским послом Ж. К. Балюзом и Ференцем Ракоци на случай примирения со Стамбулом. Не были забыты Венеция, Дубровник и Черногория. Но прежде всего нужно было скоординировать действия с польским союзником и привлечь его к боевому сотрудничеству.

Этой цели должен был послужить прием польского посольства М. Воловича. Материалы посольства интересны тем, что ими был затронут весь комплекс русско-польских отношений середины Северной войны, не рассматривавшийся специально предыдущей историографией⁴³.

Еще 13 (24) апреля 1710 г., т. е. почти сразу после Варшавской Вальной Рады, Август II выдал верительные грамоты для поездки в Россию полномочному послу короля и республики маршалку Великого княжества Марциану Воловичу, отправить которого смогли лишь осенью 1710 г. В инструкции послу были включены все статьи, которые обсуждались с Г. Ф. Долгоруким в Варшаве и выполнения которых следовало добиваться. В России знали это и продержали посольство в Мстиславском воеводстве перед смоленскими заставами почти 14 недель (с октября по декабрь 1710 г.), оправдываясь чумой в Белоруссии. За время ожидания Воловичем было собрано большое количество жалоб шляхты на вспомогательные войска. Только 10 января 1711 г., когда неизбежность войны России с Османской империей стала явной, польское посольство было встречено на смоленских границах.

После обидной задержки готовилась пышная встреча. В Смоленске его встречали стрельцы и местная шляхта. В Москве канцлер Г. И. Головкин распорядился вычистить, выбелить и обить сукном каменные палаты трех-четырех дворов. 28 января 1711 г. 445 человек посольства (850 коней) прибыли к столице, 4 февраля был парадный въезд, а на 10 февраля была назначена первая конференция. При подъезде кортежа со стен Кремля был пушечный салют, у Красного крыльца Грановитой палаты две роты солдат встречали его барабанным боем и ружейным приемом «на караул», а офицеры шпагами отдавали «комплемент»⁴⁴.

На четырех встречах с 10 по 23 февраля с русской стороны участвовали два канцлера, Г. И. Головкин и П. П. Шафиров, и тайный советник И. А. Мусин-Пушкин. С польской стороны, кроме Воловича, были его родственник литовский референдарь К. Волович, троцкий (тракайский) староста К. Огинский и еще 11 шляхтичей. Посол объявил, что прислан «для поддержания» общих польско-русских интересов, и просил не обижаться на возможные неприятные высказывания, которые будут от него услышаны. Затем он зачитал часть пунктов договора 1686 г., статьи Нарвского договора 1704 г. о Лифляндии и обязательства, приня-

тые Г. Ф. Долгоруким перед Вальной Радой, причем было подчеркнуто, что названные договоры ратифицировались только при условии, что будут выведены вспомогательные войска, отданы городки на Правобережной Украине и выплачены субсидии, чего не произошло.

Основной задачей посольства было получение завоеванной русскими Лифляндии с Ригой и введение польского контроля на Правобережье. Учтывая сложность этой задачи, Волочич привел огромный и, видимо, утрированный перечень «бесчинств ауксильярных войск»: поджогов, разорений, грабежей, а также бесхозяйственности, когда хлеб «без нужды выбирался», продавался еврейским перекупщикам и даже частично сгнаивался и сбрасывался в реки Западный Буг и Вилию (пункты 1—38). Этим рассчитывали сделать русскую сторону уступчивее. Затем потребовали немедленного (за время пребывания посольства в Москве) возвращения Белой Церкви, Фастова, Брацлава, Немирова, Богуслава и вывода гарнизонов из белорусских городов Полоцка, Быхова, Витебска, а также Вильнюса, выплаты компенсации за причиненные убытки, и только в п. 49 требовалась Лифляндия. В случае удовлетворения этих претензий, уверял посол, Россия может рассчитывать на 62-тысячное (!) польско-литовское войско в турецкой войне, но при условии, что его обеспечат порохом и выплатят задолженные суммы, «понеже без платежу не было б от тех войск какой опасности»⁴⁵. В дальнейшем все остальные политические условия перемежались с частными шляхетскими жалобами на дисциплину русских частей.

«Зело упорно» на первой и последующей встречах посольство настаивало на возвращении Прибалтики, ссылаясь на исторические права Речи Посполитой и личное обещание Петра I впустить в Ригу польский гарнизон в 5—6 тыс. сразу же после взятия города, а также на то, что шведы капитулировали при условии передачи Риги Речи Посполитой и польскому королю. Для защиты Лифляндии Великое княжество Литовское готово выставить 20-тысячное войско. Просительный тон посла чередовался с угрожающим. Волочич просил, чтобы Рига была отдана хотя бы как компенсация за военные разорения Польши и угрожал «факциями» шляхты в противном случае. Вопрос о безоговорочной уступке Лифляндии отделялся от возможного похода польско-литовского войска на юг, за который должно последовать особое вознаграждение. Сознвая возможность передачи Эльблонга пруссакам, если России удастся вовлечь Пруссию в Северную войну, Волочич предлагал разместить в нем польский гарнизон, в крайнем случае с русским комендантом.

Затем были зачитаны предложения вернуть отбитые шведами у поляков пушки, разослать универсалы во все воеводства о прекращении взимания провианта, освобождении М. Вишневецкого, Синицкого и всех прочих, сражавшихся на стороне шведов, а также провести новое разграничение земель у Киева, Стародуба и Великих Лук, где русское дворянство «заезжало» земли.

Задачей русской стороны на переговорах было доказать военную целесообразность временного удержания Лифляндии и Правобережья, по возможности не раздражая союзника, учитывая турецкую войну. Почти каждый обсуждаемый вопрос сводили к совместной войне на юге. В отличие от варшавских переговоров, на которых Г. Ф. Долгорукий был поставлен в положение обороняющегося, Головкин и Шафиров мобилизовали целый арсенал приемов обработки посольства. Как противовес на жалобы о насилиях русских войск был составлен почти такой же объемный список заслуг России перед республикой, в котором указывалось на защиту от шведского натиска, восстановление свободной элекции, освобождение страны и возвращение имений магнатам и шляхте.

Не были забыты и упреки в адрес партнера. Канцлеры пеняли, что Речь Посполитая как союзник уже давно должна была бы ратифицировать «вечный мир» и «вечный оборонительный союз», а не тянуть четверть века, что еще много шляхты замешано «в факциях», что войско Великого княжества Литовского в 1708—1709 гг. оказалось на стороне противника и что не следует «партикулярные жалобы» включать в политические переговоры.

Некоторые из пунктов: об отдаче «незаселенной» полосы вдоль Днепра, о насильственном переселении ремесленников и людей молодых возрастов в Москву — отвергались как необоснованные. На вопрос, когда и куда будет выведен русский корпус, о чем обещал Г. Ф. Долгорукий, министры отвечали, что он задержан в Польше в связи со шведской опасностью и будет выведен на юг (дата вывода обходилась молчанием). Относительно тяжести содержания вспомогательных войск, которая-де вполне сознается, посольство утешали тем, что хлеб собирается в воеводствах, которым грозит турецкая опасность. При этом высказывалась надежда, что русские полки при походе на Балканы будут обеспечены материально. Волович в этом вопросе уступил и обещал собрать хлеб польскими комиссарами, если союзник покинет пределы республики.

О сожженных в 1708—1709 гг. имениях Шафиров и Головкин говорили, что их жгли не с целью разорения страны, а для затруднения марша противника на восток и обещали строжайше вплоть до смертной казни наказывать мародеров. Тут же была составлена новая комиссия из 12 человек для разбора жалоб во главе со стольником князем Я. И. Масальским и М. М. Аргамаковым. Общий надзор за сбором провианта был поручен Г. Ф. Долгорукому, а затем самому царевичу Алексею.

По-разному освещали министры территориальный вопрос. Они заверяли польскую сторону, что отбитые у шведов Рига и Эльблонг взяты не для присоединения к России, и при этом ссылались на декларацию, адресованную морским державам с уверением в незаинтересованности в удержании Лифляндии. Вместе с тем министры много времени потратили на доказательство целесообразности оставления русского гарнизона в Риге на время Северной

войны. Отказ в немедленной передаче Риги мотивировался слабостью вооруженных сил республики. Предложение об образовании смешанного гарнизона было отклонено как неудобное для командования. Видя неуступчивость партнеров, Волович просил вернуть Ригу хотя бы после перехода Карла XII из Молдавии в Померанию, но министры твердо стояли на одном — отдадим только после мира со Швецией и Турцией. Их твердость подкреплялась игрой на соперничестве между саксонской и польской дипломатиями, каждая из которых добивалась Лифляндии для себя. (Саксонский посол в Петербурге Ф. Фицтум просил не спешить с передачей бывшей «шведской житницы» и Риги полякам⁴⁶. Позже польские претензии на Лифляндию стали русским доводом против уступки ее лично Августу II⁴⁷).

Запрос о территориальных приращениях за Днестром в случае участия Речи Посполитой в Турецкой войне Головкин и Шафиров фактически отклонили, ответив, что республика сама заинтересована в отражении османской агрессии и достаточным приобретением для нее станет Лифляндия после успешного окончания южной кампании. При этом намекалось, что в крайнем случае Россия в новой войне обойдется своими силами.

Эстляндию польская делегация, видимо, считала «отрезанным ломтем», и поэтому у нее не вызвало возражений заявление о том, что в Эстляндии «царское величество за свои толь многие иждивения и понесенные опасности... достоин плоды дела рук своих вкусити».

Временное размещение гарнизона в Эльблонге министры оправдывали близостью шведов и слабостью прежнего польского гарнизона, сдавшего город без сопротивления. Здесь польское посольство остроумно пыталось уличить русскую сторону в противоречии: если Эльблонг не отдается из-за угрозы шведов со стороны Померании, то почему в ту сторону не производится нападение? А если при этом ссылаются на «северный нейтралитет», то его система гарантирует и безопасность польских границ. В ответ приходилось указывать на слабость «корпуса нейтралитета», но в конце концов этот пункт был взят на доношение царю (резолюция Петра I была отрицательной, и послу пришлось согласиться на оставление русского гарнизона в Эльблонге с желательным условием освобождения города от налогов).

В очередной раз министры царя давали торжественные заверения о возврате местечек Правобережья после снятия турецкой опасности, причем подчеркивали, что в 1707 г. уже имелся печальный опыт передачи этой части Украины тогдашнему великому литовскому гетману М. Вишневецкому, который затем переметнулся к противнику, а сейчас сбежал из Глухова из-под стражи к шведскому королю. В связи с этим предлагалось по-новому решить проблему власти на этой земле: возвращать городки не отдельным магнатам-крупелятам, а республике через комиссаров⁴⁸. Правда, и это решение сопровождалось оговорками, которые должны были способствовать привлечению союзника

к войне с Портой. Правобережье обещали вернуть немедленно, как только польско-литовское войско вступит в сражение с турками и одержит победу⁴⁹.

Как видим, контраст позиции по сравнению с 1704 г. был огромным. Тогда, добиваясь подписания договора о «вечном оборонительном союзе» с Польшей, русской стороне пришлось отказаться от поддержки украинского освободительного движения; сейчас же Украину не отдавали, несмотря на войну на двух фронтах.

Запрос об отдаче имений А. Д. Меншикова на Волыни — Полонного, Чашников, Межиричей, где формировались в то время русские полки, был переадресован Августу II, который предоставил их «светлейшему князю» за Калишскую победу 1706 г.

Много времени было потрачено на обсуждение субсидионной помощи. Посольство представляло, что всего от России было получено «3 миллиона» злотых, тогда как провианта с Польши собрано на «500 миллионов». В связи с этим Россия, если желает получить военную поддержку, должна не позднее мая 1711 г. выплатить задолженность коронному и литовскому войску, которое в таком случае вырастет не до 62 тыс., а до 200 тыс. (!). На это отвечали, что недоплаченные суммы польская казна может собрать с имений эмигрировавших станиславцев и если хотя бы 48-тысячное войско выступит в поход, то ему будет заплачено по условиям договора (сумма не раскрывалась). Порохом и аммуницией союзную армию снабдить соглашались.

Посольство предъявило много жалоб, связанных с пограничными спорами. После Полтавской битвы украинское казачество оттесняло шляхту все дальше на запад. Поляки жаловались, что в Черниговском, Брацлавском и Киевском воеводствах казаками забрано много имений и нужно провести повторное размежевание у Киева, по р. Стугне и у Васильчикова. Жаловались и на то, что по приказу Ф. Ф. Шидловского в Мстиславском и Кричевском воеводствах «заеханы маетности», за Стародубом в районе рек Сож и Ипать перемещена граница на 16 миль⁵⁰. Предлагалось покончить с переходом границ и осаживанием русских крестьян на землях республики. Эти злоупотребления «подвигли в великий гнев» царя. Тут же назначили комиссию, обещали наказать виновных, вернуть «заеханные» имения и освободить заселенные крестьянами земли. Уже 19 февраля на Ипать и Сож отправился А. И. Ушаков. Шидловский, приписавший к имениям Меншикова 10 белорусских деревень, был разжалован, арестован, лишен всех имений, и его собирались пытать. По всем «заеханным» имениям Ушаков составил реестр⁵¹.

Обещали разыскать и вернуть пушки из Быховской крепости, освободить на поруки польских офицеров, кроме тех, кто сражался в рядах шведских формирований⁵², вывести гарнизон из Полоцка, которому уже не угрожали шведы, и указать русским купцам оплачивать транзитные пошлины в Польше, простить долги вдове бывшего великого литовского гетмана Г. Огинского и выпустить тех завербованных в Россию ремесленников, которые выразили бы

желание вернуться домой. Повторно обещалось амнистировать виднейших шведских «адгерентов». Согласились изменить некоторые формулировки в ответах, например «его царское величество защитил вольную элекцию. . . и оказал благодеяния Речи Посполитой» на «оказал приязнь Речи Посполитой». Все вышеперечисленные обещания были в основном выполнены. К числу неисполненных посулов можно отнести обещания пропустить католических миссионеров в Монголию, Китай и Персию, не утеснять униатскую церковь и даже согласиться на свободное отправление католического культа в России, если папа поможет в войне с турками. (Обсуждать вопрос о воссоединении церквей, как в 1704 г., польское посольство не уполномочивалось.)

По основным вопросам поляки возвращались в Варшаву лишь с копиями писем Петра I морским державам и Габсбургам, в которых объявлялось, что «провинция Лифляндская и город Рига с прочими городами» (какими именно, не уточнялось) в будущем будут уступлены в знак нежелания царя к «преизлишнему присвокуплению земель», а также с грамотами Г. И. Головкина и киевского губернатора Д. М. Голицына к Скоропадскому, Шереметеву, Меншикову и смоленскому губернатору П. С. Салтыкову о новом размежевании на Украине и в Белоруссии, о возвращении имений магнатам Киевского и Брацлавского воеводств, отнятых казаками, о выводе войск и освобождении пленных поляков (всего около 50 грамот).

Наряду с уступками по маловажным вопросам было оказано и «материальное давление»: послам, шляхтичам и ксендзам выдали более 11 тыс. руб. деньгами и соболями, а Воловичу — денежную компенсацию за задержку на границе. Кроме этого, на все имения посла в Короне и Великом княжестве выдали 12 охранных грамот, в которых под страхом смертной казни запрещалось появляться фуражирам. Еще 62 грамоты написали для других коронных и литовских магнатов (Шембеков, Сенявского, Жевуского, Поцея, Денгофа, Хоментовского и пр.).

Уезжая, Волович оставил в Москве резидента ротмистра Шпрингера проследить за отдачей захваченных русскими у шведов пушек польского происхождения⁵³. По лифляндскому, украинскому, эльблонгскому вопросам, по выплате субсидий польская сторона, кроме обещаний, ничего не получила — все ставилось в зависимость от участия в турецкой войне. Все нерешенные проблемы откладывались до ближайшего свидания Петра I с Августом II.

Несомненно, на результативности миссии сказалась усилившаяся напряженность на юге — посольство проходило в условиях уже начавшегося татарского набега на Украину. В Польше понимали, что Северный союз защищает Речь Посполитую от повторной шведской оккупации и только в рамках польско-русского союза можно надеяться получить Прибалтику. Такая ограниченность дипломатического маневра вынуждала к сдержанности — польская дипломатия не поднимала вопроса о выходе

из Северного союза. На материале посольства хорошо видно, какого большого влияния после 1709 г. добилась Россия в стране, контролируемой фактически не Августом II, а Петром I.

Но события на Пруте изменили ситуацию.

* * *

25 февраля 1711 г., в воскресенье, с амвона главного российского Успенского собора дьяк В. В. Степанов в присутствии польского посольства огласил манифест против «хищного волка-турка», который намеревается низложить Августа II, аннексировать Подолию с Каменцем, поработить Польшу, наложив на нее ежегодную дань в 4 млн. червонных, разжечь шведами огонь в Империи, а в России — междоусобицу руками мазепинцев и булавинцев. Вслед за этим Стефан Яворский предвестил освобождение всех православных народов от османского рабства вторым мессией — Петром I. После молебна для Преображенского и Семеновского полков, стоявших между Успенским и Архангельским соборами, вынесли два новых освященных красных знамени с золотым крестом в ореоле и надписями: «Сим знамением победиши», «За имя Иисуса Христа и христианство». Для проповедования слова божьего в армию был назначен префект киевских школ Ф. Прокопович.

По традиции царь проводил гвардейцев за Большой Каменный мост, откуда полки направились к фронту, а Петр I — на обед к Воловичу, «где зело довольно веселились до третьего часа ночи». 2 марта Сенат и губернаторы принесли государственную присягу в Успенском соборе, 7 марта царь получил чин полного генерала, торжественно объявил Екатерину Алексеевну «истинной царицей и государыней» и в ту же ночь вместе с ней выехал из Преображенского к Вязьме в «безвестной путь».

РУССКО-САКСОНСКИЕ И РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ЯРОСЛАВЕ

Прибыть на молдавскую границу вместе с армией Петр I намеревался в середине марта 1711 г., но осуществить это ему удалось только в июне 1711 г. С 8 марта по 5 апреля, почти целый месяц, проведенный в дороге, Петр периодически болел, ненадолго оправляясь, «коликой, скорбутикой (цингой) и жестоким кашлем»; примерно на 1,5 месяца ему пришлось задержаться в Западной Украине для обеспечения польско-саксонского тыла. 16 марта царь писал польскому королю о желательности встречи сначала в Луцке, затем в Яворове, потом в Жешуве, но увидеться с Августом II и польскими сенаторами пришлось еще западнее — в Ярославле⁵⁴. Там и состоялся 27—28 мая русско-саксонский «концерт», целью которого были координация действий России и Саксонии в предстоящей кампании и русско-польские переговоры.

Положение договаривающихся сторон было разным. Война Портой была объявлена России, а не Саксонии и не Речи Поспо-

литой, поэтому русская сторона оказалась просящей и, следовательно, обещающей. Короля же, саксонца, в 1711 г. больше всего тревожил северный театр войны, откуда шведы могли повторить вторжение в Польшу или Саксонию. Поэтому Август старался застраховаться русскими гарантиями на всевозможные случаи прорыва противника из Померании и даже на случай оставления Речи Посполитой.

Те скудные комментарии, которые давались в историографии Ярославскому договору, создали впечатление, что им предусматривалась главным образом борьба против Турции. Однако основной объем содержания (17 статей из 29) посвящен балтийскому фронту и защите Речи Посполитой и Саксонии. Составители «Писем и бумаг императора Петра Великого» ошибочно назвали его «Договором России с Польшей»⁵⁵, но русско-польские и русско-саксонские переговоры в Ярославле велись раздельно.

Текст договора, в составлении которого принимали участие Петр I, Август II, Головкин, Шафиров, Я. Г. Флемминг и Г. Вертерн, начинался ссылкой на то, что Великий союз не сформировал обещанный «корпус нейтралитета», который воспрепятствовал бы диверсии шведов из Померании, поэтому Северный союз в целях самозащиты вынужден послать туда 10 тыс. саксонских и 14—16 тыс. русских войск совместно со всеми регулярными формированиями Короны и Великого княжества Литовского. Выражалась надежда, что и датчане пришлют помощь из Ютландии, Гольштейна и Шлезвига. Указывалось на возможность отзыва из Нидерландов выделенных на помощь Великому союзу саксонских и датских частей, половину которых будет содержать Россия, если Великий союз ничего не предпримет для введения в действие «северного нейтралитета». (Это было попыткой дипломатического воздействия на Великий союз. Реально северные союзники решили «отделяться» от «корпуса нейтралитета»⁵⁶).

В случае вхождения шведов в Польшу с превосходящими силами саксонские и русские войска договаривались отступать, чтобы выиграть время и получить подкрепление из Лифляндии. Если шведы задумают прорываться в Молдавию, то намечалось им не препятствовать, но самим вступить в Померанию⁵⁷. В случае нападения на Саксонию все русские вооруженные силы и саксонская кавалерия из Польши обязывались идти туда. Последнее условие вызывало два нежелательных для России следствия — Речь Посполитая оставлялась на попечение только своих сил, а русская армия вынуждалась сражаться не за свои интересы в Саксонии⁵⁸.

Россия обязывалась выплатить Саксонии 100 тыс. руб. на померанскую операцию, поставить 2 тыс. центнеров пороха и отпустить пленных саксонцев, захваченных под Полтавой, а также совершить десант в Финляндии для поддержки датчан. Русский вспомогательный корпус в Померании поступал под саксонское командование и должен был начать боевые действия по его первому требованию. Укрепляя свой суверенитет в Польше, Август II заста-

вил обещать, что русские силы не будут вводиться туда без его согласия, и добился письменного «святого засвидетельствования» Петра I, что тот не собирается «ни разорять, ни разлучать» республику (ср. в главе III прусско-русский проект от 2 марта 1711 г. об уступке части польских земель Пруссии).

В других статьях договора предполагалось организовать консультативно-координационный совет северных союзников в Гданьске по образцу Великого союза в Гааге, привлечь Данию в Ярославский «концерт» обещанием ей части шведских владений в Германии и не вести сепаратных переговоров с противником.

Август II обещал способствовать включению России в «Священную лигу» и побуждать последнюю против Османской империи, а также склонять (и не более того) польский Сенат к войне с Портой и к «присовокуплению» 8—10 тыс. польской кавалерии к русской армии, марширующей на юг.

В договоре была и секретная статья. На переговорах саксонцы, используя трудное положение России, настаивали на передаче им Лифляндии; за недостатком данных можно предположить, что они требовали либо немедленной ее передачи, либо изменения тайной статьи Торуньского договора в свою пользу. Головкин и Шафиров, зная о польско-саксонских разногласиях, дали такой письменный ответ: Лифляндия будет немедленно отдана, как только Август II получит разрешение от республики на уступку этой области для себя как для саксонского курфюрста, ибо царь связан словом передать Лифляндию Речи Посполитой по совету самого польского короля. А в существующих условиях отдавать ее без польского разрешения опасно⁵⁹. В случае благоприятной реакции Речи Посполитой царь позволит лифляндцам присягнуть Августу, но за это русские войска должны использовать Восточную Прибалтику как базу до конца Северной войны и пользоваться оттуда «малыми доходами» на содержание армии⁶⁰.

В результате прежняя секретная статья Торуньского договора была лишь переписана и подтверждена Петром I. Это было последнее из серии соглашений о Лифляндии после раввского 1700 г., нарвского 1704, дрезденского и торуньского 1709 г. договоров.

Таким образом, несмотря на то что Август II был «ведущей скрипкой» в Ярославском «концерте», ему не удалось заставить исполнять только его партию. Призрак прежних шведских побед еще пугал короля-саксонца и вынуждал держаться за Россию, для которой обладание прибалтийскими базами перевешивало выгоды от саксонской помощи.

После Прутской катастрофы русское правительство, ссылаясь на то, что польско-саксонская уния оставила его в беде, уклонилось от выплаты 100 тыс. руб. и поставки 2 тыс. центнеров пороха⁶¹.

Одновременно 26—27 мая 1711 г. в Ярославле проходили встречи с польским Советом сенаторов (представительным органом всей Речи Посполитой), где продолжалось обсуждение вопросов, поднятых посольством М. Воловича. Ранее часто происходило смешение русско-польских и русско-саксонских переговоров в Ярославле, причем рассматривалось только русско-саксонское соглашение, а переговоры с республикой оставались в тени. Архивные источники позволяют заполнить этот пробел и раскрыть новые страницы русско-польских отношений — запросы польской стороны о будущем разделе Османской империи, попытки переоформить прежние договоры и выяснить степень участия Речи Посполитой в Прутской кампании 1711 г.

В 1707 г. Петр I считал сильное польское войско не только ненужным и бесполезным, но и опасным⁶². Сейчас же русские дипломаты просили Совет сенаторов либо перевести коронное войско под командование царя, либо совместно выступить в Молдавию или хотя бы на границу для демонстрации союзнической солидарности.

Польские сенаторы в очередной раз просили выполнить всю программу, представленную несколько месяцев назад М. Воловичем, а при невозможности немедленной передачи Лифляндии восстановить там хотя бы католицизм и костелы в главных городах.

Как и прежде, русский двор отговаривался, что польских сил не хватит для защиты одной только Риги, а если же отдать всю Прибалтику, то республика не сможет выставить в поле ни одного солдата. Субсидии не выплачиваются, потому что не собрано 48-тысячное войско, хотя по договорам 1686 и 1704 гг. оно обязано присоединиться к русским против общего неприятеля; впрочем, если хотя бы 8—14 тыс. выступят в поход, то будет выплачено 50 тыс. руб., а если столько же отправится в Померанию, то еще 50 тыс. руб.

Вековой «камень преткновения» в русско-польских отношениях — возвращение западного Заднепровья — русское правительство использовало для побуждения усилить русские военные операции. Лишь некоторые украинские села обещали вернуть в ближайшее время «верным нам полякам». Обещали не брать контрибуций, но просили давать хлеб и фураж, без которых русская армия не сможет защитить «польские вольности».

Интересны неизвестные ранее запросы польской стороны относительно будущего раздела Османской империи. Если Дрезден в 1711 г. беспокоился лишь о невключении Балкан в сферу русского влияния (см. ниже), то Варшава несколько раз поднимала вопрос о конкретных «прибылях», очевидно подразумевая Дунайские княжества, если принять во внимание, что «пакта конвента» 1697 и 1710 гг. предусматривали возвращение Короне Подолии, Силезии, Молдавии и Валахии. Видимо, слухи о пере-

мещении русских границ к Карпатам и Дунаю, согласно Луцкому договору 13 апреля 1711 г. о переходе Молдавии в русское подданство, обеспокоили как Веттина, так и Габсбургов и Речь Посполитую.

Однако с русской стороны неохотно шли на дележ «шкуры не убитого медведя». Головкин и Шафиров высказались не менее туманно, чем при беседах с М. Воловичем: если Речь Посполитая будет воевать и если будет что-либо завоевано и, сверх того, будет возможность удержать завоеванное, то оно будет разделено поровну между партнерами и будут даны взаимные гарантии на территориальные приращения. Даже такой осторожный ответ не мог подлежать реализации — по русско-молдавскому договору с молдавским господарем Д. Кантемиром вся Молдавия до Карпат вместе с Буджаком переходила в русское подданство⁶³. Сомнительно, чтобы Петр I имел в виду дать Польше выход к морю — бесплодные ногайские степи между Днепром и Днестром. Тем не менее Сенявский успел козырнуть перед австрийским послом Г. В. Велчком якобы равноправным участием Польши в дележе Османской империи⁶⁴.

Совет сенаторов остался неудовлетворенным и предложил продолжить переговоры, в ходе которых можно было бы составить новый польско-русский договор по типу саксонско-русского, в котором были бы закреплены польские условия. Спешно уезжающего Петра I просили оставить доверенное лицо. Но заниматься изменением прежних соглашений царь не считал возможным и дал Г. Ф. Долгорукому полномочия продолжать конференции только на основе «вечного мира» и «вечного союза» 1704 г., не нарушая их духа и буквы.

8 июня Г. Ф. Долгорукий дал письменный ответ подольскому воеводе С. Гумецкому, мазовецкому воеводе С. Хоментовскому, коронному ловчему Я. З. Рыбиньскому, литовскому подкоморию С. Денгофу и С. Потоцкому, который незначительно отличался от резолюции Петра от 29 мая 1711 г.⁶⁵ До окончательного соглашения с польским союзником, подобно ярославскому «концерту» с саксонцами, дело не дошло. Г. Ф. Долгорукому тоже нужно было отправляться к войскам, следующим в Померанию.

Как и прежде, эффективность польской дипломатии была в определенной мере парализована подкупом. На «чрезвычайные дачи» из Москвы было истребовано соболей (в сороках и парах) на 10 тыс. руб. и 10 «персон» (портретов) царя ценой в 400—1 тыс. руб. Как раз в мае Сенявскому через стражника Оршанского повята И. Василевского в Москве была выплачена годовая дача 9700 руб. Из 50 тыс. руб., выделенных для выплаты 8—10 тысячному польскому войску, на которое рассчитывало русское командование, не было израсходовано почти ничего.

Сравнение переговоров с саксонцами и поляками показывает, насколько больший вес в глазах русских имел Август II, чем республика. Однако, несмотря на неоконченность переговоров и нежелание участвовать в турецкой войне, Сенат

29 мая вынес постановление, в котором провозглашалась решимость «отбивать силу силой, взаимно отдавать озлобления» и сопротивляться любому нападению, а также переследовать станицлавцев. Кроме того, подчеркивались союзнические отношения с Россией и одновременно стремление к миру с Портой. Этим постановлением, а также манифестом Августа II от 9 (20) июня 1711 г. Речь Посполитая хотя и объявляла себя на грани войны с османами, но грань эту не переступала. Исходя из целей пропаганды, Головкин и Шафиров рассылали письма русским послам об объявлении Речью Посполитой войны султану⁶⁶. Видимо, это вводило в заблуждение историков, считавших, что республика обязалась к войне с Турцией, а Август II должен был послать в Молдавию 30-тысячную польскую армию⁶⁷.

На самом деле на Пруте сражалась вместе с русскими всего лишь одна наемная польская хоронгва численностью в 70 человек во главе с ротмистром Рогинским⁶⁸. Реальная русская оценка была другой: «Дело наше в Польше постановили презрительно. Поляки, хотя нам доброе никогда и не желают и хотя обещают с нами против турок воевать. . . [но] они будут стоять нейтральными, а от них против турок никакого действия не будет. В Померании не токмо корпус шведский будет задержан, но и еще турбован от войск верного нашего союзника короля датского, наших и гуляльщика Августа»⁶⁹.

При оценке роли Польши в событиях июньско-июльских дней 1711 г. нужно учитывать факторы, воздействовавшие на польское общественное мнение, — это желание добиться от русского союзника выполнения своих требований и опасение османского нашествия. Отсюда вытекала двойственность и даже тройственность политики польских правящих кругов. Гетманы настойчиво рекомендовали вынести «все седалище войны» за пределы Речи Посполитой и с удовлетворением приняли известие о наступлении в Молдавии. Зная, что Порта все-таки официально не объявила войну республике, самым сильным в польской политике оказалось стремление вынудить царское правительство выполнить прежние обещания. Еще в начале 1711 г. раздавались голоса против посылки польских хоронгвей на Правобережную Украину и против соединения их с русской армией, что могло-де навлечь на Польшу войну с турками⁷⁰.

Мазовецкий воевода С. Хоментовский, назначенный командующим южной группировкой коронных войск, намеренно задерживал свой отъезд на границу и откровенно сообщал русскому двору в Молдавию, что польские войска получили задание помогать против наступающего неприятеля только в том случае, если будут выполнены предложения Совета сенаторов на Ярославской раде.

Несмотря на это, в глазах современников совместный прорыв турок и шведов казался реальным и даже более страшным по последствиям, чем угроза их соединения в 1708—1709 гг. В Польше были хорошо осведомлены о голоде, болезнях и дезертирстве

в русской армии во время марша на юг, знали об отказе господаря Валахии К. Брынковяну поддержать русских и не исключали вторжения противника на коронную Украину. Глава вооруженных сил Польши Сенявский и белзский староста А. Лящ просили в это время австрийское правительство предоставить убежище, если турки или шведы появятся в Короне⁷¹.

Впрочем, великий литовский гетман Л. К. Поцей в соответствии с постановлением Ярославской рады от 11 июня н. ст. 1711 г. сообщал из табора около Бреста о его движении со всеми силами к пограничью, просил пороха, свинца, гранат, провианта и денег и уверял, что войско Великого княжества Литовского твердо держит сторону польского короля и царя и намерено сражаться «со старопольской отвагой»⁷². Поцей и Денгоф рассылали манифесты, в которых писали о нарушении Портой мира, призывали защищать веру и внутреннее единство. Как мера убеждения использовалась и грамота папы Клементя XI об обороне католицизма от мусульман. В конце июня отдельные польские отряды были посланы за Каменец-Подольский, на Подгуже и за Краков против возможной диверсии польских эмигрантов через Венгрию или Силезию.

Шляхта с Волыни и Подолии, из-под Галича и Львова снаряжала и сопровождала русские обозы с фуражом и хлебом. К июлю около 8 тыс. коронного войска Хоментовского располагалось от г. Жванца на 4—8 миль вверх по Днестру, а литовского Поцея — за Каменцем-Подольским вниз по этой реке до Ягорлыка⁷³. Остальная часть войска Сенявского «помалу» двигалась к Померании. Таким образом, в 1711 г. удалось создать видимость того, что Россия и Польша не допустят вторжения противника за Днестр.

ПРОБЛЕМА «РУССКОЙ УГРОЗЫ» В 1711 Г.
РАЗВЯЗКА НА ПРУТЕ

«ОРИЕНТАЛЬНОЕ ЦЕСАРСТВО» В ПЛАНАХ ПЕТРА I
И ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

В Ярославском договоре имеются любопытные строки, которые ранее не комментировались историками. В ст. 14 было записано, что в европейских столицах «являлось, будто бы его царское величество имеет намерение на Ориентальное цесарство», что возбудило подозрения и «ревность» и причинило «немалый вред» Северному союзу.

Возникает вопрос, что предопределило появление слухов насчет планов Петра I создавать новые государственные образования на Балканах? Почему планы похода в пределы Османской империи послужили поводом к распространению в Европе опасений насчет завоевательных устремлений России? Зарубежная историография дала этому явлению термин русская угроза, в который вкладывался целый комплекс понятий: о извечной русской агрессивности, о стремлении России к мировому господству, об угрозе западной культуре, о враждебности и несовместимости русского государственного организма с цивилизованной Европой и об общности антирусских интересов Западного мира. Действительно в ходе Северной войны эта русская угроза была реальным фактором или мифом, порожденным определенными условиями XVIII в.?

Основными доводами в концепции русской угрозы считаются войны России против Швеции и Османской империи, на развалинах которой Петр I якобы собирался основать «Ориентальное цесарство» (или православную, греко-византийскую империю). Так называемая русская угроза в Османской империи стала осознаваться уже после завоевания Казани и Астрахани¹.

Для периода 1700—1711 гг. турецкий историк А. Н. Курат привел список доказательств русской агрессивности: взятие Азова и крепостей в устье Днепра, намерение завоевать Крым и Северное Причерноморье, построение крепостей Каменного Затона и Новобогородицка (Самары), шпионская и пропагандистская деятельность русского посольства в Стамбуле и на Балканах, натравливание казаков и калмыков на Крым, организация «волошских полков» (молдавских гусар), которые должны были стать ядром будущей молдавской армии, и как венец — стремление Петра I занять столицу османов.

Возможно предположить, что при записи ст. 14 Ярославского договора сказалась ревность Веттина, помнившего крах своих планов 1698 г. по завоеванию Карпато-Дунайских княжеств и выводу Польши к Черному морю. Видимо, и в 1711 г. саксонская

дипломатия не могла отнестись равнодушно к молдаво-русскому договору. Распространению слухов о «русской опасности» способствовали давние, с XVI в., надежды балканских, особенно славянских, народов на помощь и покровительство России. У молдавского и валашского народов эти надежды принимали форму прямых обращений о переходе Молдавии и Валахии под защиту русского царя. Сербский народ, отрицая власть султана, открыто выражал симпатии к русским и называл русского монарха своим царем.

Интересны отзывы современников о значении Петра I и Полтавской победы для греческого народа: «Греки великую радость возымели для полученной виктории. Оной народ греческий зело уповал и желал, дабы оной монарх мог быть государем Константинопольским, для которой причины салтан не весьма оную викторию за великое дело поставил»².

Подобные настроения балканских народов по-разному использовались политическими силами в Европе. Прежде всего они оказались подходящими для антирусской пропаганды шведской и французской дипломатии, которые внушали Порте, что царь хочет на развалинах османского государства создать «греко-восточную монархию». В Амстердаме в это время появлялись даже гравюры с изображением Петра I и надписью «греческий император». Слухи об «Ориентальном цесарстве» использовались и венгерской дипломатией: Ф. Ракоци, рассчитывая получить русскую помощь, часто высказывался в том смысле, что царю нужно освободить балканских христиан и стать основателем «Доминиум ориентис»³.

Нервозность Стамбула усиливали «великие наносы» хана Девлет-Гирея о возможности потери Крыма и возрождения Греции в результате русского наступления. Православное монашество на Балканах в 1711 г. разносило вести о будто бы найденной грамоте императора Константина, согласно которой турки должны быть изгнаны из Европы. Подобные внушения и слухи оказали свое действие, и Порта стала обвинять русское правительство в агрессивности и намерении «в православное государство путь отворити». Сам султан был уверен, что Петр I завещал похоронить его в соборе Святой Софии⁴.

Шведская пропаганда докатилась даже до Ирана. В ответ на предложения М. Нейгебауера склонить Иран к войне с царем Порта обещала послать к шаху грамоту, но не с послом, а тайно. Вести о русских «завоевательных планах» и поход П. М. Апраксина в 1711 г. на Северный Кавказ настолько встревожили шахское правительство, что оно решило направить в Москву посольство Фазл Али-бека в 1712 г. с целью разведать подлинные намерения Петра I в отношении Востока.

В источниках, однако, не обнаружено сведений о проектах утверждения власти царя к югу от Дуная. Русская пропаганда определенно заявляла о стремлении освободить балканские народы и даже «загнать турок в Аравию», но при этом подчерки-

вала отсутствие территориальных претензий на освобожденные земли. Вряд ли можно считать это дипломатической уловкой — тогда сознавали невыполнимость таких грандиозных задач. Известно, что Россия с начала Северной войны не только не тянулась к захватам на юге, но и не хотела обострять отношений с Портой и готова была отказаться от похода к Дунаю, если Франция склонит султана к миру. Поэтому в Ярославле Петр I уверил Августа («свято засвидетельствовал») в отсутствии у него намерений на «Ориентальное царство» и призвал саксонцев рассеивать подобные вредные слухи.

* * *

Царь считал, что русско-австрийский союз мог бы стать существенной опорой для России. К Габсбургам русская дипломатия пыталась подойти с разных сторон: тут были и проекты наступательного и оборонительного союзов для взаимной самозащиты, и проекты вступления России в Великий союз, и возрождение «Священной лиги». Указывали на тесное сотрудничество смертельного противника императора — Людовика XIV с Ахмедом III, на неизбежность войны Империи с султаном в случае победы Турции и Швеции над Россией, на перспективу появления среди протестантов Силезии их героя, Карла XII. Австрийцев продолжали убеждать защитить Польшу «корпусом нейтралитета» и давали понять, что с помощью Франции Петр I может заключить мир с турками и даже вступить в союз с Парижем. В инструкции Г. И. Волкову, отправленному в 1711 г. на берега Сены, говорилось, что если Франция побудит турок против Вены, то Россия ни с кем не будет вступать в антиосманский союз⁵. Но дружба с императором не вязалась. Если еще летом 1710 г. Габсбурги сами выясняли возможность русско-австрийского оборонительного договора (по примеру австро-польского) через своего посланника имперского фельдмаршал-лейтенанта Г. В. Велчка, то после объявления войны Портой России они нашли, что ситуация изменилась.

Габсбурги вели в то время напряженную войну почти во всех концах Европы — в Испании, Италии, Нидерландах, Венгрии, и, кроме того, им приходилось считаться с подстрекательством Франции в Стамбуле. В случае австро-русского союза нужно было учитывать и перспективу войны на Балканах и в Империи со шведами. Реальным могло быть и такое соображение: стоит ли союзом с Россией охлаждать пыл турок к войне с ней, тем более когда стало известно, что Ахмед III не думает помогать венграм? На осторожную позицию Вены, видимо, влияли и донесения из России о неустроенности ее финансов, хозяйства и армии, нестабильности обстановки в Поволжье⁶.

Внушал беспокойство и комплекс вопросов, связанный с общим ростом российского престижа в Центральной и Юго-Восточной Европе. Венская дипломатия болезненно реагировала на каждое

известие о русско-венгерских контактах. После перехода к австрийцам части руководителей восстания 1703—1711 гг. — Пала Радаи, Александра Недецкого — к ним попала часть дел Ф. Ракоци. Переписка австрийских дипломатов наполнилась сведениями о проектах венгерских повстанцев предоставить корону Святого Стефана царевичу Алексею или Меншикову, помочь установить «универсальную монархию» царю, если тот укрепит Ф. Ракоци в Трансильвании и даст ему команду над 40-тысячным русским корпусом для осады Темешвара (тогда еще турецкого). В Вене боялись, что огонь русско-турецкой войны перекинется на Венгрию или на Сербию и Банат. В результате лучшим противоядием против всего этого считали страх России перед янычарами.

Вторым противоречием был вопрос о русской политике в Молдавии и Валахии. В апреле—мае 1711 г. генерал русской службы австриец Янус фон Эберштедт, бывший одновременно, как и К. Э. Ренне, осведомителем имперского правительства, раскрыл ему план русского вторжения в Дунайские княжества⁷. Австрийцы, давно имея свои виды на эти земли, серьезно обеспокоились возможным перемещением русских границ к Карпатам, но считали, что ни Молдавии ни Валахии русские не удержат «из-за отсутствия там крепостей и провианта». Внушало тревогу и массовое движение среди сербов, пытавшихся пробиться на помощь России. Своеобразие ситуации заключалось в том, что в Европе не затихали вести о планах Габсбурга «завоевать столицу османов и константинопольский престол»⁸.

Русская дипломатия, добиваясь союза, сама соблазняла австрийцев перспективой расширения границ на Балканах⁹. При напряженности австро-турецких отношений Вена хотела ограничить влияние России в Подунавье в такой мере, чтобы Петр не мог «питать надежд на осуществление греческого проекта», но и не настолько, чтобы исключить Россию как противовес Османской империи.

Следующей проблемой для Австрии было ее беспокойство за Закарпатскую Украину. Судя по донесениям в Вену Велчка из Петербурга, Ракоци предлагал царю, что если тот поддержит независимое Трансильванское княжество, то он переведет всех жителей «православной веры в Венгрии» в подчинение России и их примеру последует православное население Османской империи. «Эту авантюру», писал Велчек, защищал Меншиков, указывая, что среди православных Чехии (!) и Турции можно поднять восстание и против «Священной Римской» и против Османской империй¹⁰.

Не нравились австрийцам и жесткие требования русских запретить императору вербовку шведами солдат в Бремене и Померании и не разрешать имперским князьям поддерживать каролинцев.

А. В. Флоровский, исследовавший тему «русской угрозы» для

Австрии, упустил один вопрос, занимавший тогда умы венских дипломатов. До Габсбургов дошли известия о прусских проектах раздела Речи Посполитой; они считали их хотя и весьма далекими от осуществления, но тем не менее нежелательными. О. Плейер доносил вдове императрице Элеоноре из Ярослава 18 августа 1711 г., что не только Пруссия собирается приобрести гданьское Поморье, но и Россия не прочь отторгнуть Литву, а Турции в виде компенсации будет предложено Подолие¹¹. Иметь соседом не слабую Речь Посполитую, а реальную (не личную) польско-саксонскую унию было бы не в интересах Габсбургов, поэтому австрийцы заверяли, например, Сенявского, что они придерживаются принципа территориальной целостности республики. Еще одна проблема «русской опасности» для Габсбургов относится ко времени начиная с 1712 г. и связана с вмешательством России в дела германских княжеств в связи с вытеснением шведов с южного побережья Балтики.

В общем в момент кульминации восточного кризиса Москва получила от Вены не помощь, а жалобы на то, что царь хочет ее втянуть в конфликт со Швецией и Портой. Своим нейтралитетом Австрия рассчитывала не дать повода к неудовольствию ни султану, ни царю, ни шведскому королю. Но русско-австрийские отношения не ограничивались вышеприведенными противоречиями. Определенное сходство позиций наблюдалось в польском вопросе. Во время Северной войны Габсбурги стабильно поддерживали Сандомирскую конфедерацию, сопротивлявшуюся шведам, препятствовали С. Лещинскому и шведам закупать оружие в Силезии, а в разгар подготовки османской армии к походу на север поручили своему резиденту в Стамбуле М. Тальману представить Порте, что собранный в Силезии «корпус нейтралитета» не позволит нарушить шведам польские границы из Померании¹². Основанием для такого демарша было опасение Габсбургов, что в случае успеха шведско-турецкого нашествия на Польшу там будет восстановлена власть Станислава I и антиавстрийский шведско-польско-турецкий барьер получит шансы на осуществление. Встревожены были австрийцы и вестями о том, что шведские офицеры обучают османское войско и что командовать им будет Карл XII.

Во время подтверждения Карловицкого мира с султаном 7 апреля 1711 г. австрийские дипломаты выражали сожаление, что дело дошло до разрыва русско-турецких отношений, и информировали турецкого посланника, что царь уже просил императора удержать султана от войны и быть посредником при восстановлении мира. 15 апреля Евгений Савойский написал Мехмеду Балтаджи, что император согласен принять посредничество в улаживании русско-турецкого конфликта¹³. Можно добавить, что Вена никогда не отказывалась от переговоров о русско-австрийском союзе, хотя и использовала их как приманку для принуждения России к отказу от поддержки венгерского освободительного движения¹⁴.

Так же безуспешно окончились попытки привлечь к союзу итальянские государства. В январе 1711 г. в Венецию был послан тайный советник И. Х. Урбих, который доказывал там, что турки в скором времени повторят агрессию против «Речи Посполитой Венецейской», которая может получить помощь только от России. Венецианцы уверяли, что хотели бы вступить в союз и что венецианский флот из Пелопоннеса, а русский из Азова, как два брата, могли бы ударить с двух направлений по Стамбулу и при помощи сухопутной русской армии взять османскую столицу. Но, когда позиция Австрии так неопределенна, дело союза вызывает затруднения. В общем же венецианцы желали победы русской армии, указывали на слабость войск султана, на возможность восстания балканских народов и выражали желание не прерывать контактов¹⁵. Вопреки этим официальным заверениям венецианцы, страшась османского реванша, «через своих министров всякое помешательство чинили, а сверх того [в Стамбуле] их баило (представитель. — В. А.) сколько мог обще с послом французским труждался турков против его царского величества к войне возбудить и в том многое иждивение полагал»¹⁶.

Мальтийским рыцарям, флот которых состоял из четырех кораблей, нескольких корсарских фрегатов и семи каторг, русский дипломат Маттео Каретта предлагал довооружить его еще четырьмя кораблями на русские деньги и совершить диверсионный рейд к грекам-христианам Эгейского архипелага. Однако мальтийцы отговорились невозможностью что-либо предпринять без санкции Рима¹⁷.

Для установления контактов с Эфиопией и Ираном, потенциал которого с XV в. учитывался европейскими государствами при организации антитурецких коалиций, видимо, еще не хватало возможностей^{17а}.

Таким образом, петровской дипломатии, как и в 1697 г., не удалось оживить «Священную Лигу».

* * *

Конечно, абсолютно никакой русской угрозы не было для Франции, и тем не менее самой недружественной к России во время южного конфликта оказалась эта держава. Это при том условии, что для нее намного выгоднее была бы турецко-австрийская война, чем турецко-русская. Высказывались мнения, что причиной французской враждебности была надежда Людовика XIV на разрастание турецко-русской войны в войну с Австрией, что силами янычар он хотел склонить Петра I к миру на севере и тем спасти Швецию, что происходило столкновение русских и французских интересов в Польше¹⁸. Ниже предлагается другая точка зрения.

Французская внешнеполитическая концепция исходила из удачной идеи антиавстрийского охранительного барьера (Швеция + Речь Посполитая + Турция), но как раз эти силы начали

резко слабеть с конца XVII—начала XVIII в. Первоначально следствием уничтожения шведского военного потенциала под Полтавой было стремление Людовика XIV использовать новую силу на востоке взамен Швеции. К Петру I был послан французский посол Ж. К. Балюз с предложением посредничества Франции в Северной войне в обмен на посредничество Северного союза в войне за Испанское наследство. В связи с этим России и Саксонии делались, с точки зрения французской дипломатии, выгодные предложения: посадить либо царевича Алексея, либо Августа II на венгерский престол. Кроме этого, Франция обещала поддержку территориальных притязаний России, Саксонии и Пруссии в Померании¹⁹.

В ответ Петр I в Ярославле предложил Балюзу использовать французское влияние «для умиротворения» Порты, причем устно через Е. Сенявскую обещал после мира с султаном дать Ф. Ракоци 12-тысячный корпус²⁰.

Но Балюз к тому времени получил новые инструкции, в которых ему предписывалось сводить на нет свои предложения, учитывая возросшие в 1711 г. шансы Швеции на успех.

Неудачно окончилась и миссия Волкова в Париж с той же просьбой о примирении с турками и предложением «ближнего сообязательства и союза» с Францией. Взамен за медиацию (посредничество) в русско-турецком споре Людовик XIV выставил такой запрос, который заведомо провоцировал на войну с Габсбургами: спасти венгерское восстание от окончательного разгрома, не допустить эрцгерцога Карла Габсбурга на имперский трон, помогая занять его Августу II, и надавить на союзных России Данию и Саксонию, чтобы те отозвали свои вспомогательные войска, воюющие против Франции, с Рейна, и начать мирные переговоры со Швецией²¹.

Таким образом, поддержка Францией Порты вызывалась не столкновением русско-французских интересов, а тем, что на первом плане в русско-турецком конфликте для Парижа оказался шведский король. С помощью Карла XII она надеялась повторить диверсию в сердце Империи, в Саксонию, что было бы большим ударом для Великого союза. Учитывая, что Август II держал свои силы на Западе, а бендерские части Карла XII были слабы, Франция, естественно, побуждала османов помочь шведскому королю удалить русское присутствие из Польши, прорваться в Центральную Европу и разорвать связи России с польско-саксонской унией и Империей. Не отбрасывалась вероятность и того, что вторжение османов заставит оттянуть австрийские и саксонские войска с западного фронта. Конечно, нельзя забывать, что Османская империя была давним историческим союзником Франции и сказывались прошлые антифранцузские акции Петра I — борьба против принца Контти, претендовавшего в 1696—1697 гг. на польский престол, война с турками в 1695—1696 гг. и свержение шведско-французской креатуры С. Лещинского в 1709 г. Лучше всего о желательности для Людовика XIV восста-

новления Станислава I в Польше написал Б. И. Куракин: «Франция приводит их, турков, в войну противу царского величества сколько для интересу шведского, но вдвое для своего, потому что, когда король шведский в силу восстановлен будет, также и Станислав в Польшу, а его царское величество будет принужден примириться, тогда вся оная потенция турецкая на цесаря нападет, в котором случае его царское величество не будет в состоянии помогать, а Станислав в интерес Франции будет обязан молчать»²².

* * *

Не однозначным было отношение Англии к «русскому вопросу» и Северной войне. При оценке ее позиции не следовало бы принимать неверную концепцию враждебного единства европейских стран к России, которая пропагандировалась остфоршерами. Англо-французские противоречия того времени в Европе и особенно на Тихом и Атлантическом океанах, противоречия Франции и Голландии, Англии и монархии Габсбургов (в связи с Испанским наследством) были гораздо сильнее, чем забота о сохранении старой системы равновесия на Балтике. Сопrotивление морских держав Дании в Северной войне было еще большим, чем против России. О дружественных и лишенных конфликтов русско-голландских отношениях говорить не приходится, а Голландия оставалась тогда еще одной из сильных мировых держав.

Конечно, превращение петровской России в полноправное европейское государство вносило новые проблемы, но это не основание для рассуждений об «угрозе» существованию Европы. Несмотря на враждебный с 1709 г. нейтралитет Великобритании к России, английский флот был заинтересован в тогдашних русских стратегических товарах — мачтовом лесе, льне, пеньке и смоле. Английское купечество предпочитало перевозить эти грузы на своих судах и было против конкуренции русского флота на Балтике, но одновременно не было принципиально против обладания Россией хотя бы одной свободной от шведского контроля гаванью. Более того, англичанам и голландцам приходилось посылать военные конвои против шведского флота, когда Петр I пытался перебросить архангельскую торговлю в балтийские порты. Англия поддерживала северных союзников еще и по той причине, что она оплачивала половину суммы на содержание 25 тыс. саксонцев и датчан, воевавших на Рейне. Морские державы были недовольны объявлением Портой войны России из-за помех ближневосточной торговле и предприняли усилия по улаживанию русско-турецкого конфликта²³.

Другая акция западных держав — подписание в Гааге 20(31) марта 1710 г. Англией, Голландией, императором, Ганновером и Бранденбургом-Пруссией акта о «северном нейтралитете», хотя и была проведена прежде всего в интересах Великого союза, но фактически приобрела антишведскую окраску. Шведам запре-

шалось открывать военные действия против Дании и польско-саксонской унии с территории шведских владений в Империи. При этом у царя и датского короля оставалась возможность напасть на Финляндию и южную Скандинавию со своих территорий, тогда как Карлу XII открыть фронт в Польше после потери Лифляндии можно было только через Померанию. В ту же весну 1710 г. Уайтхолл отказал шведскому королевскому совету в просьбе послать эскадру на Балтику в соответствии с Травендальским договором, оказать денежную помощь и предложил России вступить в Великий союз²⁴. Поддержка Францией Порты склонила англичан к противодействию путем поддержки Русского государства. Используя такие настроения морских держав, в Лондон и Гаагу были посланы Куракин и Матвеев устроить англо-голландское посредничество в войне со Швецией и османами.

Предварительными условиями мира Россия выставляла требование достаточного выхода к Балтийскому морю, включая Эстляндию и Финское побережье до Гельсингфорса. Вскоре после этого морскими державами и Австрией в Бендеры был послан представитель Джеймс Джеффрис убедить Карла XII придерживаться «северного нейтралитета» (не нападать на Саксонию и Польшу), не препятствовать свободной торговле с русскими портами и предложить услуги в мирном посредничестве на севере²⁵. За всем этим стояло стремление нарушить установление союзных шведско-французских отношений. Но все эти предложения провалились — Карл XII обвинял морские державы в близости к Саксонии и Дании и категорически требовал выполнения принятых ими гарантий по Травендальскому и Альтранштедтскому договорам, на основе которых только и возможен мир с Августом II и Фредериком IV.

После этого морские державы совершили очередной антишведский шаг: в Гааге 3 августа 1711 г. было подписано соглашение, разрешающее ввод войск северных союзников в Померанию. В Вене тоже согласились на это²⁶.

В 1712 г. английский и голландский послы в Стамбуле Р. Сэттон и Я. Кольтер настаивали на высылке Карла XII из Молдавии через Польшу с возможно меньшим конвоем, препятствовали развязыванию шведами новой войны в Польше и переходу Правобережной Украины в руки султана²⁷.

РОССИЯ, ПРУССИЯ И ПОЛЬША

Среди прочих проявлений агрессивности России указывалось на ее стремление «поглотить» Польшу. Термин «раздел», принятый историками для обозначения расчленения польско-литовского государства в конце XVIII в., неточен для периода Северной войны, когда в Европе циркулировали идеи отторжения кусков как от Речи Посполитой, так и от других государств. Варшавские конфедераты не отвергали план Карла XII расчленения России, сандомирские конфедераты достаточно настойчиво добивались шведской Лифляндии и Дунайских княжеств. Территориальные комбинации за

счет Польши широко использовались как тайной дипломатией, так и политической пропагандой.

В 1710 г. появлялись проекты передачи части Великопольши Швеции в виде компенсации за Восточную Прибалтику («Венгерский проект»), разделения польских земель между Габсбургами и Романовыми (видимо, австрийского происхождения), уступки коронных земель Пруссии и Османской империи (политическая комбинация польских конфедератов). Для польского короля-саксонца планы обмена, продажи и передачи польских земель ради укрепления своей власти вообще не сходили с повестки дня начиная с 1697 г. Не многим в этом отношении отличалась и политика С. Лещинского.

Упорную настойчивость проявляла Пруссия, которая надеялась, что после Полтавской победы Россия активизирует антипольские действия. Но в Мариенвердере в 1709 г. Петр I отклонил предложение Фридриха I сократить территорию Речи Посполитой, хотя и указал на возможность передачи Пруссии Эльблонга, если та откажется от нейтралитета в Северной войне²⁸. Прусский король, рассчитывая, что Веттин, недовольный военной реформой на Вальной Раде, пойдет ему навстречу, предложил свое содействие для усиления саксонского абсолютизма в обмен на Курляндию, Вармию и Жемайтию. Однако Август II счел большой такую дозу вознаграждения и раскрыл прусский план полякам.

25 февраля 1710 г. Пруссия передала русскому послу в Берлине фон дер Литу новый, так называемый большой план, по которому Лифляндия и часть Великого княжества Литовского предназначались России; Гданское Поморье, Жемайтия и Курляндия — Пруссии; преобразованная в наследственную монархию Польша — Саксонии; Габсбургам гарантировались их завоевания в войне за Испанское наследство; Голландии — торговые привилегии на Балтике; Гданьск и Рига превращались в вольные города.

Головкин и Шафиров отвергли этот план как «непрактикабельный» и вместо него предложили заключить русско-прусский договор против абсолютистских планов Августа II. Но дипломаты Фридриха I уже распространили слухи о согласии России на «раздел» Речи Посполитой, и в Петербурге обеспокоились, что инициатива будет приписана царю. Г. Ф. Долгорукому предписали заявить в Варшаве, что Петр I в ущемлении территориальных прав республики «весьма отказать изволил, что никогда того чинить не будет и, как себе ис Польши ничего не притязует, так и иных до того не допустит»²⁹.

Без удовольствия в Москве приняли и очередной прусский проект от 24 октября 1710 г., по которому Пруссии передавались Вармия и Гданское Поморье за обязательство не пропускать шведов в Польшу, а России — земли по обеим сторонам Западной Двины и Днепра, часть Мстиславского воеводства и все завоевания в Прибалтике³⁰. Но с начала 1711 г. стали поступать сведения о предстоящем прорыве шведов и татар в Польшу, и 13 января 1711 г. представителям Фридриха I И.А. фон Биберштейну и послу

И. Г. Кайзерлингу ответили на проект от 24 октября: если Пруссия не пропустит шведов из Померании ни в Саксонию, ни в Польшу, то Эльблонг немедленно (а не после войны, как это было записано в Мариенвердерском договоре) будет отдан прусскому королю³¹. При этом Петр I будет добиваться согласия Августа II на эту уступку и держать это в тайне от республики³². После мира со Швецией полякам будет объявлено, что Эльблонг уступлен как компенсация за прусские военные расходы, а завоеванную Померанию царь попросит императора оставить в рамках Бранденбург-Пруссии.

Пруссаки добились включения формулировок хотя и направленных против Швеции, но с антипольской окраской: «При владении города и крепости Эльбинга. . . хочет его царское величество его королевское величество прусское против всякого... крепко содержать и в потребном случае и войсками своими вспомогать». Взаимно Пруссия обещала «его царскому величеству против неприятелей его, иногда в Полше происходящих, равенственное вспоможение чинить так, как о том между собою в ближайший концерт вступят»³³. Судя по последним словам, о мерах взаимопомощи против станиславцев собирались договориться позже.

Учитывая «неотступное домогательство» пруссаков, секретной статьей обещали им территориальное приращение за счет польских земель: после мира со Швецией царь обязывался ходатайствовать перед польским королем и республикой об уступке части земли между Померанией и Нижней Вислой, о полном правовом закреплении за ней Лемборка (Лауенбурга), Драгима и Бытова и восстановлении прусской границы до р. Гейлигенаа (Хайлиге Аа — между Клайпедой и Лиепая), а также отказе Речи Посполитой от попыток возвращения Пруссии в рамки польского королевства. Ни в издании «Писем и бумаг императора Петра Великого», ни в приложениях к публикации Ф. Мартенса, где помещены неподписанные тексты этого проекта, ни в многочисленных списках ЦГАДА не обнаружено статей, касающихся русских приобретений в Белоруссии³⁴. Русская сторона всегда подчеркивала, что согласие на территориальные изменения в пользу Пруссии происходит «без малейшей причины к русскому advantage».

Подписан этот договор был не сразу. Только после того, как не было получено ответа на три грамоты к Ахмеду III с предложением сохранить мир и неизбежность войны с Турцией стала явной, Петр I подписал 2 марта этот проект и разрешил А. Г. Головкину, сыну канцлера, отправиться в Берлин за ратификацией³⁵. Пытаясь втянуть Пруссию в антишведскую коалицию, Эльблонг собирались отдать в самый последний момент, когда пруссаки вступят в боевые действия всеми вооруженными силами, имеющимися в Бранденбурге и Восточной Пруссии. В апреле 1711 г., когда получили сведения, что Берлин не принял никаких мер для блокады померанской границы, было решено вообще не впускать немцев в город и оборонять его русскими солдатами до последней возможности.

Ни в Берлине, ни в Гааге, куда за Фридрихом I отправился А. Г. Головкин, договор не был ратифицирован. Более того, прусский король стал отказываться и от выполнения обязательств, принятых по Мариенвердерскому договору, оскорбил и объявил «персоной нон грата» фон дер Лита. Причина изменения политики прусского двора состояла в том, что к этому времени стала известна декларация Карла XII о непризнании им системы «северного нейтралитета» и об объявлении противниками всех, кто будет мешать ему преследовать врагов, где бы они ни находились. Этим Карл XII хотя и навлекал неудовольствие Великого союза, но вместе с тем парализовал склоняющиеся к Северному союзу силы. Прусский король говорил А. Г. Головкину об усилении шведско-турецкого блока, о незначительности Эльблонга как компенсации «за страх», о невозможности для царя распоряжаться «чужим добром» и о туманности русских обещаний на Западную Пруссию³⁶. Все это изменило точку зрения русского правительства на прусскую помощь и послужило причиной отхода от договора уже во время переговоров с саксонцами в Ярославле, где Померания в случае завоевания предоставлялась уже не Пруссии, а Саксонии, а рассмотрение всех «помешательных проектов» прусского двора относительно территориальных изменений в Восточной Европе передавалось Августу II. Узнав о том, что датчане 15 мая 1711 г. присоединились к плану военных действий в Померании, Г. И. Головкин написал сыну, что надобность в прусской помощи отпадает.

После Прутского мира стали считать, что договором 2 марта 1711 г. оплачивалась слишком высокая цена: 1 августа канцлер написал из Могилева «к трактату прилежного старания не показывать». Еще через несколько дней Петр I распорядился, чтобы А. Г. Головкин «ни королю прусскому, ни его министрам о вступлении с нами в трактат против шведского короля от себя не упоминал»³⁷.

Впрочем, совсем отказываться от прусской помощи в России не собирались. В последующем времени из Берлина постоянно исходили проекты обмена прусского нейтралитета в Северной войне на части польских земель. С русской стороны от их рассмотрения не отказывались, но и не шли им навстречу, сочтя более выгодным переориентировать прусские аппетиты на запад — в сторону Померании.

Ради удобства изложения рассмотрим продолжение русско-прусских контактов по польскому вопросу. Новое обострение русско-турецких отношений сразу сказалось на Балтике. Весной 1713 г., когда татарские разьезды появились под Киевом, Головкин предложил новому прусскому королю Фридриху-Вильгельму I не пропускать шведов в Польшу всеми средствами вплоть до применения оружия. За это после закрепления за Россией наследственных земель в Прибалтике «с доброю барьерою» (дополнительным предлогом) царь убедит поляков отдать Эльблонг Пруссии, а в случае их несогласия «принять все способы, дабы то от Речи Посполитой конечно учинено было»³⁸.

Учитывая нежелание Пруссии открыто выступить против Швеции, решили еще дальше пойти навстречу антипольским претензиям и обещали заключить русско-пруссский оборонительный союз против Речи Посполитой³⁹. Впрочем, следует отметить туманность этих предложений. Конкретного проекта такого союза не обнаружено, хотя известно, что намеки такого рода делались с лета 1712 г.⁴⁰ Поворот русской тайной дипломатии можно объяснить желанием привлечь дополнительного союзника, отвлечь Пруссию от антирусских комбинаций и «сбить кураж» с Веттина, который в 1713 г. начал переговоры с Францией и Крымом о выходе из Северной войны.

В октябре 1713 г. А. Д. Меншиков подписал с прусским королем договор об отдаче в секвестр Пруссии до конца войны Щецина, Штральзунда и Висмара. В русско-прусском договоре о гарантиях 4 (15) июня 1714 г. говорилось только о гарантиях России на владение Пруссией Щецином, Вольгастом с островами Волиным и Узедомом и гарантиях Фридриха-Вильгельма I на Прибалтику вместе с Лифляндией.

Таким образом, в Северную войну Россия втянула Пруссию за счет не Польши, а Швеции.

ПОХОД В МОЛДАВИЮ

Подготовка к турецкой войне в России началась сразу же после 20 декабря 1710 г. Ежегодную 40-тысячную норму рабочих людей, высылавшихся на строительство Петербурга, Кронштадта и Петергофа, уменьшили вдвое, но усиленные наборы в армию (на 1711 г. было решено набрать 25 тыс. рекрутов, в связи с чем в радиусе 200 верст от Москвы забирался каждый десятый, дальше — каждый двадцатый) продвигались с трудом. Потери умершими, беглыми и больными достигали 24%⁴¹.

В окрестностях Твери, Белоозера, Старой Руссы, Устюжны, Петербурга большие группы «разбойников» и дезертиров жгли деревни, убивали сборщиков дани, отбивали новобранцев. За «неисправление» (неподачу) рекрутов сенатор Т. Н. Стрешнев и московский комендант и сибирский губернатор М. П. Гагарин в конце февраля 1711 г. сели на два месяца в тюрьму Земского приказа. Под арест был посажен и П. А. Голицын.

Наступательный размах русского стратегического плана не уступал шведскому⁴². В отличие от XVII в. кругозор русского правительства охватывал все антиосманские силы от Италии и Балкан до Кавказа. Если в походах 1687—1689, 1695—1696 гг. был приобретен опыт наступательной войны по днепровскому (на Перекоп) и донскому (на Азов) направлениям, то царь-реформатор, опережая XIX в., планировал вести войну одновременно на Балканском, Крымском, Кавказком театрах военных действий. К переходу в русское подданство призывались Ногайская, Буджакская, Кубанская и Крымская орды.

«Под высокодержавную руку» собирались привести весь Северный Кавказ — Черкессию, Кабарду, племена чеченцев, мичкисов, кумыков⁴³.

В отличие от Порты, не предпринявшей попыток поднять мусульман Поволжья, правительство Петра I призвало на помощь всех православных и католических христиан Балканского полуострова⁴⁴.

Три удара в Причерноморье намечались для отвлечения азиатских сил Османской империи от Молдавии. Украинский гетман И. И. Скоропадский должен был с 20 тыс. казаков и частью русской пехоты И. И. Бутурлина пройти вдоль Днепра к Каменному Затону, отсечь все крымское войско и пустить партии казаков через Сиваш на Крымский полуостров. При вступлении главных сил Петра I «в турецкую землю» Скоропадский и Бутурлин должны были вторгнуться в «самой Крым»⁴⁵. С трех направлений собирались раздавить Кубанскую орду и ее столицу Копыл: с севера русскими полками под командованием П. М. Апраксина, с юга адыгами и со стороны Тамани десантом с Азовского флота⁴⁶. (Выйти на Черное море Азовскому флоту было еще не под силу, и десант на Крымское побережье, например, не планировался.)

Большей части калмыков поставили задачу тоже выступить против кубанских ногайцев и до 10 тыс. выделить против каракалпаков, башкир и донцов (на случай их восстания) и 2 тыс. присоединить к полевой армии Б. П. Шереметева. Надзор за поведением калмыцкого хана Аюки был поручен П. М. Апраксину⁴⁷. После победы над шведской армией «турок ставили за мало», и Меншиков бравировал возросшей по сравнению с крымскими и азовскими походами мощью России, которая-де позволит быстро расправиться с войсками султана⁴⁸.

Почему же не был учтен неудачный опыт походов на юг Яна III Собесского в 1684—1686, 1691 гг. и Августа II в 1698 г.? Что заставило планировать удар в балканском направлении, а не поставить более реальную задачу — наступать на Очаков, Бендеры, Керчь, Перекоп или принять противника на Украине, как собирались это сделать в 1712—1713 гг.?

Прежде всего в Москве великолепно знали о славянской и «православной» взаимности на Балканах. Еще в 1698 г. П. Б. Возницын советовал направить армию в нижнее Подунавье, «где тьмы народа нашего». От балканских информаторов, естественным стремлением которых было завлечь русских как можно глубже на Балканы и в совместных боях защитить право на национальную свободу, постоянно получали сведения о волнениях в Стамбуле, о дезертирстве, низкой боеспособности османских воинов и о непопулярности войны среди янычар⁴⁹, боявшихся повторения венской катастрофы 1683 г. На основе такой информации был сделан вывод, что появление армии у Нижнего Дуная сможет стимулировать освободительное движение в Дунайских княжествах, в Болгарии и приведет на соединение из Венгрии 10—20 тыс. сербских добровольцев. Восстание, возможно, пере-

кинется на Грецию, воспрепятствует переходу Дуная противником, разложит и взбунтует его войско и приведет к основной цели, преследовавшейся тактикой наступательной войны, — скорейшему заключению мира⁵⁰. Так еще в марте 1711 г. вырисовался план защиты левого берега Дуная, где предполагалось при необходимости и зимовать.

В противном случае надеялись либо разбить турок, если будет численно превосходство (!), либо отступить за Днестр, предварительно уничтожив провиант в Молдавии по примеру Жолкевского плана 1707 г. Из-за Днестра можно было развернуть агитацию для привлечения христиан в армию и там же переждать зиму, которая тяжело скажется на непривычной к холодам турецкой армии. Таким образом, мыслилось не глубокое вторжение на Балканы, подобно австрийцам, дошедшим в 1686 г. до Македонии, а оборонительная кампания за одной из водных преград⁵¹. Нет оснований предполагать о походе за Дунай исходя из единственного пункта указа Шереметева от 11 апреля 1711 г. генералам Вейде, Репнину, Алларту и Энзберку: «Иметь вожей, которые бы знали путь за Днепр *до Дуная и далее* (курсив мой.— В. А.)»⁵².

Подталкивал к походу к Дунаю и Луцкий договор 13 апреля 1711 г. с Д. Кантемиром. Прорусские симпатии в Валахии приводили и К. Брынковяну к таким же действиям, что и молдавского господаря. В 1698 г. валахский господарь через резидента Г. Кастриота в Москве предлагал принять Валахию в русское подданство, скоординировать борьбу против османов и наладить связь с иерусалимским патриархом, в связи с чем он и стал кавалером ордена Андрея Первозванного. После Полтавской битвы К. Брынковяну обещал послать провиант для 30-тысячной русской армии, если та появится в Валахии, помочь сербам из Венгрии пройти на соединение к русским и поднять восстание в Сербии и Болгарии⁵³.

А. З. Мышлаевский считал, что Петр I стремился вынести сражение за пределы польской территории в связи с неустойчивой обстановкой на Украине и в Польше, а также из-за неуверенности в поведении Августа II в случае прорыва турецкой армии на коронные земли⁵⁴. Это было далеко не решающим основанием для похода на Балканы. Правда, опасаясь повторения ситуации 1708 г., Меншиков «пустил голос», что пойдет на Украину «ради надежды и страху тамошнему народу» и соединится с украинскими полками⁵⁵, но в 1712—1713 гг. русское командование не опасалось встретить янычар на Украине.

Неустойчивость польского тыла также нельзя признать веской причиной перенесения операции в Молдавию. Русский двор знал о брожении среди шляхты, однако ситуация 1711 г. не была похожа на обстановку кануна Полтавской битвы, когда наблюдалось равновесие сил станицлавцев и сандомирян. Перед Прутским походом территория Речи Посполитой в достаточной мере контролировалась русскими вооруженными силами, для которых были

выделены с конца 1710 г. зимние квартиры в Краковском, Волынском, Подляшском, Подольском, Люблинском и Белзском воеводствах, но главным образом польскими войсками.

Действия приверженцев Станислава Лещинского представляли нападение на саксонских и русских фуражиров. Их руководители (например, А. Шмигельский, отряд которого в июне 1711 г. дошел из Померании до Торуня) все надежды возлагали на шведов⁵⁶. Имеются сведения, что на территории Западной Украины оппозиция готовила покушение на Петра I, но все это оставалось только слухами⁵⁷. Значительной акцией можно считать выступление Сапеги против коронного войска с отрядом в 500—2000 человек, которые раньше «лежали в домах». По сообщениям А. И. Дашкова, он собирался поддержать высадку шведского десанта, но с ним намеревался справиться один Поцей «без турбаций русских войск»⁵⁸.

Как и прежде, серьезным препятствием был вопрос о снабжении солдат. 13 января 1711 г. в очередной раз были разработаны и сообщены полякам правила с установлением ежемесячной нормы для солдата в 36 злотых 8 грошей, прикреплением к каждому русскому полку и генерал-майору польских комиссаров и введением смертной казни «за обиды»⁵⁹.

Наиболее знакомый с польскими условиями Г. Ф. Долгорукий советовал собирать провиант только за зиму 1711 г. Указом царя заготовки были прекращены в Великом княжестве Литовском. Были выпущены приказы «о приятном обхождении» с поляками, в манифестах, обращенных к польскому народу подчеркивалось, что русская армия идет на юг для защиты республики⁶⁰. В результате непопулярности протурецкой и прושведской ориентации С. Лещинского и всеобщего желанья мира Карл XII не имел серьезной поддержки у шляхты. В своем тылу за Днестром Петр I не оставил никаких военных сил, кроме четырех фуражирских полков.

Причина похода на Прут, косвенно связанная с Польшей, относится к ошибочной оценке планов турецкого командования и переоценке возможностей Карла XII. По поводу турецких планов у современников сложилось ошибочное представление о существовании единого антирусского фронта. П. А. Толстой из Стамбула писал в 1711 г., что «Порта, Франция, Швеция и венгры учинили альянс наступательный и оборонительный» против России, Австрии и Августа II и что шведский король, войдя в Польшу с турецкой армией, восстановит С. Лещинского⁶¹. Подобные же сведения массой хлынули из Молдавии, где лучше всего был известен вариант войны, распространявшийся пропагандой Карла XII⁶². Ввиду такой ширококвещательности стали полагать, что сил шведского полководца, гипноз победоносности которого не рассеялся даже после Полтавы, и его турецких покровителей будет достаточно, чтобы совершить переворот в пользу Станислава. Поэтому, назначая сбор войск над Днестром, готовились не допустить турок в Подолье и прикрыть польские границы. (С некоторым удивлени-

ем тогда констатировалось, что противник не переходит границу, «спит и коловратствует» вокруг Бендер⁶³.)

Русская военная разведка не проверила и реальные возможности всеобщего восстания в Дунайских княжествах и Болгарии, состояние продовольственных запасов в Молдавии, степень уязвимости тыловых коммуникаций при переносе боевых операций к Дунаю. Петровская дипломатия не учла и стремления Порты локализовать войну с Россией, не осложняя ее конфликтом с Речью Посполитой, а также противоречия между Карлом XII и османским правительством. Плохо было известно об экономическом положении Швеции, не способной уже не только сформировать армию, равную по численности допотавской, но и высадить достаточный десант на южном побережье Балтики⁶⁴. Не обратили внимания и на то, что отношение к Августу II у Ахмеда III было не столь бескомпромиссным, как у Карла XII. Османы в 1711—1713 гг. не рвались через коронные земли к Киеву или Чигирину и не исключали мирного посредничества Империи и морских держав, и если бы русское командование приняло оборонительный план войны, прусских потерь могло бы и не быть. Дело бы окончилось, вероятнее всего, затяжкой военных действий и подтверждением статус-кво⁶⁵. Наступательная тактика, помимо риска, которому подвергал Петр I себя и армию, имела и другие теневые стороны: она давала возможность турецкой пропаганде раздуть «русскую угрозу» в отношении химеричного «Ориентального цесарства» и облегчала войну с одной Россией без вовлечения в нее Речи Посполитой и обострения отношений с государствами Священной Лиги.

* * *

Итак, вся тяжесть конфликта с османами, в отличие от войны со шведами, легла на Россию. Для обеих держав-соперниц успех предreshался способностью выдержать испытания дальними маршами. Россия еще не накопила опыта переброски войск на дальние расстояния, а Османская империя уже растеряла былую способность своего молодого феодализма к мобильным броскам. Тот из соперников, кто принимал на себя тяжелый переход в засушливое лето 1711 г. через степи Причерноморья, подвергался большему риску быть разбитым. Затянувшаяся мобилизация не позволила сосредоточить всю русскую армию к весне у молдавских границ. Время, затраченное в Польше на сбор провианта и уговоры поляков, оказалось потерянным. «Великие и несносные нужды» — бескормица в Белоруссии, два налета саранчи в 1710—1711 гг., оголившей поля и сожравшей даже кору с деревьев от Молдавии и Волыни до Глухова, жестокая засуха, чума, прокатившаяся от Балкан до Швеции, — вынудили скармливать армейским лошадям солому с хат. Из-за падежа коней около 6 тыс. драгун маршировали навстречу катастрофе пешими⁶⁶.

Поначалу ход кампании был обнадеживающим — османы не подготовили защиту своих государственных границ в Молдавии.

Партия волохов, станицлавцев и турок под командованием Я. Грудзинского общей численностью в 2,5—3 тыс. человек, вышедшая из Бендер 24 мая 1711 г., успела разобрать два пролета моста, наведенного русскими через Днестр, но, потеряв в перестрелке несколько человек, в тот же день ушла обратно. Кавалерия Шереметева рассеяла отряд Ю. Потоцкого, взяв в плен до 500 жолнёров. Без боя сдались крепость Сорока⁶⁷.

Молдавский господарь остался верен Луцкому договору — 3 июня Д. Кантемир провозгласил Молдавию союзным княжеством под русским протекторатом во главе с наследственной и самодержавной династией Кантемиров и обещал мобилизовать все силы своей страны против неприятеля. Молдаване с энтузиазмом встречали русских освободителей. 9 июня Шафиров поздравил Меншикова «умножением подданных его царского величества и земель». Этот политический успех, полной уверенности в котором не было, учитывая наветы К. Брынковяну о преданности Кантемира туркам и его зондаж у Сенявского об унии Молдавии с Речью Посполитой (уже после Луцкого договора⁶⁸), оказался неожиданным и чувствительным ударом для Порты⁶⁹. В ставках Мехмеда Балтаджи, Карла XII, Петра I ожидали большего — перехода под русский протекторат «Валахии и прочих» (как балканских христиан, так и ногайцев Причерноморья — одновременно с Молдавией на русскую сторону перешло трое мурз из Буджака «с кочевьями»⁷⁰).

Но чем дальше на юг продвигалась армия, тем явственнее вырисовывались промахи русской военной разведки. Балканский стратегический план уже к 6 июня можно было считать рухнувшим — в этот день узнали, что румелийские и анатолийские войска, ободренные медленным маршем изнуренной русской колонны, перешли Дунай. Координации действий с балканскими христианами не получилось. Восстание не вспыхнуло там, где оно было нужнее всего, — в Болгарии и Валахии. С малочисленными болгарскими и валашскими гайдуками связей не было, а героическое восстание в Черногории и Герцеговине не могло сковать силы Мехмеда Балтаджи. Скоропадский не запер татарскую конницу в Крыму.

Девлет-Гирей, прежде «безмерно опасавшийся приходу» русских за Перекоп, узнав от пленных о болезнях и нехватке продовольствия у Шереметева, вывел с полуострова почти все прикрытие (30 тыс. воинов), соединился с силами своего сына Батыр-Гирея, Ю. Потоцкого (3 тыс. жолнёров) и запорожцами (6—7 тыс.) и в сопровождении шведских офицеров-консультантов (Дальберг, Цюлих) окружил наступавших «малой войной», которая наносила, по оценке Фабриса, больший ущерб, чем «регулярные битвы»⁷¹. Крымцы выжигали степь, разбивали русские отряды, ежедневно захватывали фуражиров, отгоняли тягловую силу — волов и коней, отбивали возы с хлебом, дровами и питьевой водой. Несколько сотен телег отбили поляки полковника шведской службы К. Урбановича и запорожцы.

На стороне крымцев сражались и буджакские ногайцы под началом Мехмед-Гирея, поначалу свернувшие свои кочевья и ушедшие в Крым. Связь с тыловыми продовольственными базами в Полонном, Бродах, Киеве была разорвана, малочисленные иррегулярные части (170 донцов полковника Игнатия Ефимова и несколько сотен сербов, волохов и венгров) не могли обеспечить надежное прикрытие⁷².

С запозданием узнали, что на военный и экономический потенциал Молдавии рассчитывать безнадежно — засуха и саранча опустошили край, а боеспособность 6—10 тыс. молдаван не могла сравниться с опытом полтавских ветеранов⁷³.

Вопреки Л. Н. Алларту и некоторым другим генералам, предлагавшим задержаться у Днестра, «партиями» взять Бендеры и переложить на противника тяжесть перехода через степи, военный совет 14 июня решил продвигаться в Валахию. К. Брынковяну, вместо того чтобы ударить в тыл османам или хотя бы перебросить провиант навстречу русским в Фальчи, как предполагалось ранее, предоставил все свои «магазины» османам, а в Яссы 23 июня прислал Г. Кастриота с известием, что Ахмед III через иерусалимского патриарха Хрисанфа предлагает пойти на мировую. Великий спафарий и командующий вооруженными силами Валахии Фома Кантакузино, отъехавший тайно от своего двоюродного брата-господаря, сообщил о желании народа Валахии присоединиться к русским вопреки Брынковяну, отказавшемуся рисковать своим огромным богатством.

28 июня военный совет по предложению Кантемира и Кантакузино отправил восемь драгунских полков и батальон ингерманландцев («корволант» силой в 5056 человек) с генералами К. Э. Ренне и Л. С. Чириковым взять склады продовольствия в Браиле и силой ускорить переход Брынковяну, а затем соединиться с основной армией у Галаты на Дунае⁷⁴. В случае противодействия они должны были низложить господаря и организовать выборы нового⁷⁵. Через голову Брынковяну «к мултянскому народу были посланы от его царского величества универсалы за подписанием его величества собственной руки и печатью»⁷⁶. «Иудиным лобзаниям» Брынковяну уже не верили, не верили и его посланцу Г. Кастриоту, поэтому не вступили в переговоры с турками, «чтобы не дать неприятелю сердца». Кантемир, как и поляки, просил вынести боевые действия за пределы Молдавии, но каждый шаг к Галате давался все труднее. Почерневшая от жажды и голода армия, теряя по пути умирающих, медленно спускалась по западному берегу Прута, чтобы избежать столкновения с противником и отрезать Брынковяну от османов. Остановиться было невозможно. Из-за бескормицы кони едва передвигались, глодая корни и кору с деревьев. Поражение было предопределено. Конечно, присоединение валашского господаря не спасло бы кампанию, но измена «христианскому делу» кавалера ордена Андрея Первозванного болезненно переживалась и долго не забывалась русским правительством⁷⁷.

Уклониться от столкновения с противником не удалось. 7 июля 6 тыс. драгун генерала Януса неожиданно увидели на другом берегу Прута авангард многотысячной османской армии, которая в этот день соединилась у Фальчи с татарами, запорожцами и поляками⁷⁸. Драгуны спустились к воде как раз напротив палатки Мехмеда Балтаджи, и турки ожидали атаки. Возможно, что если бы Янус приказал начать обстрел, то замешательство в первых рядах иррегулярных частей противника, необученного стоять под огнем, вызвало бы временный отход. Однако Янус предпочел отойти к главной армии⁷⁹.

Перейдя Прут и разделив войско на две части, следовавшие друг за другом в 2 милях, Мехмед Балтаджи, чтобы не рисковать при неудаче и не зная, куда делся Ренне, вместо того, чтобы раздавить маленький авангард Януса, следовал за ним. 9 июля вся русская армия была блокирована в излучине Прута при деревне и монастыре Хуши (молд. Станилешти). Времени на создание оборонительной системы, подобно той, что была под Полтавой, не было, и удалось лишь наскоро огородиться телегами, рогатками, павшими лошадьми и кое-где небольшими валами. Приказ вернуть конницу Ренне был невыполним. Несколько горячих атак «неистовых» албанцев и босняков («делі») на пехотные линии были отбиты мушкетным и орудийным огнем и вылазкой за пределы лагеря. Кяхья (начальник канцелярии великого везира) предположил возможность поражения⁸⁰. Но в то время русское командование еще не накопило военного искусства побеждать численно превосходящего противника, подобно Евгению Савойскому, Румянцеву и Суворову. (38 тыс. П. А. Румянцева там же на Пруте, у Рябой Могилы, 17 июня 1770 г. разбили 72 тыс. турецко-татарского войска, 27 тыс. при Кагуле 1 августа 1770 г. разбили 150 тыс. противника; 25 тыс. русских и австрийцев под командованием А. В. Суворова 11 сентября 1789 г. нанесли поражение 100-тысячному противнику при Рымнике.)

Петр I не использовал временное замешательство и не рискнул контратаковать. Османы беспрепятственно окружили русский лагерь земляными укреплениями и установили на окружающих высотах батареи. Совет шведских инструкторов максимально использовать огонь артиллерии оказался удачным. В ночь с 9-го на 10-е и днем 10 июля от бомбардировки из 310 орудий погибло, включая павших за 8—9 июля, 2856 человек⁸¹. Поражение в бою для османов не означало поражения в войне, тогда как для русских это был конец армии Петра I. В черновике «Истории Свейской войны» Петр I записал: «Едва б не последовало же, как шведов при П[олтаве]»⁸². Обстрелом и блокадой турки могли полностью уничтожить ее. Землянки, накрытые палатками, не были надежным убежищем для царя и высшего командования. Угнетала невозможность активной борьбы. Правда, огромная площадь лагеря не вся простреливалась, ответный огонь русских пушек не был подавлен, и пехота стойко держалась за рогатками лагеря. Янычары ни разу не смогли прорваться за слабые ограждения.

10 июля сожгли много секретных документов. Оба соперника не знали о состоянии другой стороны и неоправданно высоко расценивали силу друг друга⁸³. Не потеряла присутствия духа и жена Петра I Екатерина: она на виду у всех ободряла плачущих жен офицеров и военному совету предложила собрать червонцы и обратиться к Мехмеду Балтаджи с предложением мира. Мужественное поведение первой дамы армии нельзя считать легендой, как полагает Е. П. Подъяпольская⁸⁴. Катастрофа на Пруте так потрясла, что в ознаменование «вечной памяти знаменитого освобождения» армии, царя и царицы был основан второй в русской истории после ордена Андрея Первозванного женский орден Освобождения, или Святой великомученицы Екатерины⁸⁵.

16 октября 1713 г. был спущен на воду 60-пушечный линейный корабль «Св. Екатерина», а в манифесте 15 ноября 1723 г. при коронации первой русской императрицы объявили, что «государыня императрица в почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала — о том ведомо всей нашей армии».

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРУТСКОГО МИРА

ПРУТСКИЙ ДОГОВОР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопреки ожиданию русского штаба все высшие должностные лица на совете великого везира, кроме Девлет-Гирея, охотно согласились на переговоры с русскими¹. Некоторые новые детали о них можно обнаружить в депешах посла Шафировова, относящихся к 1712—1714 гг., которые выпали из поля зрения исследователей. В русском лагере опасались, что турецкая сторона выставит запросы совместно со шведами, и поэтому Петр I предписал ради мира идти на любые территориальные уступки, начиная с Лифляндии и кончая Псковом и другими русскими землями, кроме Ингрии (Петербурга). Соглашались вторично, после лета 1708 г., признать польским королем Станислава I, но в основном собирались уступить турецкой стороне, чтобы та не стояла за Карла XII.

11 июля 1711 г. царь соглашался уже «на всё, чего похотят, кроме шкляфства» (рабства); в последнем случае решили не сдаваться, а пробиваться вдоль Прута на север².

Русскому послу был оказан почетный церемониальный прием. По пути к шатру Мехмеда Балтаджи двумя рядами стояли спахи в конном строю с красными и голубыми значками, для Шафировова был поставлен отдельный шатер.

Запросами турецкой стороны были: Азов, уничтожение вновь построенных крепостей «на турецкой территории» — Таганрога, Самары, Каменного Затона, выдача Азовского флота, всей артиллерии, оружия и военной амуниции, очищение Польши и невмешательство в дела казачества, Запорожской Сечи, османской райи на Балканах, ликвидация посольства в Стамбуле, разрешение поездок купцам в Турцию только по суше, освобождение пленных и задержание заложником фельдмаршала Б.П.Шереметева. Для Швеции просили всего лишь обеспечить «мирную дорогу» королю. Нет сомнения, что были и запросы о выдаче изменников — бывших османских подданных Кантемира и С.Л.Владиславича (Рагузинского), о выплате контрибуции в размере трехлетнего дохода с Молдавии и восстановлении ежегодной дани Крыму³.

Сомнительно, чтобы Шафиров запросил «все пространство до Дуная». Этому нет подтверждения ни в одном из донесений Шафировова⁴. Как только вице-канцлер согласился отдать Азов, Мехмед Балтаджи не скрыл своей радости, и опытный русский дипломат мгновенно оценил тревожную обстановку в ставке противника, расхождение шведско-турецких интересов и сумел исключить из проекта договора унижительные статьи (выдачу Кантемира и Владиславича, выплату «молдавского трибута»). Армейскую артилле-

рию он предложил заменить пушками и амуницией из Каменного Затона и продать, а не сдать часть кораблей Азовского флота.

Специальной статьей турецкая сторона решила оговорить удаление русского влияния с территории Речи Посполитой и мест расселения орликовцев в Крымском ханстве. Попытка Шафирова зафиксировать в договоре невмешательство не только России, но и Швеции в польские дела была «с сердцем» пресечена Мехмедом Балтаджи, и «прекословить при тогдашнем состоянии» вице-канцлер не мог⁵. Пришлось соглашаться на туманную формулировку, смысл которой переводчик Николай Барка не мог даже полностью понять⁶. В русской редакции ст. 2 выглядела так: «В польские дела его царское величество мешатца, також и их казаков и запорожцов под их область принадлежащих и у хана крымского сущих, обеспокоивать и в них вступаться не изволит и от стороны их руку отнимает»⁷.

Термин «отнять руку» должен переводиться как отказ от протекции — сравни с термином «принять под высокодержавную руку». Нельзя согласиться с мнением польского историка Е. Ростворовского, что в 1711 г. турки уже намеревались воссоздать вассальную Украину⁸. Только с 1712—1713 гг. эти расплывчатые и неопределенные строки османские дипломаты в соответствии со своей редакцией стали толковать в смысле ликвидации влияния России не только в Запорожье, но и во всей области расселения украинского казачества, включая Левобережную Украину. В принципе турецкая сторона могла предлагать любые условия — настаивать на уточнении текста Шафиров боялся, учитывая отчаянное положение русской армии и возможный рост территориальных претензий турок на всю Украину.

В интересах османов, крымцев и запорожцев Прутским договором были ликвидированы русские крепости, построенные на спорном степном пограничье. Причерноморье осталось за кочевниками.

По требованию Девлет-Гирея вице-канцлер вынужден был хотя и не «на письме», но устно согласиться на возобновление ежегодной дани в Крым. Лишь благодаря ссоре везира с ханом этот «самый бедственный пункт» не был записан в текст договора⁹. Остальные турецкие требования были включены в текст проекта. По настоянию противника мирный договор был записан как «вечный», против чего «перечить» Шафиров не мог. Около 13—14 час. 11 июля 1711 г. он сообщил о достигнутом соглашении. Сыну фельдмаршала полковнику М. Б. Шереметеву дали чин генерал-майора, жалованье на год вперед и во втором часу ночи отправили заложником вместо отца к туркам, придав свиту в 110 человек.

До 12 час. дня 12 июля договор с общего согласия османского командования, офицеров, янычар и спахи был рассмотрен, одобрен и подписан всеми высшими чинами. После полудня прислал ратификационную грамоту и Петр I.

Около 14 час. русская армия строем, со всей артиллерией, оружием, с развернутыми знаменами, саблями наголо и с барабан-

ным боем пошла на север, но из-за усталости за 2,5 часа первого перехода смогла пройти всего лишь 1,5 мили, теряя в дальнейшем по 300—400 умерших в день¹⁰. Несмотря на предоставленный великим везиром 12-тысячный турецкий конвой, крымцы и запорожцы кружили вокруг отступавших, грабили и брали в плен вплоть до Немирова. Только в ночь на 14 июля Петру I впервые после 7 июля удалось спокойно заснуть¹¹.

Мало внимания обращалось на два эпизода сражения. За два часа до отхода русских к шатру Мехмеда Балтаджи прискакал Карл XII, запоздало предлагая способы пленения царя. Крупнейшую ошибку в жизни Карла XII — самоустранение в критический момент войны, чем будто бы была упущена возможность вернуть «самое ценное сокровище шведской Короны» — Лифляндию, — шведские историки объясняли желанием вывести турецкую армию на Украину или намерением под прикрытием турок самому прорваться с юга в Польшу¹². Судя по письмам Карла XII, можно допустить, что он желал навязать туркам свою тактику, считая, что если они перейдут Днестр у Бендер, то русские, боясь, что их отрежут от Киева, начнут отступление. Польша осталась бы открытой, и оттуда на соединение пришли бы станиславцы¹³. Но стратегический план короля уже был нарушен появлением русской армии в Молдавии, и пребывание Карла XII под Бендерами становилось бессмысленным.

Видимо, немалую роль играли престижные соображения. Пять лет король, претендовавший в Молдавии на роль самостоятельной политической силы, упорно пытался начать с того рубежа, который оставил под Полтавой. Но хотя он и прислал на Прут почти все силы, находившиеся в его подчинении (7—10 тыс. казаков и станиславцев)¹⁴, а также искушенных в военном деле высших офицеров Потоцкого и Понятовского, Дальберга и Цюлиха, османское правительство не собиралось ставить иноземца во главе своих войск. Несколько раз до июля 1711 г. королю отказывали в координации военных действий (последний раз в мае 1711 г.)¹⁵. Присутствовать на положении советника монарху великой державы Северной Европы, полководцу с европейской славой казалось унижительным.

Неясным остается и вопрос, почему русскими все же допускалась возможность опасного соединения османской массовой армии с талантливым королем-полководцем¹⁶ и почему не была блокирована ставка Карла XII у Варницы вместе с 15-тысячным гарнизоном Бендер, принесшим так много неприятностей тылам русской армии¹⁷.

Варница и изменения военного потенциала противника в районе Бендерской крепости зорко наблюдались военным командованием. Оно выясняло через военных разведчиков, дезертиров и перебежчиков инженерное обеспечение, силы и артиллерийский парк этого района. Для обмана противника «вытрублено было иттить. . . для атаки под Бендер»¹⁸. Возможно, что дезинформация удалась: шведы начали копать неглубокие рвы и валы для соедине-

ния своего лагеря с укреплениями в предместье Бендер, османы провели воду во рвы. 31 мая драгуны Шереметева показали в 6 милях от Бендер¹⁹, но ни для осады, ни для блокады крепости русское командование не могло выделить сил, к тому же оно считало, что ни бендерский гарнизон, ни буджакские ногайцы не будут опасны, учитывая их низкую боеспособность. Петр I говорил, что если Карл XII будет командовать турками, то он и эту армию потеряет, так же как свою под Полтавой²⁰.

Неуверенность и желание турок как можно скорее выпроводить противника из Молдавии привели к тому, что многие места мирного договора оказались составленными неясно и общо и, самое главное, не было получено твердых гарантий. К таким неясностям следует отнести статью о невмешательстве в польские дела. Неясно было, о каком невмешательстве шла речь — дипломатическом, военном или экономическом. Не были оговорены сроки и направление вывода войск из Польши, чему так много внимания стало уделяться в 1712—1713 гг., а также сроки разорения и отдачи пограничных крепостей и Азова. Только 19 августа 1711 г. было составлено дополнение к Прутскому договору, по которому Азов должен быть сдан, считая от этого числа, через 61 день, каменный Затон и Самара разрушены через два, а Таганрог — через четыре месяца, после чего Карл XII немедленно и без ущерба договору будет выслан в его земли²¹.

Неопределенным оставался статут области Запорожского войска и пограничных степных районов, а также их государственная принадлежность — граница не была определена. Неясно было, каким путем, до какого места и когда проследует Карл XII к своим землям. Оставление заложниками Шереметева и Шафирова оказалось недостаточной гарантией. Прутским договором Порты впервые вступала на путь официального регулирования русско-польских отношений, а это была программа, форма и пределы которой были неясны самим авторам и которые были уточнены лишь в последующее двухлетие. На основе договора, в котором содержалось столько неопределенного, нормальное развитие мирных отношений между двумя странами было невозможно. Поэтому ближайшее развитие русско-турецких отношений шло по линии конкретизации и пересмотра статей Прутского договора²².

В следующие после подписания договора дни в русской походной канцелярии было составлено несколько документов, предназначенных для официального распространения в Европе. Это были сильно измененный и сокращенный текст договора, описание Прутского похода с искаженным соотношением численности русской и османской армий (для последней приводилась цифра 189 665 человек при 444 орудиях) и только что полученное известие о взятии К. Э. Ренне Браилы²³. Статья по польскому вопросу была отредактирована таким образом: «В польские дела с обеих сторон (!) не мешаться, таж и их подданных ничем присвоять, ни их, ни земель их». Кроме придания смысла обоюдного отказа от вмешательства и территориальных претензий на польские земли,

было вычеркнуто упоминание о казаках, т. е. весь украинский аспект статьи.

Пункт о выдаче пленных также приобрел смысл двустороннего обязательства. Не упоминалось о ликвидации русского посольства в Стамбуле, об оставлении заложников, о невозобновлении крепостного строительства на пограничье. В описании похода указывалось на дезинформацию, полученную с Балкан, на настойчивость Кантемира, завлекшего армию в Молдавию. Для частичного подъема русского престижа была составлена статья, которой вообще не было в договоре: «Туркам в дела шведские не мешаться и отступить от короля шведского»²⁴. (Русские послы в Берлине и Париже на основании этих документов распространили «ведомости о победе над турки».)

Фальсификат текста Прутского мира, помещенный в «Полном собрании законов Российской империи», заставил турецкого историка А. Н. Курата предположить, что в договоре, представлявшем односторонние обязательства русских, только турецкий оригинал имел законную силу и Мехмед Балтаджи не стал спорить по неточностям русской редакции^{24а}.

В целом конкретные приобретения Порты можно расценивать как умеренные: были восстановлены османские позиции, существовавшие в Северном Причерноморье до 1700 г. Великий везир Мехмед Балтаджи, несмотря на свои слова о собственной военной некомпетентности, сумел «захлопнуть окно» на Азовское море, пробитое Петром I в 1696 г.

Ниже умеренного был учет турками интересов союзных сил — шведов, станицлавцев, крымцев, орликовцев. Впрочем, следует отметить упреки в адрес великого везира о том, что он упустил возможность вернуть Швеции Прибалтику в соответствии с манифестом султана от 9 (20) ноября 1710 г. Включать в договор статьи о возврате прибалтийских провинций и, следовательно, обмениваться гарантиями со шведами, на чем настаивал С. Понятовский, значило бы для Стамбула ввязываться в Северную войну и, может быть, воевать за то, чтобы принудить Россию к полному выполнению договора²⁵. А это было бессмысленно с точки зрения государственных интересов, учитывая недавнюю потерю Пелопоннеса и Трансильвании. Характерно, что ни при запросах на Пруте, ни при последующих переговорах в 1712—1714 гг. турки не выдвигали условий в пользу Швеции. Это значит, что исключение интересов шведского короля не было оплошностью, а отражало основную линию османской политики.

Как раз не мир, а продолжение Северной войны, связывавшей руки России, было в интересах Порты. 12 июля, уже после подписания мира, турецкая сторона высказала всего лишь пожелание прислать для Шафирова полномочную грамоту на открытие русско-шведских переговоров, от чего легко удалось отговориться необходимостью согласования с датским и польским королями. 13 июля Шафиров с облегчением сообщил, что туркам «знатно сей мир угоден» и что на Карла XII они «плюнули». В довоенной шведской

историографии считалось, что русско-турецкая война ничего не дала Швеции, но в 1960-е годы было выдвинуто положение, что она сдержала русское наступление на Балтику²⁶. Кампания северных союзников в Померании в 1711 г. провалилась в немалой мере благодаря походу на Прут. Сам Петр I считал, что турецкая война на три года продлила Северную войну. Представление шведскими историками Прутского мира как «бесполезного» для Турции восходит к дипломатии шведского короля, который преследовал цель втравить Стамбул в новый конфликт с Россией.

Несколько больше, чем шведы, получили станиславцы, среди которых первое время даже ходили слухи о том, что Порта вернула Речи Посполитой Киев, Смоленщину, Левобережную Украину и обязала возместить все убытки Ю.Потоцкому²⁷. Вплоть до конца XVIII в. поляки интерпретировали польскую статью договора как османскую гарантию независимости Польши²⁸. (Эта статья вполне удовлетворяла как сандомирских конфедератов, так и сторонников Станислава I.)

Определенные выгоды получила самая многочисленная, но обладавшая небольшим политическим весом эмигрантская сила — орликовцы благодаря совпадению их интересов с османскими и крымскими. В интерпретации Девлет-Гирея Порта восстановила Старую Сечь и права запорожского казачества, очистила Правобережье вплоть до Киева и р. Случь «от ляхов и русских».

Чем же можно объяснить умеренность турецких требований к России по сравнению с программным ультиматумом султана? Вряд ли глупостью, близорукостью и «бабьими колебаниями» турецкого командования²⁹, но рядом факторов, из которых, во-первых, основным была стойкость русской армии (достигавшей, по преувеличенной оценке С. Понятовского, 50—60 тыс.)³⁰, во главе которой был сам «дели-Петро» («бешеный Петр», как называли царя османы) и с которой иррегулярным частям трудно было иметь дело. Окончание кампании за два месяца с отвоеванием Азова, на взятие которого русские потратили два года, представлялось большим успехом в ставке великого везира. Но и эта кратковременная кампания привела турок к тяжелым потерям от боев, дизентерии и дизентерии на прямом и обратном марше³¹.

Во-вторых, сказалась тревожная обстановка на Балканах — османские тылы на Дунае громил К. Э. Ренне, в Черногории, Герцеговине и Северной Албании шла настоящая война, в русскую армию просачивались сербские добровольцы. Османская армия была пропитана пораженческим духом — говорили об измене молдаван и валахов, о переходе черкесов в русское подданство и о намерении противника якобы оккупировать Румелию и захватить Стамбул³². Каждая лишняя минута пребывания русских в молдавских землях грозила дальнейшими осложнениями среди христианской «райи» от Пелопоннеса до Карпат, ожидавшей царя-освободителя.

В-третьих, шведский союзник и станиславцы не помогли ударом из Померании и Польши перерезать тыловые связи армии

Петра I с Правобережной Украиной. Наоборот, на днестровском пограничье собралось войско Речи Посполитой.

В-четвертых, сказалось дипломатическое мастерство П. П. Шафирова, без которого потери могли бы быть тяжелее и унижительнее.

С. Понятовский в своих депешах не учел вышеназванных факторов — ему, как и всем в турецком лагере, грезилась лишь телеги с бочками, нагруженными русским серебром. Все войско гудело о взятке в «8 миллионов русского золота»^{33–34}. Попав в сообщения многих иностранных послов в Стамбуле, это повлияло и на историков, которые, начиная с Вольтера, единственную причину мира стали усматривать в «бакшише» Петра I. Некоторые из них пустили в ход нелепую версию, что жена царя Екатерина Алексеевна провела ночь в шатре Мехмеда Балтаджи. Последнее как заслуживающая внимания «гипотеза» была отклонена А. Н. Куратов в 1961 г., так как великий везир не обращал внимания на женщин.

Конечно, попытку подкупа отрицать нельзя. В 1714 и 1721 гг. Шафирову пришлось отчитываться за израсходованные суммы во время пребывания в Стамбуле в 1711—1714 гг. Подробный отчет был составлен им 22 августа 1721 г., где он указал, что царь обещал отдать через переводчика русской службы Николая Барку Мехмеду Балтаджи 150 тыс. руб., кяхье Осман-аге — 60 тыс., чавуш-баше Ахмеду-аге — 10 тыс., янычарскому аге Юсуфу — 10 тыс., брату кяхьи — 1 тыс., конюшему и секретарю, писавшему трактат, — по 1 тыс. руб.³⁵

11—12 июля 1711 г. наскоро собрали золото и серебро (взяв у разных лиц, в том числе у Б. П. Шереметева, 706 червонных, из казны Посольской канцелярии 617 червонных) — 4500 золотых, 1356 ефимков и 100 руб. После отхода армии 12—16 июля с ротмистром А. П. Волынским в турецкий лагерь дополнительно прислали обещанные 250 тыс. руб. «мелкой российской монеты» и 11 сороков соболей на сумму 5050 руб. с обозом из 50 лошадей в «пяти ящиках, в семи фурманах, в шести палубех»³⁶.

К 16 июля Шафировым «денги... уже были разочтены и на телеги, от них (Мехмеда Балтаджи и турецкого командования. — В. А.) присланные, кому сколько обещано для отдачи, розкладены были»³⁷. Однако высшие должностные лица не посмели принять дачу из-за возмущения Девлет-Гирея и Карла XII. Для пресечения слухов о подкупе они поставили стражу вокруг шатра Шафирова и русского обоза с деньгами, не снимая ее вплоть до прибытия Д. М. Бестужева-Рюмина с ратификационной грамотой. Из открытых «дач», всегда практиковавшихся при подписании договоров, 14 июля 1711 г. 400 червонных передали в турецкую канцелярию, 15 июля 29 — чегодарям, из тайных — секретарю Омеру-эффенди 1 тыс., переводчику — 200, турецкому писарю — 30 червонных. 30 июля 2500 руб. мелкими деньгами отдали драгоману Порты Янако Маврокордату, приехавшему уже после заключения мира. Остальное как собственность русского посольства

Шафиров повез в Стамбул³⁸. Из предусмотренных дипломатическим этикетом подарков М. Б. Шереметев передал великому везиру две золоченые пищали, две пары пистолетов и сорок соболей стоимостью в 400 руб., а Шафиров в сентябре 1711 г. подарил ему портреты Петра I и Августа II, усыпанные алмазами. В ответ Мехмед Балтаджи собирался презентовать царю и генералитету армамаков, но поопасся доносов шведского короля³⁹.

Вряд ли на спешность заключения договора повлиял учет турками возможности удара австрийцев из Венгрии, ибо, как писал Шафиров, они знали, что Габсбурги не будут заступаться за Россию⁴⁰.

Не могли облегчить условия мира и русские вспомогательные акции вдоль Днепра и Кубани, которые, так же как и Прутский поход, обернулись обороной и отступлением. Марш в направлении Крыма семи пехотных и драгунского полка (7178 человек) генерал-майора И. И. Бутурлина с 20 тыс. казаков И. И. Скоропадского завершился неудачно. Войска, вышедшие 30 мая 1711 г. от устья р. Ворсклы, переправили через Днепровские пороги 120 судов с амуницией и провиантом, 2 июля подошли к Каменному Затону, и 25 июля четыре командированных батальона сожгли хижины опустевшей Новой Сечи. Однако ордынская конница и партии запорожцев зашли в тыл Бутурлину и нависли над Слободской Украиной, Полтавским и Гадячским полками, Миргородом, Бахмутом и Тором. Изнурительность степного похода и голод, из-за которого пришлось есть только конину, дезертирство как солдат, так и казаков Скоропадского вынудили Бутурлина 23—24 июля без приказа повернуть назад под предлогом преследования орды.

Запоздавшим оказался и августовский 100-верстный поход П. М. Апраксина в Прикубанье. Вопреки указу Петра I выступить весной 1711 г. против кубанских ногайцев калмыцкие тайши в апреле, не дойдя до Азова 100 верст, повернули и ушли за Волгу, и только 3 июля 20 тыс. калмыков с 6 тыс. солдат Апраксина вышли от Царицына⁴¹. Этот поход, в котором принимали участие также черкесы и кабардинцы, закончился взятием столицы Кубанской орды Копыла и нескольких тысяч полона. Удар с моря был отменен: с 30 июня Азовский флот был блокирован турецким флотом. 22 июля двухтысячный турецкий десант пытался взять сильно укрепленный Таганрог, но был отбит после двухчасовой перестрелки. 5 августа вслед за получением известия о мире турецкий флот ушел⁴².

* * *

3 августа 1711 г. Шафиров обменялся ратификационными грамотами с великим везиром, 15 августа Ахмед III прислал османскому командованию жалованье, почетную одежду и вернул Мехмеду Балтаджи жалобу Карла XII на него. Невиданно долго, шесть суток, в османской столице продолжались торжества,

салюты и раздача наград. Великий везир говорил русскому послу, что такого единодушия в оценке договора всеми мирскими и духовными чинами Порты не было 400 лет. Триумф сгладил горечь поражений в войне против Священной Лиги 1683—1699 гг. и поднял дух реванша против Польши и Венеции. Политический успех Османской империи с лихвой перекрыл скромные конкретные «прибыли». Порта оказалась в выгодном политическом положении — в ее поддержке или нейтралитете были заинтересованы и Швеция, и Россия, и Речь Посполитая, и монархия Габсбургов, и Венеция. В Европе стали серьезно обсуждать возможность османского посредничества в Северной войне. Усилилось беспокойство за судьбу Мореи и Венгрии.

Если Полтава резко подняла международное значение России, то прутское поражение в немалой степени его снизило. Упали шансы на заключение русско-австрийского союза. В Вене прошел ложный слух, что русская армия наголову разгромлена под Бендерами Карлом XII, а ее бежавшие остатки погибают от диспепсии. «Злонамеренные» говорили, что австро-русский союз, вместо того чтобы дать мир с Францией, втянет императора в Северную войну, что изгнание русских из Польши — хороший урок для Петра I за связи с восставшей Венгрией, что опасно показывать России путь в Европу, что москвиты не знают военного искусства и Полтава была случайной победой над голодными и бессильными людьми. В Нюрнберге и Франкфурте отпечатали издевательские пасквили о покупке царем мира за несколько миллионов и за ежегодную дань Крыму в 100 тыс. червонных. В Лондоне и Париже дипломаты оценивали Прутский мир как тяжелый, унижительный и заключенный на крайне постыдных условиях⁴³. Во французской столице, где прежде «беспозорно» принимали русских, теперь стали «чинить дикий приём», заставляя русского посла Г. И. Волкова ожидать перед кабинетом министра Торси по нескольку часов⁴⁴. Франция уже не принимала идею русского посредничества в войне за Испанское наследство. Даже Венецианская республика окончательно отклонила союз с Россией, несмотря на то что вероятность турецкого реванша усилилась.

Следствием прутского поражения можно считать и возникновение в 1712—1713 гг. массы антирусских политических комбинаций. Хуже стали выглядеть дела всего Северного союза. В кругах европейских дипломатов стали говорить о том, что Саксония переживает финансовый кризис, что в датских войсках свирепствует чума, что «корпус нейтралитета» не следует употреблять в дело, чтобы северные союзники не захватили Померанию.

Суживалась сфера русского влияния — пришлось эвакуировать за Днепр военные базы с коронных земель: на Волыни — Полонное и Межиричи, на Правобережье — Белую Церковь, Немиров, Винницу, в Вармии — Эльблонг. После 1711 г. русские войска уже до конца Северной войны не появлялись в областях Короны, прилегавших к османским границам. Прут временно приостановил тенденцию присоединения Правобережной Украины, которая

в определенной мере поддерживалась антипольскими настроениями казачества. Москва свернула и средиземноморское направление дипломатической активности: Маттео Каретта и И. Х. Урбих прервали переговоры о союзе против турок с Папским государством, мальтийскими рыцарями и республикой святого Марка (независимо от венецианского отказа). Возможность протектората или союзнической защиты Молдавии, Черкессии, Кабарды и западнобалканских земель сменилась частичным уменьшением влияния там⁴⁵. В 1712—1713 гг. уже не поднимали на войну молдаван, черкесов, ногайцев. После Прута отошли и от обещаний в содействии пруссакам округлить их владения за счет Польши.

Прутский мир нанес удар и русской черноморской программе — пришлось проститься не только с мыслью об овладении Керченским проливом, но и на 63 года со свободой мореплавания на Азовском море и с Азовским флотом, из 12 кораблей которого «Ласка», «Предестинация» и две шнявы вместе с оснасткой и вооружением были проданы за 26 167 червонных в связи с отказом турок пропустить их через Босфор вокруг Европы в Петербург. В начале октября 1711 г. сожгли постройки и разрушили валы крепостей-форпостов Каменного Затона, Самары, Таганрога — Османская империя, как в раннее средневековье, лучшей гарантией безопасности границ считала безлюдные степи. Засыпку Керченского пролива, которая велась с 1702 г., турки прекратили. Османские поэты стали воспевать могущество войска султана, которое после того, как окончательно разобьет Петра I, его трон и корону, пойдет на завоевание Рима^{45а}. До Белградского мира 1736 г., когда частично были поправлены «великий вред и бесчестье» 1711 г., османы «легко ставили» Россию. Только по Кючук-Кайнарджийскому договору, подписание которого (10 июля 1774 г.) П. А. Румянцев стремился подогнать к дате Прутского мира, Русское государство смогло снова поставить вопрос о защите балканских христиан, свободе мореплавания по Азовскому и Черному морям и возобновить наступление на Кавказе.

Одновременно усилились претензии Крымского ханства и Порты на протекторат над всем Северным Кавказом. Наряду с карательными походами против Кабарды и калмыцких усюлов посланцы крымского хана в 1713—1714 гг. агитировали в Черкессии, Кабарде и Дагестане за переход в османское подданство, а в Бухаре и Хиве — за боевую готовность против России и Ирана⁴⁶. С 1713—1714 гг. участились и обращения к Порте о протекторате бухарских и хивинских эмигрантов («посланцев земли узбекской и туркменской»), мусульманских беев Нижнего Поволжья («астраханских беев») и хана Аюки, для которого «беи» собирались предоставить кочевья от Ахтубы до Азова после взятия Астрахани⁴⁷.

И тем не менее мир на юге для России был стратегическим выигрышем: можно было не отвлекаться от основной цели — утверждения на Балтике и снова воевать на одном фронте; не

потеряли ни Лифляндии, ни Пскова, ни Новгорода, ни Польши в пользу С. Лещинского⁴⁸.

Прутский поход стал качественно новым этапом политики на Балканах. В 1711 г. впервые была реализована поддержка балканских народов («посеяны семена мятежа», как писали турецкие историки)⁴⁹.

Как Ливонская война для балтийского вопроса, так и война 1711 г. наметила все компоненты восточного вопроса XVIII—XIX вв., включая и такое следствие, как разделы Польши.

Излишне доказывать, что прутское поражение не свело на нет результаты Полтавской победы: отступление на юге осталось локальным явлением, тогда как Полтава определила долгосрочную перспективу успешной внешней политики. Успехи на Балтике с 1712 г. выправили пошатнувшийся русский престиж.

* * *

Нельзя полностью согласиться с концепцией, что Прутский договор сдержал русский натиск на Польшу и стал тем предельным барьером, за который долго не могла «высунуться на Запад агрессивная царская автократия»⁵⁰. Вынесение военных действий в Молдавию в определенной мере защитило Речь Посполитую от османских разорений. Некоторые из польских магнатов были готовы перед началом военных действий с Портой за территориальные уступки сохранить мир на юге⁵¹.

После Прутского мира основное внимание Петра I было переключено на померанский и балтийский театры военных действий. Первостепенной задачей, поставленной царем, было добиться там хотя бы ограниченного успеха, «хотя один замок какой нарочитой взять». В первые дни отступления еще опасались, что великий везир выставит дополнительные требования по польскому и шведскому вопросам, но такие опасения быстро прошли. Вдогонку турки просили не отступать через Подолию, а отступать, например, через Немиров и Киев, причем марш через украинские степи польского пограничья не считался нарушением польского суверенитета⁵².

Приятным сюрпризом оказалось предложение Мехмеда Балтаджи о возможном пропуске Карла XII в Швецию через Россию, которое было сразу одобрено царем. Как только армия оказалась вне опасности и прошло состояние шока, Петр I поставил вторую задачу Шафирову: частично ревизовать условия договора и создать подобие «южного нейтралитета» — добиться от султана обязательства взаимного невмешательства в польские и украинские дела и оставить Польшу нейтральной «с обеих сторон»⁵³. И Петр I, и Ахмед III, и Карл XII считали Польшу истерзанную войной, пороховой бочкой — современникам казалось, что появление там шведского короля приведет к взрыву и восстановлению шведского влияния в республике. Возможно

поэтому Петр I пошел на риск невыполнения части условий Прутского договора и обострения отношений со Стамбулом. Он задержал на Волыни отходившие войска и предписал послам составить дополнительную статью о принудительной высылке короля, «пристрашивая» противника задержанием Азова и оставлением гарнизона в Белой Церкви. Некоторый вес имело соображение, что, «вырвав» Азов, турки «по наушению шведову» предъявят дополнительные претензии. Техническая невозможность эвакуации до лета 1712 г. 2 тыс. пушек, корабельных припасов и провианта, завезенного с января 1711 г. на целый год, роли не играли — в город можно было впустить турецкий гарнизон и до эвакуации военной амуниции. 3 августа царь написал Д. М. Голицыну не спешить с разорением Каменного Затона и Самары. Без санкции высшей власти П. М. Апраксин не должен был сдавать Азов даже в случае высылки Карла XII, о чем Шафиров не был поставлен в известность⁵⁴. В целях создания более спокойной обстановки на южной границе казаков, приставших было к Ф. Орлику в 1711 г., предписывалось переселять ближе к Москве, остальное население с Правобережья вывести за Днепр, подобно тому как это сделал украинский гетман И. Самойлович в 1678 г., сжечь все городки на полосе вдоль Днепра, положенной по «вечному миру» 1686 г. быть «впущенным». Одновременно резидентам при коронных и литовских гетманах наказывали «следить и престоерегать всё новое и противное», что появится в Польше при известии о Прутском мире.

Все это вызвало расхождение между Петром I и Шафировым. Вице-канцлер, ссылаясь на то, что они с сыном фельдмаршала М. Б. Шереметевым «не так в министерском лице, как в атаманах здесь оставлены», указывал, что задержка войск в Речи Посполитой вызовет «нарекания» турок и «великое озлобление» поляков, ибо «не без тягостей им будет, и войско их ныне все в зборе, и опасен, чтоб не потянули за собою турок. . . а поляков ныне надлежало б приластить гораздо»⁵⁵. Шафиров советовал фельдмаршалу Шереметеву разместиться у Киева, а не на Волыни, так как «всё равно для постраха поляков было, как и в Полонном». Польская же оппозиция не сможет быстро мобилизовать силы на помощь Карлу XII. Уклонение от выполнения части статей Прутского договора было настолько явственным, что Г. И. Головкину пришлось успокаивать Б. П. Шереметева, опасавшегося за жизнь своего заложника-сына: «. . . не изволите какова противного мнения в том (в выполнении условий мирного договора.— В. А.) иметь и о сыне вашем печалиться»⁵⁶. Одновременно в ставке великого везира Шафиров по мере сил старался поднять авторитет Августа II «яко немчина» и рекомендовал принять саксонского посла⁵⁷.

В первые дни отступления армии было принято сообщение мазовецкого воеводы С. Хоментовского, что он собирается в поход с частью войск Речи Посполитой на помощь русскому союзнику. Головкин в первый момент с досады ответил, что они действительно надеялись, что коронные войска пойдут вслед за русской армией,

но от польского замедления произошел «великий вред общим интересам» и теперь Петр I не нуждается в них и «освобождает от трудов». Видимо, после размышления все это было зачеркнуто и в Беловике осталось, что Россия заключила «вечный мир, чтобы Речи Посполитой не учинить тягостей», и армия возвращается обратно⁵⁸. Оставление «безо всякой помощи» Польшей и польским королем вопреки договорам 1686 и 1704 гг. дало позже Головкину предлог упрекнуть А. Н. Сенявского в измене и отступлении от обязательств, принятых по «Ярославскому концерту»⁵⁹.

В Польше, для которой кампания 1711 г. окончилась угоном татарами в плен всего четырех караульных солдат с пограничного поста, с облегчением и удовлетворением восприняли весть о мире, означавшем конец тревогам и возможным разорениям. 6 августа 1711 г. польский гарнизон Каменца салютовал Петру I, за милую от Жолквы его встречали жена великого коронного гетмана Е. Сенявская, королевич К. Собесский, великий литовский гетман Л. Поцей с женой и все польские сенаторы. Царя приветствовали крылатыми словами «пришел, увидел, победил», лестью и панегириками, в которых он сравнивался с Александром Македонским и Юлием Цезарем. Но к этому примешивалось и беспокойство — не было ли заключено условий в ущерб Речи Посполитой, например о С. Лещинском или касательно прохода Карла XII через Польшу, или даже сепаратного мира России со Швецией⁶⁰. Вскоре стали приходить вести (особенно через офицеров-иностранцев, уволенных с русской службы после похода) о том, что «москвиты разбиты наголову». С августа 1711 г. в Польше стали получать обстоятельную информацию от турок и других лиц о Прутском сражении и мире — писали силстрийский паша, крымский хан, великий везир и коронный гетман в эмиграции Ю. Потоцкий, к которому после Прута стали просачиваться из Польши отдельные партии вооруженных шляхтичей⁶¹.

Порта широко оповещала об успехе своей освободительной миссии. Мехмед Балтаджи оповестил, что Порта, придерживаясь смысла условий о невмешательстве в польские дела, не склоняется ни на сторону Августа II, ни на сторону Станислава I, а ожидает новой элекции, лучшей кандидатурой на которой будет А. Н. Сенявский⁶². 4 августа 1711 г. на польское пограничье с верительными письмами к Сенявскому (но не к королю Августу II) прибыли представители от великого везира и хана, оба Мустафы-аги с задачей ввести в действие статьи Прутского мира, касающиеся Польши, и одновременно прошупать силу антиавгустовской оппозиции. Посланцы желали вести переговоры в глубине Польши со всей шляхетской республикой, а не с двумя-тремя лицами на границе. Это затянуло дело, и только 7—9 сентября Хоментовскому, Поцею и подольскому воеводе С. Гумецкому удалось настоять на своем и открыть переговоры в г. Язловце на границе. Неофициально на переговорах присутствовали агенты от Петра I и Сенявского.

За это время Август II прислал инструкцию, по которой прежде всего требовал признания его Портой, но даже и без признания он советовал не рвать переговоры и, ссылаясь на чуму и шведские разорения, не пропускать шведского короля в «сердце Короны Польской». В случае турецкой угрозы протолкнуть Карла XII силой он предлагал уступить, но выставить ряд условий: оговорить точный маршрут и график движения, ограничить конвой 4—5 тыс. турок, без станиславцев, татар, казаков и волохов⁶³. Но на переговорах польские дипломаты услышали, что после «великой победы на Пруте», где ни один москвит не уцелел бы, если бы царь не попросил о милости, Порта будет сохранять мир с «Лехи-станом», что Москва изгнана не только из Польши, но и со всей Украины, которая «по древности» принадлежит польскому королевству, что русские должны довольствоваться старыми границами и даже вернуть отторгнутое ранее, что султан и хан защитят республику от «московского ига» и, наконец, эскорт предполагает сопровождать Карла XII не далее Львова, а затем тот будет вверен попечению польской стороны.

Хоментовский и Поцей, поздравив с победой и выразив удовлетворение доброжелательностью падишаха, ответили, что русские находились у них по согласованию с правительством республики и уйдут после высылки противника Польши Карла XII. Они предложили выдворить из Молдавии Ю. Потоцкого и станиславцев и назначить в княжестве нового господаря, который сдерживал бы нападения татар⁶⁴.

В заявлении турецко-татарского посольства заслуживают внимания два обстоятельства: первое — Украина (без уточнения какая) передается руками Порты Речи Посполитой; в последующем по этому вопросу позиция была изменена на диаметрально противоположную; второе — главное — турецкая политика сразу же после победы попыталась возродить допотопскую ситуацию в Восточной Европе, снова связать Москву и Варшаву оружием шведского короля и разорвать русско-польский союз, указав на возможность расширения польских границ на Украине. Помимо этого, османские власти пошли на смягчение напряженности с польским соседом, выпустив на свободу к моменту Язловецких переговоров гонцов Бонковского и Вилковского, посланных два года назад с оповещением о восстановлении Августа II. В середине сентября 1711 г. посольство вернулось к своей армии в Молдавию, поняв, что позиции саксонца в общем устойчивы и что русские не покинули Речи Посполитой⁶⁵.

Таким образом, после июля 1711 г. часть польской программы, традиционно выставляемой московскому партнеру (освобождение украинских земель Короны от русского присутствия), оказалась в русле османской политики и стала сдвигаться с мертвой точки. Престижность военной мощи союзника в глазах шляхты упала, и вслед за этим наступил временный спад его влияния. Официальные польские делегации, представления, письма буквально затопили русский двор⁶⁶.

31 августа Сенявский предписал генерал-лейтенанту, коронному ловчему Якубу Зигмунду Рыбиньскому доложить царю, что интересы России требуют выполнения обещаний, данных турками на Пруте, что в связи с миром на юге и блокадой Померании можно отдать Правобережье, заменив тамошние гарнизоны польскими жолнѣрами, и выплатить задержанные в казне царя «миллионы золотых» на их содержание. Русские полки с Волыни Рыбинский просил отвести за Днепр или хотя бы к Белой Церкви, откуда они легко могут вернуться назад в случае опасности⁶⁷. Этим восстановится доверие между союзными русским и польским государствами, Речь Посполитая получит возможность собирать провиант для польского войска и исчезнут «факции» (враждебные действия) шляхты. В других письмах обвиняли петровских дипломатов в обмане на Ярославской раде и предупреждали, что «вечный мир» с турками находится под угрозой из-за невыполнения Прутского договора⁶⁸. Были даже формулировки, что «свободолюбивый» польский народ не сдержит и выступит против «общих интересов». 27 октября Август II подписал инструкцию К. А. Шембеку, назначенному «духовным пастырем» Лифляндии, в которой повторялись те же требования с добавлением удалить сторожевые посты с побережья Курляндии, вернуть Полонное, пушки из Дубно и Могилева и в случае отсрочки передачи Короне Лифляндии восстановить там католицизм или хотя бы несколько костелов, предоставить Венденское епископство Шембеку, пропустить римских миссионеров в Китай и разрешить римско-католическую веру в России.

Вначале результативность просьб была прежней. Петр I из Карлсбада отвечал 24 сентября, что гарнизоны оставят Правобережную Украину, как только из Молдавии будет удален Карл XII, что обещанные миллионы были подготовлены на польское войско, но пассивность последнего вынудила раздать эти деньги русским солдатам. Шембеку по церковным вопросам все ответы были даны отрицательные, на остальные — положительные, но лишь для будущего времени. Слова договора о невмешательстве в польские дела Петр I рекомендовал толковать «надежным полякам» в смысле отказа от территориальных претензий и невмешательства в (бес)порядки республиканского строя, но не запрета проходить в Померанию⁶⁹. Фельдмаршал Шереметев, создавая видимость передислокации, продолжал «толкаться» у Немирова, Полонного и Белой Церкви, хотя находился в крайне бедственном состоянии и просил указа переместиться в Россию. Помимо политических и экономических выгод задержки в Польше, Петр I руководствовался ошибочным соображением, что султанские сановники, желая мира, не будут излишне настойчивы, что, по словам царя, было видно в критический момент на Пруте, когда они не вступились за Станислава I и Карла XII.

Отказы облегчались и тем, что коронные, литовские и королевские (саксонские) требования выставлялись отдельно и не

совпадали друг с другом. Гетманы в тайной переписке просили Шереметева оставить два-три полка для «престережения бунтовщиков»⁷⁰. Саксонская дипломатия в отличие от польской была заинтересована в том, чтобы как можно больше русских войск участвовало в померанском походе. Трения между саксонцами и русскими происходили в основном из-за мест фуражировки и зимних квартир. Саксонцы просили отдать 100 тыс. руб., обещанных по Ярославскому договору, и Лифляндию, а также позволить набирать рекрутов в России или выделить полк для передачи Англии. Относительно польского королевства Веттин лишь советовал «не озлоблять поляков» (во время проезда в Померанию Меншиков «сместил все чины» по пути следования), не претендовать на Курляндию и ради успеха войны на севере выполнить все турецкие требования⁷¹.

В интересах Великого княжества Литовского выставил пункты литовский резидент в Риге Я. И. Плятер — он предлагал не обращать внимания на польские «факции», наладить торговлю Риги с Великим княжеством, как было при шведах, упорядочить рижскую почту и обещал предоставить литовский 6-тысячный гарнизон для Риги и кавалерию для обороны остзейского побережья. В общих выражениях он повторял просьбу вернуть украинские крепости и заверял, что польское общество найдет в себе силы объединиться⁷².

В хороших отношениях с русским командованием состоял великий литовский гетман Поцей; он не акцентировал внимания на спорных делах и старался координировать свои действия с Шереметевым.

В заключение следует сказать, что самого нежелательного, чего боялись в России, — официального обращения августовской Речи Посполитой к османским властям с просьбой об освобождении от «вспомогательных войск» — не произошло. Часть сторонников бобруйского старосты Я. К. Сапеги (среди которых было несколько десятков шведов) и кто, по слухам, из района Быдгощи хотел пробиться к Вармии, были рассеяны Я. З. Рыбинским, но остальные сапежинцы «не имели противности» к русской армии⁷³. Трения с русским союзником в 1710—1714 гг. не доходили до того, чтобы большинство шляхты открыто встало на сторону противников России.

* * *

В шведской старой историографии сложилась традиция представления Карла XII верным выразителем государственных интересов Порты, «пророком», которого не поняли руководящие круги Стамбула. Все турецко-шведские конфликты в Бендерах представлялись как результат «злой воли» или «глупости» великих везиров. Вряд ли это соответствовало действительности. Следствием Прутского мира, после которого «каждый басурман молил Бога за счастье Прутской победы», было определенное стремление

к нормализации отношений и с Россией и с Речью Посполитой. Порта закрыла глаза на то, что во время июльских событий польско-литовское государство фактически стояло на грани войны с ней. И даже отношение к «королю-немчину» в общем было удовлетворительным, хотя Август II еще не признавался после его альтранштедтского отречения, но и Станислав I не считался главой Речи Посполитой. Веттин продолжал иметь вес у османского правительства как участник Карловицкого договора и как монарх, имеющий определенные позиции в Европе. Конечно, больше всего турецкие верхи устраивали бы анархия в Польше и обособление ее от союзников. Можно целиком принять мнение Шафирова, что султан хотел бы поставить такого короля, который зависел бы от его воли, но на это он не пойдет, пока не получит поддержки большинства шляхты, а не только «бунтовщиков»⁷⁴.

В отношении Северной войны Порта продолжала политику нейтралитета. После реванша за Азов Карл XII, казалось, уже был ей не нужен. Турецкими кругами высказывалось понимание того, что «его царское величество не может вытерпеть, чтобы швед в Речи Посполитой усилился и на него иных понудил. И им де до того дела нет, как они меж собою после воевать будут». Отношение к шведскому королю с его спесивым, лишенным дипломатического такта поведением в первые месяцы после Прутского мира стало прямо-таки враждебным⁷⁵.

16 июля 1711 г. несколько османских отрядов было послано к Бендерам, чтобы в соответствии с договоренностью «по-приятельски» (в отношении России и Польши) выпроводить короля из пределов Османской империи. Тайно Шафирову дали понять из ставки Мехмеда Балтаджи, что если бы Август II захотел захватить Карла XII, то турецкая сторона не прибегла бы к решительным действиям по его защите⁷⁶. Шафиров удачно использовал перехваченное письмо короля к казакам, в котором тот «хвалился» низвергнуть великого везира. Вполне вероятно, что это было каплей, переполнившей чашу терпения, и янычарский ага Юсуф-паша «с клятвою» обещал окружить Карла XII янычарами и выслать его через Польшу или через Венгрию. К концу июля османские власти начали выполнять свое обещание, данное на Пруте. Сообщение с внешним миром фактически интернированных шведов было прервано, и для их высылки были назначены Гассан и Кара-Мухаммед — паши с 5 тыс. «румелийской шляхты для чину» и 5 тыс. татар «пахотных мужиков для лица» и собрано 300 подвод, запряженных ослами⁷⁷. Шафирова заверяли, что турецкий конвой не будет подчиняться Карлу XII, если тот захотел бы отклониться от маршрута и начать военные действия. Одновременно отправили письмо польским сановникам «отпустить по дружбе» шведского короля. В августе Мехмед Балтаджи пытался выставить пришельца через Белград и Германию «с великим криком и принуждением», угрожая каторгами шведам, станиславцам и орликовцам⁷⁸.

Более того, стали предприниматься совместные действия с русскими (на что ранее не обращалось внимания). 6 сентября от Ша-

фирова из турецкой армии к Бендерам был направлен подьячий канцелярист Иван Небогатов по желанию великого везира для координации мероприятий с Гассаном-пашой, чтобы «не давать воли» королю при эскортировании, наблюдать за правильностью снабжения провиантом и т. п. Шафиров просил определить маршрут через Трансильванию и Венгрию или через Россию и только в крайнем случае через Польшу «с указом конвою, чтоб за него не бились». Морской путь через Стамбул и вокруг Европы был нежелателен из-за возможных контактов Карла XII с представителями европейских держав. 24 сентября диван Порты и султан приняли «за благо» проект высылки через Россию. Позже этот проект был подробно оформлен в Константинопольском русско-турецком договоре 1712 г.⁷⁹ Русские источники сообщают, что в это время Карл XII двое суток в «великом сумнении и меленколии» ходил по степи, затем стал угрожать открытым сопротивлением и вынужден был выставить усиленную охрану, которая в течение восьми суток днем и ночью была в боевой готовности и даже участвовала в стычках со спахиями⁸⁰.

В Стамбуле шведами было развернуто активное противодействие. Положение русской армии на Пруте в июле 1711 г. представлялось ими абсолютно безвыходным, султана уверяли, что сейчас даже набег татар в пределы России приведет к завоеванию Киева и Украины. Каролинцы доказывали, что глава Швеции не может выехать ни через Польшу, где продолжают оставаться силы царя, ни через имперские земли, где после смерти императора Иосифа I 17 апреля 1711 г. управляет Август II как викарий Империи.

Французское посольство, надеясь, что вторжение османов в Польшу заставит австрийцев отвлечь часть сил на восток, «надувало» султану об агрессивности русских, защититься от которой можно, лишь отобрав Украину с Киевом и выбросив их из Польши. В связи с антирусской направленностью французской политики она неизбежно становилась и антипольской. Дезальер соблазнял султана Подолией, контрибуцией с Речи Посполитой и тем, что с появлением янычар шляхта поднимется против царя и османские власти смогут «безо всякого труда в свою волю привести» польское государство. Для гарантии безопасного проезда Карла XII Дезальер предлагал взять под залог Сенявского в Стамбул. Орликовцы «всякий день докучали» Порте, что будто бы вся Украина желает перейти под протекцию султана, которому будет выплачиваться «немалая сумма харача»⁸¹.

Таким образом, попытка Мехмеда Балтаджи «положить на шею» короля веревку и «вытащить его из державы турецкой» не удалась, и в октябре 1711 г. конвой был распушен.

Осознание победы над полтавскими победителями, поток вестей из Польши о «готовности шляхты к ребелии», как только белые чалмы покажутся у границ, и дезинформация мазепинской старшины Д. Горленко, Г. Долгополого, И. Максимовича и Ломиковского о возможности мятежа на Украине, укрепили боевой дух янычар и уверенность («великое бесстрашие») султана. Шведы и станицлавы удачно растравили досаду на гяуров, тянувших с Азовом и очищением Польши. Османско-русский договор 1711 г. стал оцениваться турками как великодушная уступка Порты при вероломстве царя⁸².

Призывы Шафирова немедленно пожертвовать причерноморскими крепостями и Правобережьем ради «Свейской войны», уйти хотя бы на время из Короны Польской и призреть семью на случай его казни повисли в воздухе — слишком неповоротливым в XVIII в. был механизм связи. Апраксин не имел права впустить турецкий гарнизон в Азов, даже получая от вице-канцлера точные данные о неизбежности нового взрыва на юге, без санкции Петра I, восставливавшего свое здоровье в Карловых Варах⁸³. Как только Ахмед III узнал о гибели от холодов части экспедиционного корпуса, состоявшего из 8 тыс. османов, кубанских ногайцев и 2 тыс. некрасовцев, вынужденного 31 октября 1711 г. отойти от Азова, он сменил 8 ноября Мехмеда Балтаджи янычарским агой Юсуфом-пашой, казнил кяхью Осман-агу, рейс-эфенди Омера и чавуш-башу Ахмеда, участвовавших в составлении Прутского договора. Русское посольство было брошено в Семибашенный замок (послы-заложники «отважили себя на смерть»)⁸⁴. 9 декабря был издан второй султанский манифест об объявлении войны России.

Русское командование получило от своих агентов тревожные сигналы, что османская армия пойдет на Белую Церковь и Киев, одна часть крымцев — к Полтаве, Севску и Глухову, другая — к польским границам, чтобы «вставить» шведского монарха в Польшу. Кубанские ногайцы, черкесы и турецкий десант снова будут добывать Азов⁸⁵. Во Франкфурте шведские дипломаты разгласили, что часть войск Карла XII вместе с турками и татарами двинется на Саксонию, а другая часть — против России. Хотя это была сознательная дезинформация, но в Польше вновь воскрес призрак викинга в янычарском окружении. По польским данным, сотни шведов и крымцев нападали из-за Днестра. Друзья Потоцкого во Львове стали готовить Карлу XII «полаты», Е. Сенявская настроилась бежать в Пруссию, а Хоментовский — в Замостье, где надеялся «отсидеться»⁸⁶. 28 марта 1712 г. киевский губернатор Д. М. Голицын получил от полковника А. Сухарева из Белой Церкви сведения, что поляки будут выбирать на трон королевича К. Собесского⁸⁷. В. В. Долгорукий приостановил сбор хлеба, боясь разрыва польско-русского союза.

Сам Ахмед III, возможно, и предполагал выступить в поход к 10 февраля 1712 г. и снова отправить флот к устью Дона,

но военное командование «хотело паче мира», а не второй войны за Азов. Янычары отзывались о Мехмеде Балтаджи как о глупце, не сумевшем выпроводить Карла XII, который спровоцировал новую войну⁸⁸. Шафиров на основе донесений Луки Барки, агента, помогавшего русскому посольству, сообщал из «Едикульского сидения», что противник хорошо знает состояние и дислокацию русской армии по донесениям шпионов, подсылаемых ханом, Потоцким и Орликом, но, судя по тому, что артиллерия еще не подготовлена, жалованье янычарам еще не выплачено, а хану не позволено нападать на Украину, турки на риск повторного столкновения не пойдут, а, скорее всего, остановятся у Дуная или Днестра, хотя, возможно, пошлют один корпус с королем в Польшу, а другой к Киеву. В связи с этим следует переселить казаков на левый берег Днепра, чтобы «не дать пристанища Орлику», и вести пограничную войну с татарскими улусами силами калмыков, которых-де противник очень боится. Такая война быстро «скучит» султану, и он, остерегаясь мятежа, пойдет на мир⁸⁹. Штаб Шереметева знал, что крымцы не откармливают коней и ожидать набега зимой 1712 г. не приходится.

В связи с этим «дефензивный» (оборонительный) план 1712 г. был составлен более реально и имел мало общего с планом 1711 г. Речь уже не шла о балканских христианах, Северном Кавказе или союзе с Мальтой. Петр I решил прикрывать по крайности уже не Польшу, а лишь Левобережную Украину и Киев 42-тысячным корпусом Шереметева, 15 тыс. калмыков, 5 тыс. донцов и (как в XVII в.!) «царедворцами» (однодворцами) из Центральной России, набранными по человеку с 50 дворов. Под командование фельдмаршала переводились силы Азовской губернии во главе с казанским губернатором П. М. Апраксиным. На Правобережье в случае натиска полки Сухарева и Анненкова общей численностью 1483 человека должны были покинуть Белую Церковь и Полонное. Войти основными силами в Польшу собирались поздней осенью или зимой 1712 г., когда турки будут вынуждены уйти оттуда из-за холодов⁹⁰.

Новая угроза войны вызвала не дальнейшее отчуждение польского союзника, а определенное сближение и координацию военных планов, хотя все польские требования продолжали оставаться в силе. Август II в тревоге искал личного свидания с царем. Гетманы обещали своими силами защитить южную границу от «шведских адгерентов». Сенявскому из-под Накло пришлось распределять коронное войско по всей стране в Великопольше, в Краковском воеводстве, у венгерской границы, Самбора и Львова, чтобы Карл XII при выходе из Молдавии не «учинил революции» и чтобы иметь связь с полками Шереметева.

Поцей полагал, что если Карл XII двинется через Трансильванию, то нужно расставить польские отряды у Карпатских перевалов, а если он будет переправляться через Днестр у Рашкова, то русские и польские войска следует соединить и действовать совместно. Поляки должны были перекрыть границу от Карпат

до Могилева-Подольского, Шереметев «держаться оборонительно», а тем временем увеличившееся Войско Польское сможет помочь русской армии, если будет «удовольствовано» на будущий год. Из Львова были выпущены русские и польские манифесты, предупреждавшие возможных «ребелянтов» от выступления против Сандомирской конфедерации. Русское и польское командование для успокоения шляхты объявило, что вспомогательные войска уже уходят из Западной Украины, но Шереметев остерегал, что он вернется в случае волнений и Порты не сможет счесть это за нарушение договора. Великий коронный гетман, со своей стороны, для «заграждения дороги к повороту ауксильярных полков» горячо призывал шляхту собирать средства на польские хоронгви. С конца января 1712 г. в Варшаве перестали опасаться налета крымцев, так как вскрылись реки и развезло санные пути. Попытки переманить Потоцкого и его жолнёров, стоявших в районе Хотина, не удалась. Наоборот, из 40 коронных хоронгвей, располагавшихся по Днестру, 32 хоронгви (по 40—50 человек в каждой) ушли в Бендеры по манифесту Карла XII от 9 января 1712 г., призывавшему к военным действиям. В связи с этим Сенявский отклонил предложение Шереметева вывести свои части «на пасы» между Рашковым и Немировым и за Каменец-Подольский⁹¹.

Туркам Сенявский собирался официально объявить, что русские полки отдыхают на Волыни по желанию республики. Неофициально же он послал везиру довольно откровенное письмо, раскрывающее другую сторону польской политики и содержание которого можно объяснить нежеланием вступить в конфликт с Турцией. В нем он сообщал, что Речь Посполитая во время Прутской кампании показала «верный знак дружбы», не воюя против Османской империи, несмотря на «подговоры и великие обещания» турецких противников. Великий коронный гетман сообщал, что республика не будет воевать и в будущем, никогда не окажет помощи врагам Порты и будет свято придерживаться Карловицкого мира 1699 г. Письмо заканчивалось призывом не принимать во внимание советы Карла XII и его польских приспешников⁹². В декабре 1711 г. Речь Посполитая решила снарядить посольство в Стамбул во главе с С. Хоментовским, на чем давно настаивала Россия.

Обострение отношений с Турцией вынудило русское правительство пойти на уступки в польском и украинском вопросе. В начале октября 1711 г. были разрушены Самара и Каменный Затон, из которого отдали туркам 37 пушек. 27 ноября Петр I одобрил решение перевести русские войска с Волыни к Киеву. Тогда же были составлены указы об оставлении имений обоих русских фельдмаршалов: А. Д. Меншикова — Межиричей и Полонного и Б. П. Шереметева — Смилы (на р. Тясмин). Но это было лишь следствием уступок в Стамбуле.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ДОГОВОР.
ВЫХОД РОССИИ ИЗ БОРЬБЫ
ЗА ЗАКРЕПЛЕНИЕ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

Напряженность в русско-турецких отношениях росла одновременно с претензиями с турецкой стороны. Твердо убедившись в нежелании России воевать, она резко усилила дипломатическое давление. Еще до смены Мехмеда Балтаджи «стало проноситься» о турецких видах на Правобережную Украину и Правобережное Запорожье, а при везире Юсуфе и на Левобережную Украину. От молдаван на русской службе (гусар-«волохов») получали фантастические сведения, что Карл XII и Ю. Потоцкий с 20 тыс. янычар собираются идти под Смоленск (!), а турецкий султан — к Чигирину. Бендерские янычары «поносили» имя царя и «хвалились» быть в Москве⁹³.

Пропагандистский напор «целого ада» — шведов, французов, крымцев, станиславцев и орликовцев — вместе с тихим подталкиванием венецианцев принес плоды. 26 декабря 1711 г. Ахмед III решил наверстать упущенное на Пруте и продиктовать послам-заложенникам четыре дополнительные статьи: 1) Об уступке всей Украины с Киевом в соответствии с приведенной ранее статьей Прутского договора⁹⁴ и переходом «украинского правительства» (Мазепы и старшины) в Османскую империю; 2) Об окончательном и бесповоротном («ныне и впредь») оставлении Польши; 3) О праве отсылки шведского короля, когда сочтет это нужным Порту; 4) О немедленной передаче Азова⁹⁵. При несогласии султан шантажировал походом с «ужасительной армией» к русским границам. Но на этом эскалация запросов не остановилась. «С великим нареканием» турецкая сторона требовала разорвать союз и пресечь все контакты с Речью Посполитой, в том числе и «корреспонденцию», и отказать в помощи польскому союзнику даже при повторной оккупации Польши шведами. Для пропуска Карла XII требовали заключить перемирие со Швецией на три года.

Это был «потолок» турецких претензий за все время турецко-русского кризиса — открыто требовалось разорвать русско-польский союз и дать мирную передышку Швеции. Последним заявлением Порты вплотную подходила к вмешательству в Северную войну. Тем не менее симптоматично, что переговоры не были прерваны, а велись дальше через посредников — английского и голландского послов Р. Сэттона и Я. Кольера. Угрозами и максималистскими запросами надеялись сломить аманатов и подписать мир на невыгоднейших для себя условиях. В новой обстановке Шафирову пришлось самостоятельно принимать ответственные решения — воспользоваться посреднической помощью английского и голландского послов с риском, что они выставят какие-либо свои условия (например, о Померании), и без инструкций Петра I идти на изменения Прутского договора по польскому и украинскому вопросам, лишь бы стамбульское правительство отказалось

от войны и согласилось на уточнение неопределенных формулировок его статей. Но «на отсечь» вице-канцлер отказывался прервать «дружбу и корреспонденцию» с Польшей, т. е. фактически ликвидировать союз. Министры «ложились костями» за право если не присутствовать в Польше, то хотя бы вступить в нее, если там появятся шведы с севера или Карл XII. Сверх этого Шафиров снова пытался «записать Польшу нейтральной с обеих сторон» — ни Швеция, ни Россия не будут вводить туда вооруженных сил, а в случае появления там шведов туда вступят и русские⁹⁶. Формулировку «отнять руку» он пытался толковать в смысле вывода войск из Западной Украины немедленно, а из Западной Пруссии весной 1712 г. После турецкого отказа Шафиров предложил новую формулировку: если шведский король появится в Речи Посполитой и станет «возмущать» поляков, то русские смогут перейти польские границы без турецкого протеста. На это было получено принципиальное согласие великого везира.

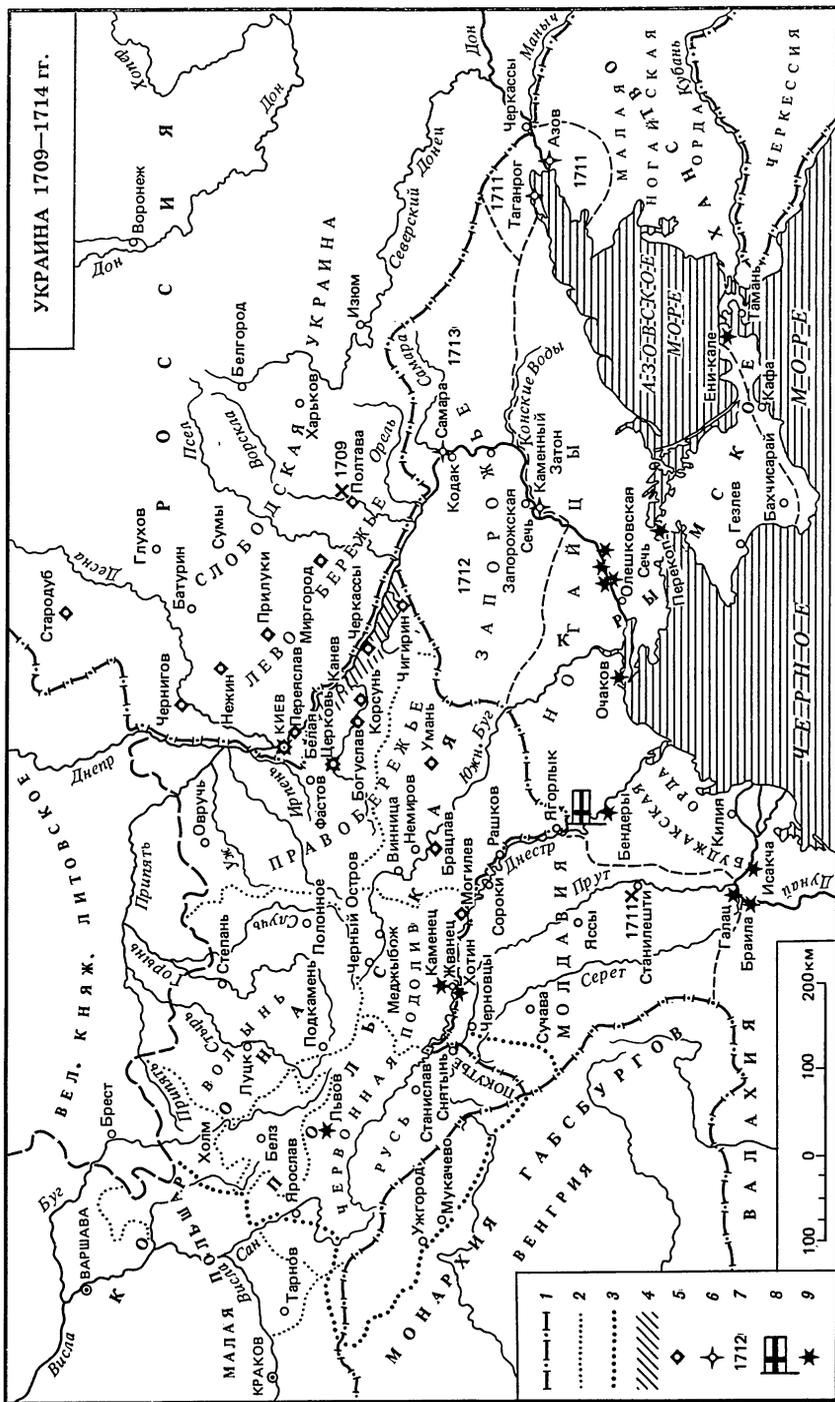
Удачно удалось опровергнуть Шафирову турецкие претензии на «всю Украину»: если бы по Прутскому договору вся она уступалась Османской империи, то не для чего было бы оговаривать разрушение Каменного Затона и Самары.

2 января 1712 г. в Азов был впущен турецкий комендант Айвас-паша, обещавший не пропускать некрасовцев в русские пределы⁹⁷. Эта весть, полученная в Стамбуле в середине февраля, и выдержанная в примирительном тоне грамота Петра I от 22 января 1712 г. о строгом выполнении договоренности, а также сведения о приведении в боевую готовность корпуса Б. П. Шереметева «одрябили» военные приготовления. Я. Кольер писал, что в Стамбуле все радостны и не могут понять, почему русские, не получив гарантий о прекращении состояния войны, так неожиданно сдали Азов. В бендерском лагере тоже удивлялись «слабости» русских после столь долгой затяжки. Но теперь у Шафирова настроение сменилось на отчаянное — Порты, «вырвав» Азов, могла более жестко требовать «Киевское княжество» и Левобережье.

В феврале 1712 г. Юсуф-паша сделал широкий жест и заявил об отказе только от тех территорий, которые расположены на правом берегу Днепра, и предложил прекратить переселение украинцев оттуда. Но Шафиров согласился лишь написать, что царь «отнимает руку»⁹⁸ (а не уступает Порте) от Правобережной Украины, кроме Киева с окружением. Еще несколько раз после этого везир предлагал подумать об уступке Киева или двух—трех «провинций» на любом берегу Днепра «для увеселения султана», но «главный генерал после наибольшего дьявола» (как называли Шафирова турки) отводил эти, впрочем уже не настойчивые, требования⁹⁹.

В марте 1712 г. переговоры продолжались. Шведы предлагали высшим русским сановникам до 30 тыс. левков за продолжение войны, турецкий же посол обещал муфти 10 тыс. червонных, кяхье — 2 тыс. и «погодные дачи» по 5 тыс. червонных за мир. В отличие от договора 1711 г., согласованного за два дня, стамбульские

УКРАИНА 1709—1714 гг.

дипломаты почти четыре месяца выжимали уступки. Наконец, 5(16) апреля 1712 г. мирный договор был подписан вопреки желанию Ахмеда III¹⁰⁰. Общественное мнение верхов османской столицы (если о нем можно говорить) твердо стояло за возвращение Азова, но ликвидировать контроль России над Речью Посполитой предпочитало методами дипломатического давления.

В отечественной литературе молчаливо принималось, что все потери России на Украине произошли в 1711—1713 гг. Анализ договоров позволяет уточнить хронологию роста турецких претензий и даты русских потерь. Если в 1711 г., кроме Азова, не было территориальных уступок, то в 1712 г. была уступлена часть (но не все) степей Запорожья по западному берегу Днепра. Отдана была именно западная часть Запорожья, и в этом нас убеждают следующие места договора и комментарии к нему из переписки Шафировова с русским правительством. Вице-канцлер, защищаясь от турецких притязаний на всю Украину, в том числе и на Левобережную, указывал на значительность уступок по правому берегу Днепра: «Не только она (западная часть Запорожья), но и город Кодак Полтавского полку, по сей стороне Днепра лежащий, бес поселения с стороны царского величества оставляется». Комментируя п. 6 договора, Шафиров писал, что турки настояли вписать его неожиданно. В нем они требовали не строить новых крепостей на месте Каменного Затона, но не написали о праве заселения ими восточного Запорожья.

Министр сообщал, что претендовать на заселение восточного Запорожья они не могут, так как разрушенный Каменный Затон располагался на той стороне Днепра, «до которой им ныне претендовать невозможно»¹⁰¹. Относительно шведского вмешательства в польские дела была достигнута в общем благоприятная для России договоренность, насколько это было возможно в тех стесненных обстоятельствах: если шведские войска или король появятся в пределах Речи Посполитой и станут подстрекать поляков, то русские имеют право войти туда, разбить противника и снова уйти.

Здесь большую посредническую помощь оказали Сэттон и Кольер, заинтересованные в связывании сил шведского короля не только в Померании, но и в Молдавии¹⁰².

Тем не менее русское правительство назвало «обманной» формулировку, согласно которой Россия обязана была выжидать, пока «неприятель усилится» в Польше, и прислало указ добиваться от османских властей согласия на немедленное вступление русской армии в Польшу после появления там шведов. Шафиров, учитывая трудности на переговорах, подошел к этому вопросу

Карта 3

1 — государственные границы; 2 — границы воеводств в Речи Посполитой; 3 — примерная западная этнографическая граница украинского народа; 4 — «незаселенная полоса» вдоль Днестра; 5 — центры украинских полков; 6 — русские крепости, ликвидированные после Прутского мира; 7 — даты территориальных потерь России; 8 — ставка Карла XII под Бендерами; 9 — крепости.

с другой стороны. Он добивался права русским войскам преследовать станиславцев после изгнания шведов из Польши и лишь потом, «искореня неприятеля», выйти оттуда. Султан отверг такой проект, считая, что русские не должны входить в Речь Посполитую, даже если там будут шведы. Его личное предложение состояло в том, чтобы царь испрашивал разрешения Порты на ввод своих войск в республику, после чего султан или сам найдет способ изгнать оттуда шведов, или разрешит ввод царских войск. Здесь прослеживается явное стремление Ахмеда III, вмешиваясь в польские дела, стать арбитром в решении восточноевропейских проблем.

В связи с отрицательной позицией Ахмеда III, везир не согласился на предложение Шафирова, но дополнительно дал вначале устное¹⁰³, затем письменное обещание, заверенное английским и голландским послами, о том, что после изгнания шведов русские могут «мститься» над станиславцами. После ратификации договора царем оно должно было быть присоединено к основному тексту. Кроме того, на общем собрании всех высших турецких должностных лиц было заявлено, что Порта не позволит Карлу XII «чинить возмущения» в Польше. Эти дополнения к договору 1712 г. могли служить противодействием возможным акциям польской эмиграции; ими у сторонников С. Лещинского отнималась надежда на османскую помощь в деле свержения Августа II.

Относительно высылки Карла XII через Россию была составлена большая и подробная статья, регулирующая условия и маршрут проезда. Шафиров, комментируя ее, указывал что турки и сами не уверены, удастся ли отправить Карла XII таким путем, но все же настояли на ней, против чего не спорил и он, зная наперед отрицательную реакцию короля. Можно допустить, что на такое решение османского правительства повлияли представления послов морских держав, которые «явно и тайно внушали» Ахмеду III, что высылка Карла XII через Польшу приведет к войне с Речью Посполитой и Габсбургами¹⁰⁴.

Новый договор с Россией по желанию турецкой стороны был оформлен как временный — на 25 лет, хотя Шафиров и указывал, что это противоречит «вечному» Прутскому миру. На разновременные «дачи» при этом ушло больше, чем было обещано на Пруте, — 297 470 руб. (84500 червонных и 22 тыс. руб., если только Шафиров не допустил приписок), причем сам Ахмед III через Юсуф-пашу намекал о денежных взносах в султанскую казну. На словах Шафиров, как и в 1711 г., обещал погодные «дачи» в Крым и советовал русскому правительству дать такое же обещание хану от имени Петра I, чтобы нейтрализовать самого непримиримого из противников¹⁰⁵.

Сознавая хрупкость нового мира, вице-канцлер в донесениях от 8, 21 и 25 апреля 1712 г. уговаривал Меншикова, Головкина и царевича Алексея воздействовать на царя, чтобы все условия нового соглашения были точно и немедленно выполнены, «ибо турки отнюдь продолжения не будут терпеть, но всё паки нару-

шат». Он же указывал, что если бы Азов отдали вовремя, то Карл XII давно был бы выслан и турки «не уцепились бы» за Польшу и казаков¹⁰⁶.

21 апреля 1712 г. из заключения выпустили П. А. Толстого с 60 посольскими служащими, а 20 мая из Петербурга был отправлен брат бывшей царицы стольник А. Ф. Лопухин с тремя вариантами ратификационных грамот в надежде утвердить первый из них, в который было включено условие об оставлении Польши шведами после ухода русских и была исключена фраза об обещании царя «свято содержать» договор не только за себя, но и за своих наследников¹⁰⁷. Лопухин с собой вез громоздкий обоз из 108 подвод с собольими и чернобурими лисьими мехами стоимостью в 12 тыс. руб., пять ястребов, пять кречетов, кречетников и одежду для послов, чтобы те на прощальной аудиенции у султана «для славы России были не гнусны». Обоз, двигавшийся от Киева с турецким конвоем, только через восемь недель, 12 августа, прибыл в Стамбул, когда началось очередное русско-турецкое обострение отношений.

29 июня русское посольство в Стамбуле с разрешения Порты отпраздновало третью годовщину Полтавской победы. Сотня гостей-дипломатов «вместо пушек и колоколов ударили в рюмки», для них же белое и красное вино лилось из «фонтанов» (самоварных сосудов) в виде Самсона и льва. После обеда сыграли на русском и итальянском языках сочиненную наскоро «комедию ко укоризне шведов и изменников поляков и козаков», ворота посольства постовые янычары сами украсили пальмовыми и лавровыми ветвями и цветами. Вечером была зажжена иллюминация и пущен фейерверк.

* * *

В новом Константинопольском договоре турецкая сторона оговаривала русскую границу начиная от Киева. Это, конечно, нельзя понимать как стремление к разграничению польско-русского рубежа на Украине и к защите территориальной целостности Речи Посполитой. Здесь высветляется один из интересных и малоосвещенных элементов комплекса русско-польско-турецких отношений периода прутского кризиса. Ведь «отнимать руку» по турецким настояниям приходилось от коронной Украины. Т. К. Крылова лишь констатировала, что по договору 1712 г. Россия не уступила Правобережья Порте. С. Ф. Орешкова считала, что Порта стремилась возратить Правобережье Польше как компенсацию за Подолье, которое должно было перейти к султану в соответствии с обещаниями Лещинского и Карла XII. Ю. Фельдман писал, что русские купили Константинопольский мир ценой польской территории. Б. Крупницький доказывал, что османское правительство подарило освобожденную Правобережную Украину и Запорожье Ф. Орлику¹⁰⁸. Требуется объяснения и тот факт, что сам великий везир не настаивал на записи формулировки, по кото-

рой Правобережье отходило к Османской империи. Он предпочитал запись, что Правобережье «изымается из-под руки» царя ¹⁰⁹. Это тем более удивительно, что через месяц османские политики уверяли поляков, что Россия официально передала им эти земли.

Вернее полагать, что Порта и Крым с 1712 г. не собирались дарить Правобережье Речи Посполитой, но, очистив его от русских, хотели ввести подвассальных орликовцев и принять участие в разделе Украины. Еще в 1711 г., предполагая утвердить Ф. Орлика гетманом с резиденцией первоначально в Немирове, затем в Чигирине, турки, возможно, соглашались, чтобы границы «тогобочной Украины» проходили по р. Случь ¹¹⁰. Шафиров, видя, что турецкие претензии могут затронуть и киевский пригород, предлагал точно зафиксировать рубежи вокруг матери городов русских, но получил отказ, мотивируемый тем, что никто «тех урочищ» точно не знает и они должны быть определены специальной комиссией. Русское командование, полагая, что польские хоронгви, стоявшие на Подолье, не удержат Правобережья, не तरीпилось передавать его республике и по совету Шафирова с декабря 1711 г. начало эвакуацию семи казачьих полков, крестьян и скота на восточный берег Днепра, отказавшись от первоначального плана перевода части казаков в «пустые места» Петербургской губернии или к Москве. Универсал И. И. Скоропадского призывал завершить переход до 15 февраля 1712 г. ¹¹¹

Таким образом, «рука отнималась» от территории, но не от населения, «принадлежащего под область» Речи Посполитой, и Шереметев 16 ноября сообщил Головкину, что Порта может принять эту акцию за нарушение ст. 2 договора 1711 г. Действительно, после того как Девлет-Гирей, Потоцкий и Орлик разгласили, что Правобережье «выжигается» русскими после эвакуации населения, Стамбул в феврале 1712 г. предложил прекратить «запустошение» и послал крымские отряды к Виннице. Тогда Шафиров попросил оставить в покое хотя бы часть западного берега Днепра и позволить вернуться части казаков обратно ¹¹². С весны 1712 г. Порта стремилась окончательно разделить украинский вопрос и вопрос о Карле XII («всех казаков от него отлучить»).

К лету — осени этого года на пепелищах Браสลавщины и южной Киевщины появились около 4 тыс. «гультаев и бурлаков», которые формировали новые полки в Умани (Иван Попович), Корсуни (Даниил Сьгинский) и Чигирине, а в Ягорлыке, Виннице, Немирове и Рашкове начали хозяйничать ханские воины, которые не допускали туда поляков. Тогда же турецкое правительство предполагало назначить на «казачью патриархию» иерусалимского патриарха Хрисанфа ¹¹³. К. Гордиенко распространял универсалы о том, что он, как атаман Войска Запорожского, будет защищать население. На Левобережной Украине «самовольное гультайство не оставляло своей бесчеловечной проклятой вражды» — так 5 июля 1712 г. жаловался Головкину Скоропадский, которому было приказано не отвечать «на задиры» Орлика, Гордиенко и Петрика и «жить в великой кротости» ради мира на юге.

Положение осложнялось тем, что Москве приходилось уверять польского союзника, что от Браสลавщины и Киевщины только «отнята рука», оправдываться в Стамбуле за разорение и выселение части казаков с западного берега Днепра и одновременно протестовать против турецких притязаний и поселения запорожцев у границ России. Так или иначе, в 1712 г. Россия вышла из борьбы за закрепление на Правобережье и с этого времени работала над тем, чтобы оно попало в руки польского союзника, а не Турции. Интересно отметить, что в 1667 г., даже после Андрусовского перемирия с Польшей, Россия не настаивала на признании Турцией перехода Правобережья под власть Речи Посполитой и соглашалась временно разделить право опеки над Украиной с Крымом¹¹⁴, а по Бахчисарайскому миру 1681 г. признало его за Турцией!

Непоследовательность Порты в украинском вопросе в первый период восточного кризиса можно объяснить неожиданностью прутской победы. Резкая перемена курса от лозунга «освобождения Польши» к явному аннексионизму по отношению к ней после июля 1711 г. была невозможна. Османское правительство с помощью политики на «границе войны» предпочло попытаться установить на Правобережье власть сателлита Орлика, представить Польше «вероломство москвитов» и, используя слабость республики, поставить эту часть Украины под свой контроль.

Несколько слов об общем значении Константинопольского договора. Новый договор показал рост турецких притязаний в ходе восточного кризиса 1710—1714 гг. Русское правительство, продолжая считать южный фронт второстепенным, не пошло на возобновление войны и решило восстановить мир с Турцией ценой дальнейших уступок на Украине и в Польше. В руки Порты перешли причерноморские степи вплоть до Днепра (западное Запорожье) — так неудачно обернулась затяжка выполнения условий мира 1711 г. Одновременно Москва отстаивала русско-польский союз и право на дипломатическое и военное вмешательство в польские дела в случае попыток Швеции вновь развязать войну на ее территории. Договор 1712 г., как и прежний, явно свидетельствовал о нежелании Османской империи идти в русле шведских интересов.

Как и в 1711 г., Порта не взяла на себя обязательство склонить Россию к миру со Швецией¹¹⁵. Кроме того, в вопросе о высылке Карла XII и шведском вмешательстве в дела Речи Посполитой удалось добиться удовлетворительной трактовки статей, которые стали иметь антишведскую и антисталиславскую направленность. Можно добавить, что даже этим договором Речь Посполитая более или менее защищалась от нового шведского вторжения и укрепления орликовцев на Правобережье. Это более соответствовало тогдашним интересам Польши, чем повторная война проблематичного шведско-турецкого блока за освобождение республики, о желательности чего так много писали Конопчинский и Фельдман.

ЗАВЕРШЕНИЕ КОНФЛИКТА
РОССИИ И ПОЛЬШИ
С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1712 Г.
ДИВЕРСИЯ Я. ГРУДЗИНСКОГО

Развязать руки России на юге не удалось ни в 1712, ни в 1713 г. Более того, положение осложнилось: к Северной войне и восточному кризису присоединилось обострение отношений со шляхетской республикой, причем самыми горячими после оставления Правобережной Украины были лифляндский, эльблонгский, гданьский вопросы и вопрос о снабжении русского корпуса, следовавшего в Померанию.

В начале XVIII в. по «ливонскому наследству» Россия вела дело со Швецией, Саксонией, Пруссией, «Священной Римской империей» и даже с Тевтонским орденом! В течение трех после-полтавских лет саксонская дипломатия выступала в Европе в основном с тех же позиций, что и русская. Она предпринимала военные и дипломатические усилия, чтобы изгнать шведов из Померании, ликвидировать их владения в Империи и привлечь к Северному союзу Ганновер и Пруссию; Саксония побуждала Вену активнее защищать Речь Посполитую и Россию в Стамбуле и предлагала свое посредничество при заключении русско-австрийского союза. Прибывший 3 июня 1712 г. в османскую столицу саксонский посол генерал-майор Ф. Гольц оправдывал пребывание русских в Польше и вместе с Шафировым добивался выдачи станиславцев. Расхождение состояло в том, что Петр I желал удаления Карла XII из Молдавии, а Август II и Варшава боялись прохода шведского короля через Польшу. Но самым серьезным русско-польским разногласием был вопрос о Лифляндии. Документы ЦГАДА, до сих пор не бывшие в обороте исторической науки, позволяют осветить некоторые аспекты борьбы за эту шведскую провинцию. Саксонские демарши против Петербурга стали предметом разбора в работах Ю. Геровского и Р. Виттрама. Ниже будет рассмотрена дипломатическая борьба России и Речи Посполитой за утверждение в Лифляндии.

Современники хорошо понимали, что обладание восточноприбалтийскими провинциями дает ключ к решению проблем Северной войны. Польские претензии русскому правительству по лифляндскому вопросу следовали одна за другой, причем Варшава пыталась воздействовать через Габсбургов на Петра I¹. С начала 1712 г. в Ригу был утвержден резидент от Великого княжества Литовского Ян Плятер, которому предписывалось защищать торговые и политические интересы Речи Посполитой. С 1711—

1712 г. начались наезды в Ригу польских купцов и шляхты, просивших предоставления свободы торговли в этом городе.

Вероятнее всего, у Петра I уже с 1709 г. зародилась мысль удержать Лифляндию в составе России. Этот год показал, что шведский военный потенциал разбит в основном Россией. Саксонцы в 1709—1710 гг. не могли воевать в Прибалтике. При осаде Риги в 1710 г. участвовало всего «четыре компании бомбардиров и канониров» саксонской армии, отправленных после капитуляции города к польскому королю². Способ ведения войны русскими в бывших шведских провинциях в 1709—1710 гг. отличался от военных действий 1702—1705 гг. Если до Полтавы стремились к их максимальному разорению, то после 1709 г. пытались завоевать расположение немецкого прибалтийского дворянства.

Курляндское герцогство, находившееся в ленной зависимости от Польской Короны, с октября 1709 г. тоже было занято русскими. По условиям брачного договора между 17-летним курляндским герцогом Фридрихом-Вильгельмом и его ровесницей Анной, дочерью Ивана V, царь оговорил возможность сбора провинтия с герцогства и право прохода и постоя русских полков. Уверенности в том, что удастся закрепиться в остзейских провинциях, у Петра I не было, и политика России в лифляндском вопросе была очень осторожной. Решалась сложная задача — суметь закрепиться в Лифляндии, не оттолкнув союзников и доказав Западной Европе, что присутствие русских в Прибалтике не представляет опасности для нее. Поэтому русское правительство официально не отказывалось от обещания передать Лифляндию польско-саксонской унии после войны со Швецией и давало письменные декларации (по настояниям Дрездена и Варшавы), что эта провинция не будет включена в состав России³. После Константинопольского мира отдачу Лифляндии ставили в зависимость от участия Речи Посполитой в Северной войне. Когда же султан в третий раз объявил войну России, соглашались разрешить присягу остзейцев польскому королю после войны со Швецией и впустить в гарнизоны от трети до половины польских сил с условием «ни во что не вмешиваться». Временное удержание Лифляндии русская сторона объяснила опасением, что Речь Посполитая в случае польско-шведских сепаратных переговоров окажется вынужденной уступить ее Швеции.

В 1712 г. русскими послами в Европе были выдвинуты любопытные проекты решения спора за остзейскую провинцию. Известно, что статут члена «Священной Римской империи» имели и ненемецкие государства — Дания и Швеция. Франция тоже добивалась этого права, что позволило бы ей активно вмешиваться во внутригерманские дела. Встречаются отрывочные упоминания, что Петр I якобы тоже стремился получить голос на имперском рейхстаге и достоинство курфюрста Империи путем покупки какого-нибудь немецкого княжества, или династическими комбинациями, или объявлением Лифляндии имперским леном⁴. Р. Витрам, специально исследовавший эту проблему в международном

плане на основе дрезденских архивов, считал, что подобные проекты были спекулятивно пущены русским послом в Австрии Урбихом без ведома русского правительства для зондажа обстановки⁵. В. Медигер писал, что проекты передачи шведских владений Восточной Прибалтики и Висмара в лен России с включением их в состав Империи при непосредственном управлении Карлом-Леопольдом Мекленбургским были выдвинуты мекленбургской дипломатией⁶. Несколько донесений русских послов из Вены косвенно и прямо касаются данной темы.

4 марта н. ст. 1712 г. Урбих предложил Г. И. Головкину не отдавать Лифляндию ни полякам, ни саксонцам, а восстановить там Тевтонский орден, оговорив с ним условия торгового и военного использования гаваней Риги и Пярну⁷. Это не было его собственной идеей, а, вероятно, исходило от великого тевтонского магистра, бывшего одновременно баварским герцогом, трирским курфюрстом и рейнским пфальцграфом, Франца Людвига (1697—1732). Резиденция магистра в то время была во Вроцлаве⁸. В августе 1712 г. Урбих повторно донес, что тевтонский магистр предлагал свой план решения лифляндского вопроса. Судя по приложенной Урбихом выдержке из письма тевтонского магистра, тот просил о предоставлении ордену по крайней мере части Лифляндии с условием быть верным вассалом России и помогать ей против всех, кто будет претендовать на Лифляндию или пытаться возвратить эту провинцию Швеции⁹.

Сменивший Урбиха в Вене А. А. Матвеев 15 июля 1712 г. послал на рассмотрение Петра I и Головкина «свой» проект. Он предусматривал «возвращение» Тевтонскому ордену Лифляндии с условием размещения там русских военных баз для защиты от Швеции и польско-саксонской унии и предоставления России свободы торговли в морских гаванях. В состав России «за тяжкие военные убытки» Матвеев предлагал включить шведскую Бременскую область (выход на Атлантику), а остальные шведские владения в Германии распределить среди северных союзников, что якобы не вызовет такого недовольства в Европе, как обладание Лифляндией. Владение Бременским княжеством позволит царю стать «коренным принцем цесарственным» и получить голос на рейхстаге «по примеру дацкого и швейской королей», а также овладеть морским портом с выходом на океанские торговые пути¹⁰. Судя по тому, что проект Матвеева в основных чертах повторял проекты Урбиха и тевтонского магистра, можно заключить, что он только отразил те планы, с которыми круги Тевтонского ордена обращались в русское посольство в Австрии. Ответы на эти проекты пока не удалось обнаружить, но все известные до сих пор указы, декреты и инструкции показывают, что русское правительство занимало прямо противоположные позиции по затронутым темам¹¹. Петр I всеми силами стремился не допустить в Лифляндию никого, хотя бы и средневековый призрак Тевтонского ордена, и постоянно заверял о своей незаинтересованности в завоеваниях в Германии.

Проект восстановления Тевтонского ордена в Лифляндии или Литве не был единственной «причудой» того времени. В руках у петербургского двора имелись сведения, что прусский король как наследник крестоносцев тоже претендует на «ливонское наследство», что герцог Гольштейна при поддержке Саксонии и Пруссии предполагает стать «лифляндским королем»¹². Правительство Петра, не имея уверенности, что удастся удержать всю Лифляндию, рассматривало возможность выделения Риги вольным городом под польским протекторатом (по примеру Гданьска), а Дерптский уезд временно присоединило к Смоленской губернии. Голштинцам вместо Лифляндии Петр обещал Финляндию. В полуофициальных документах, рассчитанных на европейское общественное мнение, петровская дипломатия доказывала историческое право России (со времен Ярослава) на Прибалтику и право на компенсацию от Речи Посполитой за огромные потери на Украине в 1711—1713 гг., происшедшие ввиду отказа республики помочь в войне против турок.

Сильнейшим и результативнейшим средством утверждения в Прибалтике стал указ Петра I о переброске всей внешней торговли России и Украины из Архангельска и Гданьска в прибалтийские порты. Морские державы и Габсбурги (австрийские суда спускались в Балтику из Силезии по Одеру), крайне заинтересованные в русских товарах, этим сталкивались со Швецией, которая блокировала прибалтийское побережье. В 1713 г. Б. И. Курякину позволялось обещать лорду Стаффорду 20—30 тыс. ефимков, если тот поможет удержать завоеванные шведские земли¹³.

Неизвестно, знали ли в Польше о претензиях тевтонцев на Прибалтику, скорее всего, нет, так как переговоры велись по тайным каналам, но там осознавали, что с течением времени получить обещанное будет все труднее. Поляки отказывались считать уступкой обещание вступить в переговоры по поводу принесения присяги остзейцами Речи Посполитой и впустить в Ригу польских жолнёров. Некоторые из магнатов намекали, что морские державы, Пруссия и имперские княжества могут силой принудить Россию выполнить свое обязательство. Во внутренних отношениях с союзником польская сторона даже пыталась использовать турецкий фактор для выполнения обещаний, заявляя, что Турция будет продолжать войну ради освобождения Прибалтики¹⁴. Большим облегчением для русской дипломатии было как раз то, что Стамбул за время восточного кризиса ни разу не поднял вопрос о возврате утерянных провинций Швеции или передаче их Польше. Спор России, Речи Посполитой и Саксонии не был окончен даже Ништадтским миром 1721 г. и продолжался при преемниках Петра I, что составит тему будущих исследований.

* * *

Выдавливая для войны максимально возможное из своих поданных, русское правительство считало допустимым собирать провиант и денежные средства с крестьян, купечества и шляхты

союзника. Под угрозой бомбардировки Я. В. Брюс в апреле 1712 г. потребовал от гданьского магистрата 300 тыс. талеров как компенсацию за «прошведскую политику» до 1709 г. Несколько сотен драгун ежегодно собирали 40 тыс. талеров в Курляндии «на содержание» Анны Ивановны в соответствии с брачным договором 1710 г. с курляндским герцогом Фридрихом-Вильгельмом.

Закупить хлеб в Гамбурге и Силезии не удалось. В связи с турецкой угрозой русское командование стало считать, что «поляков дразнить не надобно», и 7 марта 1712 г. Петр I предложил полякам добровольно свозить хлеб в Познань как компенсацию за их отказ воевать в Померании и оповестил, что общее руководство снабжением возложено на наследника русского престола царевича Алексея Петровича. Однако армейские офицеры, зачастую не получавшие жалованье по два-три года и даже продававшие «экипажи и ружья для пропитания», вели себя не лучше, чем в России и на Украине, и использовали марш через Польшу для личного обогащения. Бывали случаи, что солдаты-фуражиры, назначавшиеся из рекрутов, у которых «не токмо ружья. . . а и лаптей не было», провиант «рвали с принуждением», зачастую выше согласованных норм (2 фунта хлеба и полфунта мяса солдату на день)¹⁵.

Шляхта возмущалась конфискациями в Познанском, Серадзском и Калишском воеводствах денег, телег, коней и скота без расписок, задержаниями судов с хлебом, идущих по Висле к Гданьску, потравами армейскими табунами хлебов и огородов в деревнях, растаскиванием заборов и хозяйственных построек на топливо. Угроза смертной казни «за пребезмерные поборы и грабежи» не останавливала. Царевич Алексей оказался неспособным распорядителем. Шляхта с «великим бесчестьем» изгоняла под конвоем его посланцев за пределы своих воеводств. Стычки с хоронгами сандомирян Я. З. Рыбиньского сопровождалась иногда убийствами фуражиров.

В конце марта 1712 г. в Варшаве открылся двухнедельный сейм, на котором послы «дерзновенно домогались» от короля немедленного удаления иностранных войск, созыва «конного сейма», послополитого рушения, роспуска Сандомирской конфедерации и даже расторжения союза с Россией, как обременительного для республики. Во время бурных дебатов нескольких сенаторов «повалили со стульев». В наэлектризованной атмосфере, как обычно, всплыла молва о детронизации Августа II в пользу К. Собесского или баварского курфюрста¹⁶ и о смене Потоцким Сенявского, навлекшего якобы своей продажностью все беды на Польшу.

В Стамбуле станиславцы пустили утку о присутствии на сейме инкогнито самого царя и об окружении Варшавы 30 тыс. солдат. Довод Г. Ф. Долгорукого о том, что русские, «служа и умирая» за Польшу, «ветром прокормиться не могут», отвергался послами сейма: Польша-де и так содержит в Померании саксонцев. В ре-

зультате Август II и русский посол приложили усилия к срыву сейма¹⁷.

Чтобы удержать шляхту от посполитого рушения («ради сохранения дружбы», как иронизировали некоторые из магнатов) Август II вынужден был 7(18) апреля опубликовать запрет на поставку хлеба союзнику и объявить амнистию польским эмигрантам. Сейм поручил Веттину добиваться сепаратного мира со Швецией, организовать посольство в Стамбул для подтверждения Карловицкого мира и в Москву по поводу обещаний, данных царем Воловичу¹⁸.

Турецкое давление заставило русское командование обдумывать возможность ввода в Эльблонг 700—1000 датчан, просить польского короля послать саксонцев для снабжения русских солдат в Польше и охраны молдавской границы. За хлеб полякам обещали вернуть Эльблонг, а в случае несогласия — отдать его Пруссии¹⁹. «А что грозят посполитым рушением, и то есть полской страх, а не дело», — говорил Петр²⁰. Ситуация несколько сглаживалась деятельностью обер-комиссара М. М. Аргамакова и сотрудничавшего с ним польского комиссара Станислава Недецкого.

* * *

Бендерский лагерь незамедлительно попытался использовать рост напряженности в русско-польских отношениях и уход основной части русских сил в Померанию. С февраля 1712 г. великий коронный гетман Ю. Потоцкий, великий литовский гетман М. Вишневецкий, коронный маршалок С. Гарло, польный литовский гетман К. Крышпин и др., представлявшие правительство Речи Посполитой в эмиграции в Молдавии, стали подготавливать почву для переворота. По Польше рассылались универсалы, в которых «саксонский тиран» обвинялся в развязывании гражданской войны, в разорениях и в оккупации страны «москалями». Через Днестр переправлялись денежные средства, К. Урбанович продолжал вербовку и переманивание коронных хоронгвей²¹. Вся шляхта призывалась к всеобщему восстанию²².

Карл XII и станиславцы не могли не считаться с Константинопольским миром и надеялись совершить переворот в республике польскими силами, без явного нарушения турецко-русского договора, полагая, что Порта блокирует вмешательство Петра I в Польшу. Хоронгви Потоцкого из Молдавии собирались пройти к Спишу и расчистить дорогу перебравшемуся туда М. Вишневецкому, чтобы тот возглавил антиавгустовское движение. Организатор будущей новой конфедерации Я. Сапега должен был после соединения с турецким конвоем начать борьбу с коронным войском или переманить его на свою сторону подкупом. Переселение крестьянства и казачества с Правобережья сделало очевидным конец русского присутствия в коронной Украине. 16 марта 1712 г. Карл XII без санкции, но с молчаливого согласия Порты послал

4-тысячный отряд раввского старосты и полковника шведской службы Я. Грудзинского и К. Урбановича (частично вооруженного трофейным оружием с мест боев на Пруте) поддержать недовольных в Краковском воеводстве и на Варшавском сейме, проникнуть вплоть до Сандомирского воеводства и подготовить почву для вторжения шведского короля ²³.

Отряд захватил небольшие плацдармы — Снятынь и Станислав и занял все Покутье, без боя очищенное слабым заслоном Сенявского. Русский гарнизон Острога перебрался в Полонное. Казаки Орлика, Войнаровского и Гордиенко перетянули Грудзинского к Волини, где пограбили имения Сенявского, дошли до Сатанова, Збаража и Брод, и потом вся партия станиславцев отошла на юг, оставив гарнизоны в Снятыни и Станиславе. Несмотря на то, что при обратной переправе через Днестр полковник сандомирян Калиновский разбил оставших, апрельскую разведку боем Карл XII счел удачной и 2 мая вторично послал Грудзинского, Урбановича и стражника Загвойского в Великопольшу, чтобы отсечь русских от Померании, облегчить высадку шведского десанта с Балтики и спровоцировать снова русско-турецкую войну. На сей раз отряд был увеличен: 64 польские хоронгви (около 3 тыс. человек) были усилены лучшими казацкими полками Мировича, Быстрицкого, Карпа и Войнаровского (около 3—5 тыс. человек) и сотней шведских солдат и офицеров ²⁴.

Я. Грудзинский, проходя по 12 миль в сутки, насильственно мобилизуя украинских крестьян, присоединяя добровольцев, переправился через Вислу ниже Кракова и свободно проник в Великопольшу. Перед выросшим до 15 тыс. человек отрядом катилась молва, что султан поклялся восстановить на троне С. Лещинского, что шведский король, два гетмана, Потоцкий и Орлик, с 50 тыс. османского эскорта идут вдоль Карпат за Я. Грудзинским, чтобы ударить с тыла по союзникам в Померании. Имя Карла XII еще наводило страх, и несколько коронных рот, бросив своих командиров, перешли к Грудзинскому. Сенявский, спасая свои войска от полного разложения, не вводил их в бой и оттягивал за Вислу, ожидая саксонской помощи из Померании. (Большая часть саксонских войск весной 1712 г. была оставлена Августом II еще на один год на службе Великого Союза.) В. В. Долгорукий и Я. З. Рыбинский 29 мая 1712 г. предупредили А. Д. Меншикова, что надо быть готовым «гасить огонь» в Великопольше. Мелкая шляхта Познанского, Калишского, Серадзского и Краковского воеводств (по характеристике В. В. Долгорукого, «всегда склонная к бунтам», как и донские казаки) назначала сеймики, «садилась на коня» и пыталась громить русские провиантские склады.

1 июня у местечка Пыздры в 8 милях от Познани на р. Варте Грудзинский разбил Киевский и напал на Ямбургский и Невский полки, после чего оба вынуждены были свернуть с померанского маршрута к Торуню. В 2 милях от Познани Грудзинский заложил укрепления и «собирался там обороняться», причем местная шляхта собиралась выжечь слободы вокруг Познани и тем помочь

удару по основной продовольственной базе русских²⁵. Партия К. Урбановича численностью 1—3 тыс. человек 7 июня штурмовала сотню русских драгун полковника Гордона, засевших в местечке Шкверине на р. Варте, подожгла его, взяла в плен капитана преображенцев Бахниотова и, по слухам, собиралась идти к Щецину²⁶. К. Э. Ренне опасался мятежа в Литве и за судьбу Анны Ивановны в Курляндии²⁷.

Но массового движения Грудзинскому не удалось поднять. Положение раввского старосты сильно осложняли раздоры в его отряде. Казаки опять тянули на Украину (и даже собирались идти на захват Переволочны), польские офицеры не слушались приказов и настаивали на соединении с Сапегой в Западной Пруссии, а Вишневецкий не появился в Великопольше.

Однако диверсия встревожила северных союзников, опасавшихся появления с минуты на минуту Карла XII. По донесениям Шафирова знали, что Порта не станет активно защищать вторгшихся эмигрантов, и русское командование приняло решение разбить противника²⁸. Фельдмаршал Шереметев выехал из Москвы в Киев готовить южную армию к выходу на западный берег Днепра и маршу к Торуню. 30 июня он распространил в Польше манифесты, в которых разъяснялись статьи Константинопольского договора относительно борьбы с силами Карла XII в Польше, а шляхта предостерегалась от поддержки Грудзинского, если не хочет «руины отечества». В Стамбул были направлены «жалобы и протестации» на диверсантов, в которых писали, что 15-тысячный корпус Грудзинского намеревался созвать новый элекционный сейм, захватить Эльблонг и встретить шведский десант из Карлсруны. Петр I и Август II вернули полки Боура и генерал-лейтенанта Баудица из Померании к Познани, собранный наскоро Преображенский полк (2700 человек) под командованием подполковника В. В. Долгорукого посадили на коней, и русские вместе с королевскими драбантами саксонского генерала фон Кьяна 15 июня (за день до открытия сеймика Познанского и Калишского воеводств) разбили 8 тыс. станиславцев и орликовцев под Вжесной, к востоку от Познани. Полковник Репнин с 7 тыс. польских жолнёров овручского старосты полковника Бжуховского 29 июня н. ст. еще раз потрепал отряд под Кротошином, и 6 тыс. «недобитков» из-под Велюни бежали в Силезию «со скоростью, что и почта скорее ходить не может». Быстрое «погашение огня» Г. Ф. Долгорукий счел «за великое счастье» для Северной войны. В августе 1712 г. коронные войска взяли штурмом Снятын, разбили татар-липков Потоцкого и 1 сентября приняли «на аккорд» капитуляцию гарнизона Станислава.

По условиям капитуляции и с разрешения Петра I гарнизон, состоявший из казаков, молдаван, венгров и поляков, был принят на службу Речи Посполитой. С августа по сентябрь 1712 г. был рассеян отряд Сапег и Шмигельского в 400 человек, а части, перешедшие к Грудзинскому, вернулись в коронное войско. Все это позволило Сенявскому написать Петру I, что Речь Посполитая

принимает активное участие в Северной войне²⁹. Хотя станиславцы продолжали нападать из-за Днестра и в конце июня Сенявский еще раз забил тревогу по поводу появления Карла XII в Польше, опасность вторжения шведов уменьшилась. В июле дивизии Репнина, Боура и русская гвардия ушли в Померанию. На их содержание Речь Посполитая выделила 15 тыс. четв. муки на два месяца³⁰.

ТРЕТЬЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ. МИССИЯ Ю. Ю. ТРУБЕЦКОГО И В. В. СТЕПАНОВА В ПОЛЬШЕ

Отвод русских войск в значительной мере снял напряженность русско-польских отношений, и дело не дошло до серьезной конфронтации, подобной той, что произошла между саксонцами и поляками в 1715—1717 гг.³¹ Поэтому, когда 28 июля 1712 г. посланник сейма регент канцелярии Великого княжества Литовского князь Михаил Пузыня просил под Щечином Г. И. Головкина вывести солдат из Эльблонга, Торуня, Познани, великопольских воеводств и Курляндии, можно было ответить, что основные силы уже покинули польскую территорию. «С удивлением» русские министры услышали заявление Пузыни об одностороннем отказе «чинов Речи Посполитой» от ст. 6 Нарвского договора — от 12 тыс. вспомогательных войск. Головкин указал, что в настоящее время республика защищается большими силами в Померании и что царь, как и польская сторона, будет и в остальном считать русско-польский союз действующим³².

В результате провала диверсии Грудзинского Юсуф-паша и Девлет-Гирей в июне 1712 г. послали указы на османские границы о строгом соблюдении мира с Россией, о запрете крымских набегов на Украину и о недопущении Грудзинского обратно в Молдавию. На пожелания Шафировова наказать мазепинцев Войнаровского и Быстрицкого везир ответил, что их не возьмут обратно в «протекцию»³³. Русское посольство в Стамбуле не прекращало убеждать Порту в большей для нее опасности укрепления шведов в Польше, чем для России, что «нерассудительный, беспокойный и взмерчивый» Карл XII желает «завладеть всем светом». Однако манифест Шереметева от 30 июня встревожил стамбульские правящие круги. К июлю 1712 г. шведы и станиславцы убедили османское правительство, что царь опять грубо нарушает свои обязательства, что необходимо проинспектировать Торунь, Эльблонг и Западную Пруссию, отложить ратификацию Константинопольского договора и высылку шведского короля, а также освободить Польшу от «свирепости московитов» и передвинуть границы как можно ближе к шведским владениям в Прибалтике, взяв в протекторат Украину.

3 августа из Стамбула был отправлен салахор (подконюший) Ахмед-бей, ага от бендерского паши и крымский представитель Шефершах-бей³⁴, чтобы удостовериться в отсутствии русских войск на польских землях. 9 сентября состоялась встреча салахора

во Львове с коронными гетманами и несколькими воеводами. Поездку Ахмед-бея нельзя рассматривать только как инспекционную, как писал об этом С. М. Соловьев. Протоколы встреч с поляками, которые он не использовал, позволяют сделать вывод, что это была очередная попытка восстановить Польшу против России и получить формальный повод для объявления войны царю. Ахмед-бей и не собирался выезжать дальше Львова. Ратификационные грамоты, привезенные Лопухиным, турки запретили подавать до возвращения салахора. На первой конференции турецкий и татарский посланники расцвели великодушие Порты, заботившейся о свободе Польши, и «традиционную дружбу» Крыма с «Лехистаном», укрепленную в совместных боях с казаками, шведами и венграми. Затем они попытались сыграть на русско-польских противоречиях. Ахмед-бей заявил, что русские войска, причинившие столько невзгод, должны навсегда покинуть Польшу, а республика — принять польских беженцев из Бендер.

Гетманы дипломатично ответили, что Речь Посполитая всегда высоко ценила дружбу Востока, но причиной бед был Карл XII и если султан вышлет шведского короля, то отпадет надобность в русско-польском союзе и всем станицам будет позволено вернуться на родину.

После этого салахор выставил «неопровержимые» свидетельства антипольской политики России — удержание царем «польского» Киева и официальная передача султану части коронной Украины, уступленной якобы в 1704 г. поляками русским за вспомогательные войска и субсидии. Это сообщение сильно обеспокоило польские верхи. Сенявский и Шембек срочно отписали Петру I и канцлеру Г. И. Головкину, что «ужаснулись» все польские воеводства, услышав такое заявление салахора³⁵. Окончательно урегулировать все нерешенные проблемы стороны решили в Стамбуле после прибытия туда великого польского посла С. Хоментовского.

Результат миссии Ахмед-бея был значительным. Сомневаться в искренности нежелания Петра I воевать с воинственным мусульманским соседом не приходится, но царь не отказывался от мысли «выжить шведов» из Померании и рекомендовал продолжать сбор провианта в Польше, если не будет серьезной опасности с юга³⁶.

Савва Владиславич ради мира с турками предложил заместить русские гарнизоны в Эльблонге и Торуні саксонцами, отвести на восток от польских границ корпус Шереметева и получить гарантии морских держав по вопросу о проходе Карла XII через Польшу³⁷. Шереметев снял мосты через Днепр, чтобы не обнаружить намерения идти на польские земли. Шафиров убеждал оставить Польшу, невзирая даже на возможное появление там шведов, и закупать хлеб для армии в Гамбурге, но его депеши не доходили своевременно до царя, Меншикова и Шереметева.

Основные русские силы ушли в Померанию, но драгунские полки лишь 24 сентября подошли к бранденбургской границе, Эльблонг только 14 октября был передан саксонскому коменданту,

арьергардные части М. М. Аргамакова и полковника Мякина в сентябре не управлялись с вывозом больных, провианта и снаряжения из складов Познани и Межихода. Донцы полковника Селиванова застряли на Правобережной Украине, эвакуируя население, отбивая налеты орликовцев и при случае мародерствуя³⁸. Из Курляндии несколько сот конвойных и сторожевых драгун было удалено в конце октября 1712 г. Стамбул раздражала не только «мешкота» русских в Польше, но и претензии на контрибуцию с Гданьска, а также поездки царя с эскортом через республику. Шафиров с горечью жаловался Шереметеву, что мир 1712 г. «разорвали от неисполнения с нашей стороны... что войска из Польши не вышли и ратификационные грамоты были присланы поздно... Но что мне делать, когда того, что мы ни доносим, слушать не изволят»³⁹. 2 тыс. червонных и соболья шуба, посуленные Шафировым салахору, не помогли: на обратном пути Ахмед-бей встречался в Бендерах с ханом, Измаил-пашой и, возможно, с Карлом XII и 25 октября донес султану, что неверная Москва «не отняла ноги» от польской Пруссии и Великопольши.

Тут же у дворца султана в знак войны были выставлены семь бунчуков. С этого времени, помимо антирусского, начался новый открытый этап антипольской политики Османской империи. В манифесте 6(17) ноября Ахмед III заявил, что Петр I вопреки договору проводит свои войска через Польшу в Померанию, что он, султан, теперь не признает никакого польского короля, кроме Станислава I, и никакой польской республики, кроме той, что в Бендерах, и что он будет сражаться за Польшу и отвоевание всей Украины; шведский же король будет послан зимой «по-неприятельски» через республику, а османские войска к 21 марта 1713 г. соберутся под Адрианополем.

31 октября 205 представителей русского посольства в соответствии с османской дипломатической практикой бросили в подвалы Семибашенного замка, прикрыв сверху решеткой, на «шести саженьях и в двадцати локтях от земли», где те «от вони и духу опасались исчезнуть». Турецкий обслуживающий персонал посольства забрали на галеры, но через Л. Барку Шафиров все же ухитрился напоследок послать оповещение о «жестокой войне» и просил не позволять расти трещине в русско-польских отношениях, ибо султан все надежды полагает на войну казаков и поляков всех партий с царем.

Гольца и Хоментовского, прибывших почти одновременно с салахором, турки тоже собирались взять под стражу. Шведский король подарил на османские галеры сотню имевшихся у него пленных русских и украинцев. 18 ноября, во время торжественного приема королем бендерского сераскира, под окнами королевской постройки полтора часа играла турецкая военная музыка⁴⁰. 21 ноября Ахмед III приказал готовить флот к выходу в Черное море и осадные орудия для Киева!

Осложнилось и международное положение России. В сентябре 1712 г. «король-солнце» Людовик XIV заключил союз со Швецией, по которому Франция обещала вновь побуждать Порту против России, а шведский король, отказавшись наконец от нейтралитета в войне за Испанское наследство, обязался организовать диверсию в Силезию после реставрации С. Лещинского на польском троне⁴¹. В Петербурге считались и с тем, что к этому союзу могут присоединиться Англия, Испания и Пруссия⁴², а также с тем, что либо французские и английские корабли высадят десант в несколько тысяч человек с 15 кораблей в Гольштейне, чтобы принудить Данию к сепаратному миру, либо морские державы постараются насильственно загнать северных союзников на мирный конгресс в Гданьске⁴³.

Прусский король Фридрих I в августе 1712 г. предложил Станиславу I отказаться от польской короны, чтобы оформить шведско-саксонско-пруссский блок; в сентябре 1712 г. он послал в Бендеры бригадира И. Эозандера уговорить Карла XII признать польский трон за Августом II, отдать Эльблонг и Щецин Пруссии и получить за это прусскую поддержку при отражении русского наступления в Померании.

Император Карл VI не обещал ни союза, ни предоставления России статуса полноправного члена «Священной лиги», ни даже своей гарантии туркам (!) в том, что ни русские, ни шведы не будут появляться в Польше⁴⁴. Расчет на родственные связи с императором после брака царевича Алексея не оправдался — австрийцы надеялись на уход русских из Германии в результате турецкой войны.

Ситуация осложнялась и тем, что Шведское королевство, несмотря на разруху в экономике, чуму, нехватку денег и рекрутов, с большим опозданием все же сформировало вторую (после полтавского крушения) 16-тысячную армию М. Стенбока. С целью дезинформации висмарские газеты разгласили, что вновь сформированная армия десантируется в Гданьске или Курляндии⁴⁵. Шереметев без проверки переслал в высшие инстанции в Петербург ложные сведения, что у Гданьска уже стоят 20 шведских кораблей и 2 французских судна, что султан с 500-тысячной (!) армией движется на Украину⁴⁶.

Высадившись 15(26) сентября 1712 г. на о. Рюген, Стенбок 4 ноября пошел через нейтральный Мекленбург в Гольштейн, чем вызвал переполох среди имперских князей и в Вене. Август II и Карл VI ожидали повторной оккупации Саксонии. Мекленбургский князь и саксонцы просили русской помощи против шведов в соответствии с русско-датско-саксонским совещанием в Колдинге 31 марта 1712 г., по которому Россия должна была послать в Померанию 24-тысячный корпус⁴⁷.

В глазах русского правительства возобновление войны на два фронта грозило возможным походом сил ислама не только на Украину, но даже в направлении Саксонии и Померании. В случае похода янычар на Киев решили снова придерживаться

оборонительной тактики: сжигать степь и хлеба перед наступающим противником; когда османы дойдут до Днестра, оставить Белую Церковь и Полонное, а при невозможности удержать Киев и Киево-Печерскую Лавру подорвать стены последней и стараться удерживать переправы на Днестре. Левобережная Украина и Воронежские верфи, помимо регулярных войск, должны были прикрываться однодворцами и даточными (при возможности и сербскими добровольцами, которые, по слухам, собирались идти из Венгрии в Россию) у Белгорода, калмыками — у Полтавы. Гарнизоны украинских городков позволялось до половины состава пополнять украинцами⁴⁸. При продвижении противника в Польшу Шереметев должен был идти по тылам турецкой армии, а Петр I — задерживать продвижение ее авангарда (впрочем, Петр сомневался, чтобы турки «вошли в такой азарт»). Если же янычары сами не пойдут, но выпустят татар с Карлом XII и Станиславом I, то, чтобы не быть зажатыми между Стенбоком и шведским королем, Петр I собирался послать корпус Шереметева от Смоленска или Киева наперерез Стенбоку⁴⁹. Предусматривали и возможность (особенно после победы шведов у Гадебуша) отхода русского экспедиционного корпуса на запад, за Эльбу.

Но Стенбок и польский экс-король Станислав, не обладая решительностью, подвели своего патрона, который как раз добивался в Стамбуле для своего подопечного поддержки для овладения королевством с расширенными границами на востоке за счет России и пытался создать впечатление решительной схватки на севере. После предварительного торга в июле 1712 г., когда С. Лещинский добивался себе всего лишь удела в Великопольском княжестве Литовском и Курляндии, 5 октября 1712 г. он сошелся с Августом II: за отказ от короны Пястов и возврат оригинала Альтраншtedтского договора Станислав получал пять староств и годовую пенсию в 150 тыс. талеров⁵⁰. Шведский генералитет армии М. Стенбока, учитывая уничтожение датским флотом большей части продовольствия и амуниции десантной армии, одобрил соглашение двух польских королей. Станислав I отправился за санкцией к своему государю в Бендеры. Стенбок же после сепаратных переговоров о мире с польско-саксонской унией заключил 19 ноября 1712 г. двухнедельное перемирие с саксонцами и русскими.

Боевые действия десанта, воевавшего в далекой Померании, не откликнулись эхом на Босфоре и не помогли Карлу XII вырваться из Молдавии. «Каменный козел» (так обыгрывали фамилию Стенбока тогдашние дипломаты) хотя и «распорол брюхо датскому слону» под Гадебушем 9 декабря 1712 г., но, загнанный в гольштейнскую крепость Тоннинг, «сидел зело кротко» и 9 мая 1713 г. «слобил рога», т. е. капитулировал.

* * *

18 декабря 1712 г. Петр I командировал на вновь открывшийся 20(31) декабря сейм камергера и полковника князя Ю. Ю. Трубецкого «в характере министра» и «секретаря государственных

дел» В. В. Степанова⁵¹. В соответствии с договором 1686 г. они должны были просить выдвинуть польское войско на границу и перерезать тыловые коммуникации турок с Бендерами, если те даже «мирно» пойдут через коронные земли к Киеву, и, в свою очередь, обещать «сукурс» (помощь) Шереметева, если они двинутся в Польшу. Высказывалось пожелание, чтобы польско-саксонская уния подтолкнула императора и Венецию к войне против султана, а Хоментовский умерил гнев падишаха, раскрыв лживость подкупленного шведами салахора и указав на русско-польскую боевую готовность. Выбор стимулируемых инструкцией средств был невелик. Соблазнять отмененными в 1709 г. субсидиями не позволялось, но можно было обещать допуск польских сил в лифляндские гарнизоны до трети или половины состава, однако без права пользования остзейскими пошлинами⁵².

Польский король и Шембек не советовали посланцам обращаться прямо к сейму из-за возможности «непомерных запросов» шляхты «на утеху неприятелю». Но и позиция четырех гетманов, великого коронного канцлера Шембека и куявского и поморского епископа К. Шанявского, с которыми Трубецкой и Степанов ежедневно вели переговоры, не обнадеживала. Партнеры требовали немедленного очищения Лифляндии и Курляндии, субсидий, освобождения арестованных станиславцев, возвращения неотданных пушек, отсылали за поддержкой к Габсбургам и предлагали продолжить переговоры, прерванные в Ярославле.

До «шумливо-содомного», как обычно, сейма слухи о царских делегатах все же дошли, и хотя «великих противностей», как на Вальной раде 1710 г., не случилось, раздавались голоса не заключать никаких новых антитурецких соглашений, расторгнуть старые польско-русские договоры, а при вторжении турок «держаться строго оборонительно». Сеймовые послы не предвидели, что всего через пять месяцев придется призывать Россию на помощь в соответствии с союзным договором 1686 г.

Впрочем, для Порты правительство республики снова пыталось создать видимость польско-русского единства. 8(19) января 1713 г. Август II послал на южное пограничье комиссаров объявить о нерушимости русско-саксонско-польского союза и декларировать решимость короля и республики к сопротивлению⁵³. Сенявский отклонил предложение бендерского паши «быть в альянции» в предстоящей войне с Москвой⁵⁴, Хоментовский в Стамбуле предостерегал турецкие власти «от вредных намерений». Ценность польской поддержки снижалась ненадежностью жолнёров, для страховки которых Шанявский просил держать наготове у Чернигова корпус Шереметева.

7 февраля сеймовые послы, протестовавшие против грабежей жолнёров Поцея и предлагавшие предать суду великого литовского гетмана, сорвали сейм.

Трубецкой и Степанов вопреки инструкции, предписывавшей им возвращаться к царю после окончания сейма, все же надеялись уехать из Варшавы не с пустыми руками и продолжили перегово-

ры. Однако коронный канцлер и Шанявский сверх Лифляндии запросили еще компенсировать «вставший так дорого» Польше договор 1686 г. (уступка Левобережной Украины и Киева), который дешево обошелся России. Снова, как и в 1711 г., они подняли вопрос об участии Речи Посполитой в разделе османских провинций в случае победы над турками. Русские посланцы отговорились тем, что «кому чем владеть завоеванному от турок, не поздно переговорить»⁵⁵.

10 марта н. ст. М. Пузыня передал ответ от имени Августа II, что король обещал «отвращать турок» от войны декларациями, что в Польше нет ни одного русского солдата, что гетманы в соответствии с решениями Ярославского совещания 1711 г. (а не «вечного мира» 1686 г.) будут держать «бодрое око» на границе и что сам король постарается повлиять на республику, чтобы та продолжила переговоры по «оборонительному вспоможению», прерванные в Ярославе. И только после удовлетворения всех претензий польской стороны можно будет вернуться к рассмотрению вопроса о помощи России⁵⁶. Устно король слабо обнадежил напоследок, что польские войска будут противиться османам, если те двинутся к Киеву через польскую территорию. Лишь благодаря содействию Шанявского и Я. Шембека республика все же постановила выставить на Днестре 8 тыс. коронных войск и 30 литовских хоронгвей под командованием коронного подстолия М. Любомирского. Убедившись в волоките, Трубецкой и Степанов отписали Головкину, что будет хорошо, если шляхта не перекинется к шведам, и 11 марта поднялись в Ригу.

Видимо, после переговоров 1711 и 1712—1713 гг. русское правительство стало считать военный союз с Речью Посполитой бесполезным в сравнении с потенциально возможным союзом со слабой Венецией⁵⁷ и продолжало упорно добиваться военного соглашения с Габсбургами.

АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР 13 ИЮНЯ 1713 Г.

В разгар конфликта с османами совершенно неожиданно по всей Европе пронеслась сенсационная новость о полном шведско-турецком разрыве, закончившемся вооруженной стычкой Карла XII 31 января (11 февраля) 1713 г. с турецкими покровителями и ссылкой его во Фракию. В шведской литературе до 1950-х годов господствовало мнение, что арест Карла XII был вызван протестом короля против заговора Августа II с Девлет-Гиреем, который собирался выдать его в руки Веттина. Это мнение, основанное на официальной версии канцелярии Карла XII, справедливо критиковал Е. Тенгберг⁵⁸. И. Стафзинг считал, что Карл XII сознательно пошел на разрыв с султаном, чтобы «волей, железом и рассудком» заставить Порту помочь в восстановлении великодержавия Швеции⁵⁹.

Четырехлетний опыт контактов со шведами убедил Стамбул, что государственные интересы Османской империи (мир в Се-

верном Причерноморье) идут вразрез с политикой шведского короля, затягивающей Турцию в чуждую ей Северную войну. К 1712 г. на Босфоре поняли, что у Карла XII и Швеции разные цели: уставшее северное королевство не выполняет воинственных приказов своего монарха. Неожиданно явившийся в 1709 г. союзник превратился в нахлебника. Ни один удар турецко-татарских сил по Украине не был дополнен полноценным ударом из Швеции по Польше. Несмотря на огромные суммы, выданные королю, и его личное «обязательство» воевать, Карл XII не смог выбраться за пределы османских границ. В конце 1712 г. Порта узнала о перемирии М. Стенбока. После Прутского реванша турецкие власти стали оказывать настойчивый нажим на короля, чтобы тот или перенес шведско-турецкую войну в Польшу, или пошел на антирусский компромисс с Августом II. После третьего объявления Турцией войны России королю выдали 600 тыс. талеров⁶⁰, гетманам-эмигрантам — по 5 тыс. и приказали выступить в зимний поход в конце ноября 1712 г. вместе с запорожцами, поляками и всего 8 тыс. крымцев⁶¹. Это должно было стать еще одной пробой сил после диверсии Я. Грудзинского.

Только частично верным кажется мнение, что Карл XII сознательно провоцировал вооруженную схватку с турками; король, конечно, сознавал безумие неподготовленной зимней затеи, но одновременно понимал риск открытого разрыва с султаном. 21 ноября (2 декабря) он предписал своему послу в Стамбуле Т. Функу просить новый займ, официального признания султаном Станислава I, ареста С. Хоментовского и смену турецких «русифилов» в диване. Одновременно Карл XII и Ф. Орлик в очередной и последний раз стали сзывать под шведские знамена запорожцев⁶². Судя по высказываниям канцлера Г. Г. Мюллерна, возможно, король полагал совершить неглубокий рейд от Снятыни и вернуться обратно. Можно было надеяться, что этим будет снова поднят его авторитет в глазах султана. Втайне, в шведской ставке у Варницы надеялись, что султан отправит их в Польшу только после того, как укрепит Станислава на польском троне.

4 (15) декабря 1712 г. партия орликовцев полковника Перебийноса была разбита М. Любомирским под Уманью. В январе 1713 г. часть хоронгвей Потоцкого передвинулась из района Бендер к Яссам и Черновцам. Тогда же стало ясно, что на большую помощь от полумесяца рассчитывать не приходится. Стамбул ответил отказом даже на шведский запрос, возможно ли будет в случае неудачи вновь вернуться в Молдавию⁶³. Стало очевидным, что идти в Польшу было бы самоубийством.

Сильнейшим ударом для короля оказались перехваченные письма Сенявского к Девлет-Гирею и бендерскому паше Измаилу через Я. Сапегу. «Посол Речи Посполитой» при станиславцах подольский воевода С. Гумецкий (так называли его русские) встретил в контакт с польской эмиграцией в Молдавии с целью ее разложения. Сенявский просил хана помочь захватить короля

в Польше. Хан в ответ намекал на желательность возобновления антирусского союза и дани от Речи Посполитой и уверял, что татарский конвой не будет опасен и не превысит 4 тыс. воинов.

Любопытно, что Сенявский в данном вопросе шел по стопам Петра I. В марте 1712 г. из Петербурга к Девлет-Гирею был отправлен ротмистр-молдаванин Александр Давиденко, который в 1703 г. заявлял И. С. Мазепе, а в 1711 и 1712 гг. самому Петру, что ханы Крыма готовы перейти в русское подданство. В тайной инструкции, составленной самим Петром I около 13—23 марта 1712 г. для Давиденко, указывалось: «Что он (Давиденко. — В. А.) прежде сего предлагал о деле хана крымского, и тогда не приняли для того, что был мир, и не хотели дать причины к войне. А ныне, когда турки ничем довольствоваться не хотят, но неотложно злобы одной для, войну объявили, то мы. . . рады хана принять и по желанию ево всё исполнить.

Для чего б он, не испуская времени, прислал человека своего с полною мочью к фелтмаршалу Шереметеву, которому также посылается полная мочь от царского величества для трактанья, не описываясь к царскому величеству, дабы в тех описках время не потерять. . . Для того, чтоб хан поверил, что он был у царского величества, дан ему пас за государственною печатью. Ничем не может хан так верность и приятство царскому величеству показать, как тем, чтоб увёз карая шведского, в чем и ево самово полза будет, ибо когда будет король в руках, то мы от шведской стороны будем свободны и всеми силами помогать будем хану. А сверх того за сие обещаем хану две тысячи мешков. . .»⁶⁴.

Таким образом, Петр I был готов заключить через Шереметева русско-крымский договор, принять ханство в русское подданство, удовлетворив все условия Девлет-Гирея, и выплатить ему 2 тыс. мешков левков (1 млн левков или 450 тыс. руб.) за голову Карла XII. При свободе рук на севере русские силы обещалось бросить на помощь Крыму. При неудаче захвата шведского короля Петр I просил сжечь турецкие военные и продовольственные склады в Молдавии.

Вояж Давиденко в Бахчисарай был прерван киевским губернатором Д. М. Голицыным, который, получив сведения о Константинопольском мире, сообщил в Петербург, что если хан выдаст тайного агента туркам как провокатора, то снова начнется война.

Карл XII ослабил хана Девлет-Гирея на всю Европу (в Гааге), что тот подкуплен царем и что Август II обещал туркам за его королевскую голову Каменец⁶⁵. Девлет-Гирей, отряд которого сильно поредел от стужи за время ожидания в Буджаке, резонно указывал Ахмеду III на неподчинение шведов султанским указам и на их перемирие с саксонцами. В январе султан приказал хану и бендерскому паше силой выдворить бывшего союзника в Польшу. В фондах ЦГАДА сохранилось много записей о «наглоне-чаянной, великой и чудной перемене» в Молдавии — «калабалыке» (стычке). Из них ценнейшая и уникальная — запись допроса

участника калабалыка — пленного янычара Али Абдуллы⁶⁶.

Девлет-Гирей снял янычарскую стражу, охранявшую шведский городок, перевел казаков в молдавское село Беликово и запретил им принимать деньги от короля. Польским гетманам и их хоронгвям хан предложил покинуть Карла XII и дал письменную гарантию, что берет их под свою защиту, обещает не допустить нападения татар на них и будет просить Августа II и Речь Посполитую вернуть всем эмигрантам имения⁶⁷. После этого крымский властитель перевел все хоронгви от Потоцкого под команду Я. Сапеги⁶⁸. Шведский король, получив от Девлет-Гирея ультиматум султана о немедленном выезде, оскорбил хана «старой собакой», отказался покинуть городок, однако поляков отпустил и приказал сложить оружие большинству шведов, так как понимал, что серьезное сопротивление вынудит турок к жестокой расправе. Хан подвез шесть пушек из Бендер и приказал добровольцам-янычарам взять храбреца живьем. К этому времени в Варнице стеклось до 26 тыс. татар, янычар, черкесской гвардии хана и зрителей. Для острастки выпалили 27 холостых зарядов, затем по окнам шведских домиков стали стрелять из ружей и, наконец, подожгли их камышевые крыши. 300 шведов, почти не сопротивляясь, отходили. Выбегавших из пламени янычары рубили или забирали в плен. В горячке схватки Карл XII потерял палец и кончик носа и уха. С 11 час. утра до часа ночи было убито и покалечено около 100 шведов и 200 янычар. Пленных янычары раздавали под честное слово иностранным резидентам при шведском короле, а имуществом разграбили.

5(16) февраля 1713 г. королю дали четыре лошади, простую коляску, выделили 60 шведов и на телегах вывезли к султану под конвоем в 500 человек⁶⁹. В окружении короля полагали, что он или будет вывезен в Адрианополь или в Салоники для высылки морем, или, чего боялись больше всего, отправлен на один из островов Эгейского моря. Ахмед III сослал больного Карла XII со свитой в Демиотику на р. Марице (Фракия) до октября 1714 г., где тот, по ироничному замечанию Шафирова, получил возможность присмотреться к тамошнему гончарному мастерству.

Последствия калабалыка оказались очень значительными. Калабалык обернулся «судным днем» для польских и украинских союзников Карла XII. С санкции Порты молдаване стали избивать жолнёров, три года сидевших на их шее. Спасаясь от мужицких кос и цепов, часть эмигрантов скрылась в Черновцах. К. Урбанович молил своих «приятелей» в Варшаве «Христа ради» ходатайствовать о нем перед Августом II. Девлет-Гирей сообщил Сенявскому, что крымцы «с приятелями вашими — приятели, а с неприятелями — неприятели», что Москва «ни ногою» не может вступить на землю республики, которая должна принять соотечественников из молдавской эмиграции^{69a}.

Около 1 тыс. запорожцев было изгнано из Бендер, которых били не только молдаване, но и татары. После фетвы (указа) муфты об изгнании Карла XII было временно приказано арестовать

послов от шведов и станиславцев в Стамбуле — Функа и Крышина.

Под горячую руку был схвачен в Яссах и задержан С. Лещинский, прибывший через 10 дней после ареста Карла XII в Молдавию под видом шведского майора с целью уговорить своего сюзерена пойти на компромисс с Августом II. Впрочем, турки быстро исправили оплошность и 1 марта н. ст. встречали его за час конной езды от Бендер почетным эскортом в 300 человек и орудийным салютом со стен бендерской крепости. Порта решила восстановить Станислава I в Польше.

Ахмед III после приезда польского экс-короля снова передал «коронное войско» Потоцкому, Сапега был арестован и отдан под суд гетманов. К весне 1713 г. в Стамбуле «низ кверху оборотился»: были сменены все прежние «орудия» — «добрый приятель» Шафиров, великий везир Юсуф-паша был сослан на Родос, Девлет-Гирей отправился на о. Хиос, сняты были муфты и бендерский паша. Украинская старшина в эмиграции (Ломиковский, Горленко, Войнаровский) и кошевые атаманы собирались отобрать у Орлика войсковые клейноты Богдана Хмельницкого и И. Мазепы и низложить своего гетмана как неспособного⁷⁰.

17 февраля русским послам сообщили о калабалыке и предложили просить султана об освобождении из заключения, а 21 марта Ахмед III приказал перевести их из Едикюля в Адрианополь. В апреле французскому, шведскому и станиславскому послам, а также С. Понятовскому запретили иметь контакты с Карлом XII и велели покинуть двор султана в Адрианополе⁷¹. Калабалык окончательно отнял у Карла XII надежду совершить переворот в Речи Посполитой силами янычар. Для Ахмеда III тоже стало ясно, что шведский козырь потерял силу и нужно разыгрывать новую карту. Калабалык разрушил веру польской эмиграции в шведского короля и заставил пойти на мировую с Августом II. Польская корона на голове саксонца стала держаться устойчивее, что позволило ему занять более независимую позицию по отношению к России. К концу 1712 г. можно отнести начало сближения Саксонии, Речи Посполитой и Османской империи, которое после кратковременной напряженности (май—август 1713 г.) вызвало к жизни «мираж» союза польско-саксонской унии с полумесяцем. «Преславная баталия» под Бендерами вызвала чувство облегчения в России — исчезла опасность прямого турецко-шведского союза в Северной войне⁷².

Всеми, в том числе и шведской историографией, признано, что падение шведского великодержавия следует связывать с Полтавским сражением. Но победы под Гельсинборгом в 1710 г., Гадебушем в 1712 г. создавали впечатление, что шведская империя еще держится на поверхности при поддержке Османской империи. 31 января 1713 г. Карл XII своими руками пустил на дно престиж шведской силы. После калабалыка донесения всех европейских дипломатов стали пестреть сообщениями о развале мнимого шведско-турецкого союза и «сущем изнеможении и конечном

падении шведского фараона». После Утрехтского мира 11 апреля н. ст. 1713 г. 18 тыс. датчан и 24 тыс. саксонцев вернулись воевать с Рейна на Балтику, что ухудшило военное положение Швеции.

Людовик XIV с 1713 г. повел курс на сближение с Августом II, пытаясь примирить его с Карлом XII и сделать польско-саксонскую унию опорой для Франции⁷³. С 1713 г. к антишведской коалиции стали все сильнее склоняться Пруссия и Ганновер.

Польско-шведско-казачий конгломерат в Молдавии с потерей вождя окончательно распался, и Порта решила вновь начать переговоры с Россией. В Великобритании сочли калабальк ярким свидетельством «тупоголовости» Карла XII и отказались поддерживать его⁷⁴.

* * *

24 марта 1713 г. часть русского посольства, 20 человек, после пятимесячного заключения турки перевели из подвалов Семибашенного замка в Адрианополь, где 2 апреля возобновили неравноправные переговоры при откровенном силовом давлении. Вынуждая к максимальным уступкам, турецкая сторона не только наносила «несносное бесчестье и ругательство», не только грозила загнать снова в подземелье, но и прислала однажды палача к послам, который в течение суток сидел под их окнами, ожидая приказа вести на пытки или казнь⁷⁵. Находясь в отрыве от внешнего мира, послы не могли использовать на переговорах ни факт капитуляции перед северными союзниками армии Стенбока, ни падение Щецина, ни завоевание русскими Финляндии, о чем узнали лишь в ноябре 1713 г.; 10 месяцев они были без инструкций, действуя «вслепую». Несколько подправляла положение хорошая информированность о намерениях противников. Шафиров не пускал в ход яд — оружие, так скомпрометировавшее П. А. Толстого, но не жалел золота. На его содержании, за исключением доверенных лиц австрийского резидента и султанши-матери, были все переводчики посольств в Стамбуле: переводчик английского посольства дубровчанин Лука Чириков Барка (прозвище Макарий), поставлявший секретную информацию как своему послу Р. Сэтону, так и Шафирову; секретарь шведского посла М. Нейгебауера и позже Т. Функа голландец Жан Батист Савари («Иона», «Серафим»), завербованный еще в 1709 г. Толстым через М. Карретту; переводчик П. Дезальера Форнет. Помогали также зять Луки Барки венецианский переводчик Навон, папский нунций в Стамбуле славянин-дубровчанин Галани. Подкуплен был и толмач ханов Девлет-Гирея и Каплан-Гирея. Хорошо использовали русские послы и нежелание значительной части турецкого административного аппарата воевать на Украине, подчеркивая миролюбие Петра I. Посильную посредническую помощь оказывали С. Хоментовский и Я. Кольер. С весны 1713 г. английский посол в соответствии с указанием своего правительства и его переводчик Л. Барка отошли от сотрудничества с русским посольством.

Конечно, самым эффективным средством давления султана было состояние войны. Вскоре после калабалыка к Киеву был послан Ширин Шефер Казы-мурза с 15 тыс. воинов. Побочной целью набега была надежда укрепить Орлика в Чигирине и на территории между Днепром и Южным Бугом. Проводники-запорожцы для скрытности вели орду степью, в обход сел. Польские сторожевые посты на Днестре и гарнизон Белой Церкви, не имея связи со штабом Шереметева, пропустили 5 марта 1713 г. передовой 5-тысячный отряд неприятелей вплоть до Стаек, Василькова, Триполья и самого Киева⁷⁶. Беспрепятственно захватив около 8 тыс. украинцев, орда откатилась к Немирову, Брацлаву, Умани и там задержалась. В Звенигородке, Бершади и Корсуни основался Горленко с 5—6 тыс. запорожцев.

На Левобережной Украине 28 февраля партия татар разорила посад Бахмута и его окрестности. В марте 12-тысячная татарская и ногайская орды во главе с нураддином Батыр-Гиреем, отойдя от Азова с турецким отрядом в 160 человек, черкесами и 7—8 тыс. орликовцев, разорили деревни и слободы в Усердском, Ольшанском, Верхососенском, Полатовском и Волуйском уездах Воронежской провинции, Ливенскую и Бирючью слободы в Острогожском полку.

13 апреля 1713 г. очередной великий везир, бывший гребец на галерах Ибрагим-паша, прервал переговоры и в четвертый (!) раз объявил войну и поход на Киев 100-тысячной армии, собираясь захватить с собой и 200 человек русского посольства⁷⁷. С мая по август татары силой в 25 тыс. сабель и Игнатий Некрасов со своими казаками прорвались через Царицынскую оборонительную линию и сожгли по Хопру, Медведице и Дону девять казачьих станиц. Ногайцы дошли до Тамбова, Козлова, Пензы и жгли деревни выше Саратова. Всего к востоку от Днепра было убито 1554 человека, отогнано противником 98 832 головы скота, захвачено в плен 14 340 человек⁷⁸.

В это время у Киева стояли 12 драгунских и 10 пехотных полков, 12 730 казаков гетмана Скоропадского (из них 4 драгунских и 5 казацких полков, переправившись на паромах на правый берег Днепра, удлиняли фашинный вал вдоль р. Лыбедь до Подола); у Полтавы и на р. Орели находилось 4 пехотных, 3 слободских и 5 драгунских полков Д. Апостола; у Харькова под командованием П. М. Апраксина было 9414 драгун и солдат, 3832 яицких и слободских казака, 3400 донцов аматана М. Фролова; в гарнизонах украинских городков — 8079 человек ландмилиции (ополчения); всего 62 389 человек. Валы вокруг Киева укрепляли до 50 тыс. гражданского населения. В Курске был приведен в боевую готовность Нижегородский полк, в Обояни — гренадерский полк Кропотова, в Рыльске — Пермский, в Белгороде — гренадерский полк Роппа. Воеводой над однодворцами был назначен брат фельдмаршала Федор Петрович Шереметев⁷⁹.

После первой ошибки, затягивания выполнения Прутского договора, была сделана вторая: всем войскам приказали «не зади-

рять» противника, не переходить российские границы и «держаться против татар оборонительно», даже в случае их нападения! Настолько сильным оказалось желание освободиться от «неукротимой войны» на юге. Регулярные части не преследовали отходившего неприятеля. На Правобережье за ордой следовали молдавские гусары («волохи») А. Танского, поймавшие всего 6 крымцев и 25 запорожцев, под Полтавой казаки Д. Апостола побили 30 татар и 23 взяли в плен, донской походный атаман захватил 42 крымца, а донцы войскового атамана Петра Емельянова отбили сотню русских пленников, «поколов» 9 татар при переправе через Дон у Азова⁸⁰.

То же было и в Речи Посполитой. «Поляки страх великий имеют от Порты и боятся одново татарина убить, дабы Порта не имела причины с ними до войны», — писал А. И. Дашков Головкину 23 апреля 1713 г.⁸¹ 14 июля Сенявский информировал Шереметева о разгоне партии орликовцев полковника Дзюгана под Погребищами и просил не посылать русских драгун на Правобережье, обещая самостоятельно управиться с нападавшими⁸².

Успех набега резко подстегнул претензии турецко-татарской стороны. Крымские дипломаты «хвалились» в Стамбуле, что Крым один, без турок, способен «вредить» России. Опасаясь повторения прутской ситуации, русское правительство запретило киевскому губернатору Д. М. Голицыну и генерал-майору Л. С. Чирикову первыми посылать гонцов «с желанием мира» в османское войско, если оно станет под Киевом^{82a}.

7 мая 1713 г. османы возобновили переговоры о мире, но не под Киевом, а в Адрианополе. Они сопровождалась оскорблениями чести русских послов, «великим криком и лаею», плевками на пол. 13 июня после 10 встреч Порты навязала третий, более жесткий договор, условия которого позволяют поставить вопрос о возможности ее вмешательства в Северную войну.

П. П. Шафирова сильнее всего «ужаснуло» и подтолкнуло к уступкам откровение драгомана Маврокордато о том, что они не пошлют войско в трудный поход на Киев, но, вооружив Станислава I и Карла XII (по мнению посла, Порты для этой цели легко могла бы выделить до 10 млн руб.), разорвут польско-саксонскую унию и России одной придется воевать с турецко-польско-шведским блоком, за спиной которого будет стоять Франция⁸³.

1 октября 1713 г. Порты разработала проект, по которому русские обязывались ходить в Померанию не через Польшу, а только морем. После возвращения Ахмед-бея турки, побуждаемые французским послом П. Дезальером и С. Понятовским, стали уже требовать вывода русских войск из Померании в течение двух-трех месяцев, по определенному маршруту и без остановок в Великопольше, угрожая войной в случае отказа. Могло показаться, что Порты уже близка дать гарантии шведам на их владения в Германии⁸⁴. Унизительным было требование, чтобы Петр I испрашивал разрешение султана на ведение военных действий

со шведами на территории Речи Посполитой и даже вообще отказался бы воевать, если Карл XII появится там со стороны «своих земель». Хотя эти условия не вошли в текст Адрианопольского договора, но они были причиной того, что Шереметеву был дан приказ «не интересоваться в польские дела» и не входить в Речь Посполитую, пока не будет «совершенное и сильное вступление шведов в Польшу», а также причиной разработки проектов русско-прусских договоров, имевших антипольскую направленность (см. выше).

С 1713 г. Портой был прямо поставлен вопрос о турецком посредничестве между Швецией и польско-саксонской унией⁸⁵. Летом 1713 г. она настояла отослать из Стамбула А. Ф. Лопухина собирать свидетельства гетманов воевод, магнатов и особенно бывших станиславцев (Я. С. Яблоновского, С. Потоцкого, Я. Вишневецкого и др.) о полном очищении Польши от русского присутствия, и 23 августа 1713 г. Лопухин прислал на Босфор эти свидетельства с собственноручными подписями польских сановников и станиславцев!

Влияние Турции чувствовалось даже в таком отдаленном от османской столицы центре, как Гданьск, магистрат которого собирался жаловаться туркам по поводу финансовых претензий (контрибуций) России.

По Адрианопольскому договору Порты обязывала вывести из Речи Посполитой в 60-дневный срок все русские полки, если таковые там еще находились, и не вводить их туда ни под каким предлогом. Следовательно, военные силы России отсекались от померанского театра военных действий. Шафиров с трудом добился разрешения на однократное возвращение полков из Померании через Польшу⁸⁶. Поразительным и малоизвестным являлось ущемляющее суверенитет Русского государства запрещение появляться и самому Петру I на территории Речи Посполитой хотя бы проездом, включенное после того, как послам пригрозили, что их «головы окажутся там, где ноги»⁸⁷.

Угроза вмешательства Порты в Северную войну была одной из причин изменения военных операций на Балтике. С 1713 г. Россия стала изыскивать возможность размещения своих полков в Померании и Мекленбурге⁸⁸. Можно допустить, что турецкое вмешательство было одним из факторов, учитывавшихся при переносе военных операций в Финляндию.

Важнейшим изменением в новом договоре было перенесение русско-турецкой границы с Днепра и приазовских степей на рубежи Левобережной Украины, в междуречье рек Самары и Орели, причем граница от их верховий к Азову должна была пролегать по Северскому Донцу. Этим Крымское ханство приобрело обширную буферную «зону безопасности».

Благодаря дипломатическому искусству Шафирова удалось обойти острый вопрос о поселении запорожцев на р. Самаре, на чем упорно стояла турецкая сторона, — вместо слов о поселении казаков в текст внесли фразу о «не строении» там ни городков,

ни крепостей, ни местечек, огороженных тыном (без чего там, по мнению вице-канцлера, человек не мог прожить). Так или иначе, в 1713 г. Россия потеряла вторую, восточную часть Запорожья и наглухо отсеклась от Азовского моря. Пришлось беспокоиться и за судьбу киевского пригорода, так как турки включили статью о новом разграничении на Правобережье начиная от Киева. Только с большим трудом удалось отложить «на другое время» вопрос о возобновлении ежегодной дани в Крым в размере 30 мешков левков (13 500 руб.) и «десяти мешков соболей» (соболей стоимостью 4500 руб.)⁸⁹. Видимо, была учтена и настойчивость посланцев хана Аюки в Стамбуле: девятой статьей Порты пыталась вывести Калмыцкое ханство из сферы влияния России.

Знаменательно, что в договоре 1713 г. сохранилась статья о праве России воевать со Швецией на территории Речи Посполитой, если республика станет вновь сателлитом шведского короля. Очевидно, стамбульские верхи не желали, как и все соседи республики, ни русского, ни шведского, ни саксонского господства над Речью Посполитой⁹⁰. Остальные статьи повторяли условия Константинопольского договора.

В общем на вопрос о вмешательстве Османской империи в Северную войну можно ответить, что назревали существенные элементы вмешательства в связи с польской проблемой, но фактически Порта последовательно проводила курс на исключение балтийского (шведского) вопроса из комплекса турецко-польско-русских отношений; ни на одну из конференций с послами царя шведы допущены не были.

Мир между Россией и Османской империей в этот раз был заключен на 25 лет, но восточный кризис не окончился 13 июня 1713 г. Договор не был окончательным — из России должна была быть прислана ратификация в трехмесячный срок, в течение которого можно было вносить изменения в договор и тем самым в любой момент вернуться к состоянию войны. Из отложенных вопросов, требовать решения которых Порта собиралась в ближайшем будущем (с дополнительным внесением в текст ратификации), были: поселение казаков вплоть до междуречья Самары и Орели; дань крымцам, при невозобновлении которой грозила, что те будут «стояти в поле в готовности», Карла XII выпустят из Демиотики, а послы снова переселятся в Едикюль; определение и прокладывание на местности границы от верховий Орели до Азова (отправление межевых комиссий было намеренно затянута турками до ноября 1713 г.). Полностью эти вопросы были сняты лишь летом 1714 г.⁹¹

Успехи Османской империи можно объяснить исключительным направлением внешней политики России на решение главной в то время проблемы — балтийской. Сохранились свидетельства о высказываниях Петра I, что он согласен подписать все, что ни предложат турки, лишь бы отделить от них шведов и получить свободу рук на Балтике⁹². Порта была хорошо осведомлена о расстановке военных и политических сил в Европе благодаря

скоплению в Стамбуле шведских, французских, польских и казачьих представителей. Но, без сомнения, главным был фактор обладания Османской империей — в то время все еще сильным военным и экономическим потенциалом. Только коалиция государств, как показал опыт войны 1683—1699 гг., могла потеснить позицию султана в Европе. В 1711—1714 гг. Османская империя показала свою силу в конфликтах один на один с Россией, Речью Посполитой (см. ниже) и с Венецией (с 1715 г.).

«ХОТИНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ»
ОСМАНОВ ПРОТИВ ПОЛЬШИ И РОССИИ.
САКСОНСКАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

Отношение в Польше к новому договору было двойственным. Сандомиряне были удовлетворены запретом прохода русских через польские границы и оставлением за Россией права изгнания шведов из Польши, но одновременно сознавали, что состояние войны с Россией сдерживает Османскую империю от территориальных претензий к Речи Посполитой, и надеялись, что царь не ратифицирует мир и русско-турецкая война будет продолжена. Оппозиция рассеивала слухи, что царь будто бы заключил договор с Турцией и Швецией (!) во вред республике и что после этого султан по-настоящему включится в дело восстановления Станислава I.

Действительно, исключив по условиям Константинопольского и Адрианопольского договоров возможность русского вмешательства в польские дела и в достаточной мере убедившись, что Россия любой ценой избегает войны на юге, Порты перенесла давление на Речь Посполитую, пустив в ход другого короля — С. Лещинского.

Ахмед III надеялся получить обещанные им земли на Украине после утверждения Станислава в Польше. Карл XII был исключен из этой игры, и его польский протезе оказался под турецкой опекой, так же как раньше украинский гетман Ф. Орлик. С. Лещинский прибыл в Молдавию со своим планом решения польского вопроса, но ему пришлось исполнять волю новых хозяев⁹³. Возражения Шафирова, что С. Лещинский осенью 1712 г. во время переговоров со Стенбокком отрекся от польской короны, не имели веса, и султан приказал прихватить в османское войско, направлявшееся в Хотину, бывшего шведского подопечного, чтобы его «показать при рубежах».

Турецкая дипломатия повторяла тактику, эффективно использованную против России в 1711—1713 гг., — угрозой войны, татарскими набегами и «переговорами с позиции силы» она думала добиться уступок от короля и республики. С. Хоментовского собирались «волочить» к границам, как раньше Шафирова. Официально поход начинался только против Саксонии и Веттина. Турецкая пропаганда обещала «ни на волос» не обидеть Речи Посполитой, не нарушать Карловицкого договора и оставить

великие булавы за Сенявским и Поцеєм. Для активизации волнений в Польше была взята большая денежная казна. Неофициально новый крымский хан Каплан-Гирей распространял сведения, что силы ислама идут отвоевывать трон для Станислава, а Потоцкий сообщал, что татары двинулись для вызволения республики от немецкого ига⁹⁴. Станиславцы ободряли мусульманских покровителей, что на Петра I их друзьями на Украине будет организовано покушение, а на Меншикова будет надет хомут⁹⁵.

1 августа 1713 г. собранные ранее против русских 30 тыс. татар и 12 тыс. турок со 120—160 пушками под гром выстрелов со стен Бендер двинулись к польским границам под предлогом восстановления Хотинской крепости. Вместе с ними шли Потоцкий и мобилизованные Каплан-Гиреем Орлик с «Али-пашой» (К. Гордиенко)⁹⁶. К Сенявскому поступили вести, что при войске инкогнито находится сам султан.

Вооруженным силам Речи Посполитой, которые составляли 12—20 тыс. человек и, по отзыву А. И. Дашкова, не могли сопротивляться даже татарам, Август II посоветовал пехоте укрыться в крепостях Каменца-Подольского, Окопа Св. Троицы, Станислава, Мариамполя, Брод, а кавалерии отступить к Висле⁹⁷. Всего лишь 3 июня 1713 г. Август II просил Петра не выводить русских войск из Гольштейна в Польшу, но теперь он вместе с польскими властями обратился за помощью (одновременно и к Габсбургам, морским державам и Венеции). Шляхта явно опасалась предстоящей «замятни». Ходили слухи, что Каменец, обещанный «узурпатором» Станиславом I турецкому султану, падет без сопротивления; что Август II, войска которого только начали марш из Брабанта к Померании, укроется в Познани. Донесения Дашкова из Варшавы звучали как военные сводки⁹⁸.

Король, гетманы и канцлеры засыпали русского союзника просьбами вернуть только что удаленные вспомогательные войска к польским границам — сандомиряне (как и станиславцы турок) предпочитали видеть союзника при рубежах, но не внутри страны. Веттин просил защиты и от пруссаков, собравших 16 тыс. солдат под Лауенбургом после подписания антисаксонского и антидатского договора с Гольштейном в июне 1713 г.⁹⁹

Из средств убеждения польский партнер использовал связь двух стран «вечным русско-польским союзом» 1686 г., указание на султанский обман ложным Адрианопольским миром, жупел возрождения прошведской Речи Посполитой и образования польско-шведско-турецкого блока, угрозу создания на Правобережной Украине зависимого от полумесяца владения Ф. Орлика со столицей в Белой Церкви. Вспомогательные войска обещали добровольно снабдить провиантом. По образному выражению современников, у поляков был единый вздох — только бы монархия Габсбургов и Россия удерживали с ними союз. В Польше не исключали, что снять турецкую угрозу придется уступкой коронных земель.

В 1712 г. Петр I, не колеблясь, послал Боура и Репнина против Грудзинского, но теперь нависал новый конфликт с османами. Кроме шведского и турецкого фронтов, с апреля 1713 г., после Утрехтского мира, приходилось учитывать возможность вмешательства западных держав, которые уже предприняли попытку организовать «медиацию» для северных союзников в Брауншвейге. Вновь вступить на Правобережную Украину означало подвергнуть риску полученный с такими жертвами Адрианопольский мир. В Европе с интересом наблюдали, поможет ли Россия Речи Посполитой или будет соблюдать мирный договор с турками.

А. А. Матвеев советовал создать общий русско-австро-польский фронт.

П. П. Шафиров высказывал опасение, как бы Август II опять не сбежал в Саксонию и вообще не вышел из Северной войны, а «поляки б не приняли все с страху Станислава», после чего все бремя войны снова ляжет на одну Россию. Вице-канцлер просил не ввязываться в новую войну с Востоком, не идти на поводу у «господ-генералов», многие из которых «с охотою вошли бы в Польшу ради партикулярного интересу, чтоб паки деньги збирать», и советовал выгонять турок из Польши только после окончания войны со Швецией. Полякам он рекомендовал протестовать против укрепления Хотина, показать себя «сильными», но не доводить до войны и просить помощи венецианцев и австрийцев¹⁰⁰. В случае десанта шведов в Курляндии или на гданьском Поморье Шереметев, по мнению Шафирова, должен был свернуть в Литву только в самом крайнем случае, чтобы весть об этом не сразу дошла до Стамбула, а между тем «пустить голос», что полки идут в Лифляндию.

Дашков предлагал отправить посла к Августу II, чтобы тот «не отчаялся» на сепаратный мир.

Б. И. Куракин сомневался, что турки действительно будут пытаться восстановить Станислава. Он считал, что турецкий прорыв в Подолию и даже отторжение этого воеводства от Речи Посполитой не заденут жизненных интересов России, наоборот, этим Польша «войдет в большую дружбу» и в следующую кампанию оба государства смогут совместно принять меры для борьбы против Турции¹⁰¹.

К счастью, от новой войны удалось уклониться. Правящие круги в Стамбуле сознавали трудность ведения боевых действий на Украине и, начиная свой запоздавший поход почти осенью с некомплектной армией, больше рассчитывали на мятеж в Польше, чем на собственные силы. Австрию и Россию они предполагали исключить из предстоящего конфликта. В позиции петербургского двора турецкие власти не были полностью уверены: татарская разведка доносила, что русские, возможно, планируют поход к Бендерам и Азову. На одном из военных советов турки решили послать янычарские части к Дунаю и Азову, но не нарушать границ России. Беспокоясь все же за правый фланг, главнокомандующий турецкой армией Абди-паша оповестил Шереметева

о численности своих войск, о цели похода (укрепление Хотина), в котором не участвуют шведы, и о желании султана жить в мире с царем, что не давало повода, по его мнению, вмешиваться России в их отношения с Польшей¹⁰².

В Петербурге получили и новые депеши Шафирова, в которых тот сообщал, что турки «волокутся против воли и охоты своей» на север, что янычарский корпус оставлен в Царьграде из-за опасения бунта, что египетские и анатолийские части к июлю 1713 г. не успеют к Хотину и что Абди-паше велено склонять Августа II к миру, если выяснится, что угрозой военного давления не удастся посадить на трон Лещинского¹⁰³. Учитывая активизацию военных действий в Финляндии и Померании, в русской столице к июлю 1713 г. приняли решение оказать прежде всего дипломатическую помощь союзнику — просить Вену послать за Карпаты австрийские войска, составить русско-австрийские гарантии о недопущении Карла XII и С. Лещинского в республику и вступить фельдмаршалу Шереметеву в прямую переписку с польским и саксонским командованием.

Шафиров между тем «нашёптывал под рукой» рейс-эфенди, что царь не допустит авантюры с Лещинским, которого в Польше, кроме нескольких «отчаянных голов», никто не поддерживает. В Хотин к Абди-паше был послан запрос о целях похода турецкой армии, в Каменец-Подольский, Львов и Эльблонг послали русских офицеров-наблюдателей, корпус П. М. Апраксина передвинули от Полтавы к Киеву, и вся южная армия была подготовлена «к боевому походу на польские квартиры». Часть полков собирались переправить на Правобережье «ради пасьбы коней» и укрепления киевского предместья. В случае высадки шведского десанта в Курляндии или на гданьском Поморье, а также если «поляки противной стороны гораздо умножатся», Шереметев, не обсылаясь с царем, должен был маршировать в Польшу.

Но в случае появления османов на Украине переводить всю армию на Правобережье было запрещено. Петр I в 1713 г., как и Август II в 1711—1712 гг., предлагал прислать польского посла в Петербург для переговоров о «совместной обороне» и для придания широкой гласности русско-польскому сотрудничеству. В июле 1713 г. вопреки надеждам саксонцев и поляков Петр I ратифицировал Адрианопольский договор.

Хотинская демонстрация султана свидетельствует, что зачислять 1704—1714 гг. в десятилетие, когда родилась идея турецко-польского союза и дружбы XVIII—XIX вв.¹⁰⁴, было бы упрощением, хотя верно, что это был последний конфликт Османской империи и Швеции с республикой, после которого они, потеряв свое великодержавие, а вместе с ним и причины для конфликтования, стали поддерживать Польшу в ее борьбе с Габсбургами и Романовыми.

В августе—сентябре 1713 г., когда накал под Хотиным достиг апогея, обратно в Бендеры от Цецюры были отправлены Потоцкий и король Пяст, которого снова встречали салютом. Польские границы вместо янычар пересекло турецко-татарское посольство во главе с везиром крымского хана Шефершахом. Причинами этого были мятежи в Месопотамии, новые дипломатические акции Веттина и переброска 26 500 саксонцев с запада в Польшу после Утрехтского мира¹⁰⁵.

Саксония, которая на пределе возможностей сражалась со Швецией, с трудом справлялась с польской оппозицией и вела сложную дипломатическую борьбу с Пруссией, Данией и Россией за раздел шведского наследства, понимала, что поход турецкой армии может грозить катастрофой и разрывом польско-саксонской унии. С 1712—1713 гг. в Варшаве, Вроцлаве, Лондоне, Гааге, Стамбуле и даже в Бахчисарае Веттин изыскивал возможности выхода из Северной войны с целью сохранения польской короны. Существенно помогли Габсбурги: имперский резидент М. Тальман, слово которого обладало весом в Стамбуле, предостерег, что Империя не потерпит вторжения в Польшу¹⁰⁶.

Интенсивно развернулись переговоры о «трактате дружбы» с французским послом в Польше Безенвалем. По условиям трактата, выработанным в Варшаве 27 сентября н. ст. 1713 г., Франция обязывалась удерживать турок от нападения и способствовать заключению сепаратного мира со Швецией¹⁰⁷.

Это было прелюдией к активным тайным сношениям с Востоком. Центральным звеном в саксонско-турецких переговорах стал новый хан Каплан-Гирей. Турецко-татарская дипломатия оказалась более гибкой, чем дипломатия шведского короля при попытках создания антирусской коалиции. После калабалыка, 13 марта 1713 г., во Львове появились делегаты от хана и бендерского паши и предложили королю и республике отказаться от союза с Россией и вместе с Османской империей начать войну против Петра I. В апреле турецкое правительство распорядилось вернуть республике 8-тысячный украинский полон, захваченный на Правобережье.

Веттин выразил удовлетворение стремлением Порты не нарушать Карловицкий мир и не посылать Карла XII через Польшу. Король уверял, что Польша после калабалыка больше не нуждается в русской помощи и не состоит в союзе с Россией, а имеет временное соглашение, которое не направлено против османского государства.

Более того, желая освободиться от турецкой угрозы, Август II сообщил, что если царь вступит в союз с кем-либо против третьего государства и захочет провести войска через Речь Посполитую, то последняя будет отстаивать неприкосновенность своих границ и при этом искать поддержки у Блистательной Порты и Бахчисарая¹⁰⁸. Желая проверить истинность слов Августа II, Каплан-

Гирей в сентябре 1713 г. после завершения Хотинского похода направил в Варшаву посольство упоминавшегося Шефершаха.

С непокрытой головой, чего не случалось раньше, принимал польский король верительные грамоты. Исламские послы целовали не полу одежды, а руку христианского государя и при саблях были посажены на подушки, которые использовал сам король, молясь в костеле.

Шефершах предложил амнистировать станиславцев, вернув им все имена и должности (С. Лещинскому — Познанское воеводство), помириться со Швецией при посредничестве султана, предоставить Правобережную Украину для поселения 20 тыс. казаков под покровительством республики (а не султана или царя) и восстановить права татар-липков, живших в Литве. На банкете в честь посольства Веттину пришлось притвориться неслышащим и даже обласкать находившегося в свите послов станиславца, коронного кухмистра Тарло, который громко говорил, что немец давно бы уже не пановал над поляками, если бы не Россия¹⁰⁹.

Король и коронный канцлер согласились принять станиславцев, если те до 1 января 1714 г. обратятся с повинной к Августу II, но отказались принять казаков из Олешковской Сечи на Правобережье, ссылаясь на мир 1686 г. с русским соседом; отказались и от турецкого посредничества в Северной войне¹¹⁰. На доверительных конференциях Август II говорил о желании урегулировать отношения со Швецией на Брауншвейгском конгрессе и даже обещал принять орликовцев, если Карл XII согласится на мир¹¹¹. Вымыслом французского посла Дезальера считал Шафиров сведения, полученные от переводчика при шведской миссии в Стамбуле, что король-саксонец в случае мира со Швецией выставит 20 тыс. войск против Петра I. Ю. Геровский высказал мнение, что переговорами о союзе с Портой Август II надеялся воздействовать на Россию, чтобы та вернула Лифляндию и отказалась от поддержки антисаксонской оппозиции¹¹².

Скорее всего, авансы Веттина Востоку предпринимались для снятия напряженности с южных границ и только во вторую очередь для дипломатического воздействия на Россию. «Возмущение» рейс-эфенди удержанием Лифляндии оказалось чистой фантазией Гольца, выдуманной им для «устрашения» Шафинова. Порта в это время интересовалась, не намерена ли Речь Посполитая «мстить» за московские поборы, и просила родственников С. Лещинского и Потоцкого засвидетельствовать отсутствие в Польше 10 тыс. русских, якобы переодетых в красные саксонские мундиры.

Шафиров был уверен, что Порта оставит в покое Восточную Прибалтику¹¹³. Донос Я. Вишневецкого на Августа II, который привел Ю. Геровский для обоснования своей гипотезы, вряд ли можно считать полноценным свидетельством намерения короля заключить союз с Турцией в зависимости от решения лифляндского вопроса. Именно такие планы разрабатывались антиавгустовской оппозицией¹¹⁴. Бывшие приверженцы Станислава I, в том числе

и Вишневецкий, специально интриговали против Августа II при русском дворе и советовали Петру I раньше Веттина помириться с Карлом XII. Сам король постоянно пытался оправдаться перед Петром I в своей восточной политике, пересылал часть материалов о переговорах с мусульманскими властителями в Петербург и объяснял, что именно хан соблазнял его Левобережной Украиной (не Лифляндией!) в случае выступления против России.

Если действия саксонской дипломатии в Османской империи стали предметом изучения в польской исторической науке, то тайные контакты России с Крымом в этот же период вообще не рассматривались. Сношения с ханами велись от лица фельд-маршала Шереметева через офицеров, молдаван и татар-липков, курсировавших между Петербургом, Киевом и «златопрестольным Бахчисараем». Девлет-Гирей в 1709—1712 гг. жаловался на турок за частые перевороты в ханской столице, за ущемление крымского суверенитета и в качестве зондажа русской южной политики даже предлагал принять Крым в русское подданство. Он же настаивал на возобновлении ежегодной дани с России и ведении переговоров с Портой исключительно через него и от лица самого царя¹¹⁵.

Русское правительство передавало о своем желании жить с ханством в мире и «соседственной дружбе», обещало единовременные дачи и пыталось выяснить условия, по которым хан собирался перейти под протекторат Русского государства. Но реальный курс ханов оставался традиционно враждебным (достаточно вспомнить их украинскую политику 1711—1713 гг.). Поэтому русская дипломатия одновременно работала над их свержением в Стамбуле, передавая Порте некоторые сведения о секретных русско-крымских контактах.

Закулисные переговоры о сближении Крыма и Саксонии, Крыма и России нельзя считать действительным желанием сотрудничества или предательством союзника. В соответствии с нормами тогдашней дипломатии партнеры просто пытались нейтрализовать одного из противников.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ КАРЛОВИЦКОГО ДОГОВОРА
С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ.
ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Чрезвычайный посол от Варшавского сейма, генерал земель княжества Мазовецкого С. Хоментовский в 1712—1713 гг. наладил «совершенную гармонию» с русским посольством в Стамбуле. Он ходатайствовал вместе с Гольцем об освобождении Шафирова, налаживал русско-турецкие контакты, принимал русских курьеров, направлявшихся под видом польских в Стамбул, и организовал переписку с Шафировым, находившимся в заключении. Через Хоментовского русское правительство пыталось смягчить позицию Порты относительно прохода войск в Померанию через Польшу и не допустить до нового разрыва с Турцией.

В марте 1713 г., после калабалька, турецкая и польская сторона согласились об условиях прохода Карла XII через Польшу¹¹⁶, об амнистии станиславцев и об исключении русского присутствия на Правобережной Украине. Ко времени Хотинского похода положение польского посла осложнилось настолько, что теперь уже русское посольство должно было помогать Хоментовскому. Порта «держала» при себе второго польского посла — «страны сенаторов Республики Польской, обретающихся при короле Станиславе» — великого литовского гетмана Кароля Крышпина и настаивала, чтобы Польша признала короля Пяста, а не «немца, ломающего подковы», или избрала нового короля. Особенно тревожным было требование уступить «освобожденную» османским оружием Украину или ее часть с городами Уманью, Богуславом, Корсунью, Ладыжином вместе с «пустой» полосой вдоль Днепра или, в крайнем случае, «запустошить рубежи» на обе стороны на 20 часов конского хода¹¹⁷.

В Стамбуле с начала XVIII в. относились к «Лехистану» с великодержавных, полупрезрительных позиций и осознали, что в любое время могут подтвердить с поляками мир¹¹⁸.

27 октября 1713 г. османские власти отдали свою ратификационную грамоту Адрианопольского договора русским послам. После этого 30 октября и 18 ноября Ахмед III дважды приказал хану строго соблюдать мир с Россией. 26 ноября султан как победитель после Хотинского похода торжественно въехал в Стамбул, перед его шатром бросили голову бывшего везира Юсуф-паши, удушенного на Родосе.

В противовес Брауншвейгскому конгрессу Каплан-Гирей предложил организовать крымское посредничество в польско-шведском конфликте на территории Османской империи, где можно якобы удобнее проследить за соблюдением польских «золотых свобод»¹¹⁹. Ахмед III по совету хана приказал написать Августу II, чтобы тот отправил послов к Карлу XII в Демиотику, где турки собирались выторговать часть коронной Украины для орликовцев.

Август II отпустил тайного агента Шпигеля с 12 тыс. червонных к Каплан-Гирею, предлагая через него и Дезальбера «слепить» союз со Швецией, Портой и Крымом. Гольц и Хоментовский оказались вне этой сложной цепочки. Это временно ослабило давление на Польшу. Крышпину и Лещинскому было велено в течение двух месяцев принести присягу Августу II в соответствии с переговорами Шефершаха в Варшаве. На протесты станиславского посла было отвечено, что османское решение является не предложением, а указом и Порта считает Станислава не королем, а таким же «бунтовщиком», как и остальных польских эмигрантов.

Однако «плевелы» Шпигеля оказались бесплодными. Верный натуре Карл XII отверг соблазны саксонцев. Не поддержали его и польские гетманы — уже занимался общепольский рокош (мятеж) против насилий саксонской армии. Все это вызвало

недовольство Порты Каплан-Гиреем, вовлекшим ее «в такую игрушку» с поляками.

Много тревог как Речи Посполитой, так и России доставила османская комиссия для определения новой турецкой границы на Правобережье. Русское правительство указало Шереметеву не соглашаться записывать коронные земли Украины «в турецкую сторону», а отсылать турок с этим вопросом в Польшу. В России опасались, что турки могут потребовать Правобережье после эвакуации казачества в 1711—1712 гг. как «незаселенные земли» или включают в состав своей комиссии поляков и начнется старый русско-польский пограничный спор, который еще больше осложнит позицию России.

В Речи Посполитой тоже боялись нового разграничения. Сенявский, призывая русскую сторону не соглашаться на межевание, «пугал» Шереметева, что в турецкой комиссии будет инкогнито крымский хан и во время разграничения турки якобы осадят казаками Чигирин. Гетманы решили не пропускать турецкую комиссию на Правобережье и указывали, что Россия должна «нерушимо» содержать русско-польскую границу 1686 г.

В декабре 1713 г. 20 коронных хоронгвей и несколько пеших батальонов каменецкого каштеляна Калиновского выступили из Умани против пешей и плохо вооруженной массы запорожцев, которые явочным порядком расселялись на Правобережье. В стычках под Погребищами, Немировым и Фастовым было перебито, повешено и посажено на кол около 1660 человек¹²⁰. Часть сердюков и конных казаков в феврале 1714 г. сложила свои желтые и кумачевые значки со вшитыми крестами на русском левом берегу Днепра, часть ушла обратно на татарский юг. С казачеством на Правобережье было навсегда покончено¹²¹.

Каплан-Гирей протестовал против их изгнания и добивался, чтобы польские войска не вступали на Украину «по Немиров», так как, писал хан, государственная принадлежность этих земель все еще не определена и ни «поляки, ни Москва в ней жити не будут»¹²².

В феврале 1714 г. Порта пригрозила походом 200-тысячной армии, если «освобожденная турками от русских» Украина не будет предоставлена для жительства казакам. В Килию и Измаил направили провиантские суда, а к Хотину из Румелии — 12 тыс. всадников-спахи «для постраху поляков».

С. Хоментовский в отличие от Шафирова, терпевшего унижения ради конечной цели мира, не мог ни отступить от инструкции, ни тягаться с русским послом оборотливостью и остротой ума. Вопреки увещаниям вице-канцлера он упрямо отказывался приписывать к Карловицкому договору какие-либо дополнения, в том числе хотя бы статью о пропуске Карла XII через Польшу, и «своею гордостью и запальчивостью» довел дело до разрыва переговоров.

Ситуация изменилась лишь в апреле 1714 г., когда австрийцы в Стамбуле объявили о заключении австро-французского мира

в Раштадте. Для Порты в большей мере, чем для северных союзников, было неприятно окончание войны за Испанское наследство, после которой войска Габсбургов могли быть переброшены на Балканы. 2 апреля османские дипломаты возобновили переговоры с Хоментовским, требуя напоследок за свой отказ от Украины официального разрыва Речи Посполитой с Россией.

12 (23) апреля к Карловицкому договору было прибавлено два «малосильных» дополнения, которые обошлись польскому посольству всего в 32 тыс. талеров¹²³. По первому, принятому с удовольствием поляками, Речь Посполитая обязывалась принимать во внимание первую статью турецко-русского договора 1713 г. о недопущении вмешательства России в польские дела, по второму — создать комиссию, если султан решит отправить Карла XII через Польшу. Вписать же пункт о разрыве союза с Россией польский посол отказался.

О казаках Порта послала указ хану, «дабы он потрудился изменников-казаков в каком-нибудь месте поселить у себя, дабы могли прожить в покое и безорно. Буде же такого удобного места не сыщет, то б выбил их вон их сего империя»¹²⁴.

Майской ночью 1714 г. из Бендер выехал «якобы украдкой» С. Лещинский, который в прощальном письме, написанном к Каплан-Гирею, сожалел, что Порта ослабила себя, отказавшись от «верных друзей» — Карла XII и от него, Станислава. Он советовал не верить Августу II, помогать шведскому королю, если тот еще раз вернется в Молдавию, и обещал собирать для хана информацию из Европы¹²⁵.

В том же месяце вооруженные силы Речи Посполитой восстановили полный контроль на всей спорной территории от Днестра до Киева.

Таким образом, попытка взять очередной реванш в борьбе с «меньшим и бессильным» членом «Священной лиги» не привела к территориальным переменам. Стамбул удовлетворился лишь обязательством Речи Посполитой соблюдать свой собственный суверенитет по отношению к России. Прежде всего здесь сказались попытки сыграть на противоречиях Саксонии и Речи Посполитой с Россией после того, как Порта убедилась, что авторитет С. Лещинского недостаточен для завоевания польской короны. Определенное влияние оказали удачные действия польского короля, поманившего султана «миражом» польско-турецкого союза.

Османская империя, несомненно, считалась и с опасностью возрождения «Священной лиги»: ведь война за Украину могла разгореться до размеров войны 1683—1699 гг. К тому же за спиной короля-саксонца стояла большая часть Европы, а ослабленная в войне за Испанское наследство Франция уже не считала целесообразным подталкивать Стамбул против польско-саксонской унии, с которой в 1714 г. был заключен «трактат дружбы».

«Суетнонеистовствующая» эмиграция в Бендерах полностью разложилась, и к осени 1714 г. большинство поляков перебралось

ко двору Августа II. Военные действия Речи Посполитой в Северной войне закончились. 17 июня 1714 г. османские властипустили свою комиссию, которую держали наготове почти год, чтобы провести разграничение на Правобережье. Было лишь предложено полякам обновить пограничные знаки на Киевщине (знаменательно, что не в Белоруссии). Вопреки опасениям размежевание между реками Самарой и Орелью, верховьями Самары и Доном, вокруг Азова прошло неожиданно быстро, без новых турецких запросов и закончилось в конце лета 1714 г. Десятилетняя борьба России, Речи Посполитой и Османской империи 1704—1714 гг. за Правобережье завершилась оставлением этих многострадальных земель за Речью Посполитой.

24 августа 1714 г. турецкая комиссия вернулась с Украины в свою столицу. 28 августа после прощальной аудиенции у султана уехали польские послы.

2 сентября «адское место» покинуло и русское посольство. В просмоленном гробу везли посла М. Б. Шереметева, умершего 24 сентября в татарской деревушке Дженакай (между Измаилом и Бендерами) в результате пережитых потрясений в 1711—1714 гг. Шафиров возвращался с «запором печени». 13 октября в Киево-Печерской лавре посольство отслужило благодарственный молебен в связи с окончанием дел с Турцией.

3 октября 1714 г. Порта отпустила и шведского короля, который выехал в Померию через «Священную Римскую империю».

Восточный кризис 1710—1714 гг. для России и Речи Посполитой был закончен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перешедшие от XVII в. внешнеполитические проблемы: черноморскую, балтийскую и польско-украинскую — правительство Петра I предпочитало решать последовательно. Общность целей России и Речи Посполитой в турецкой войне 1683—1699 гг. привела к тому, что бывший камнем преткновения вопрос об украинских и белорусских землях отступил на второй план.

В начале XVIII в. значение России резко выросло в международной жизни Европы. Напротив, стал явственен экономический и военный упадок польско-литовского государства. Казалось, что наступило благоприятное время для разделов Польши. Но интересы Габсбургов были отвлечены в сторону Италии и Испании, Пруссия еще не набрала сил, а Россия, занятая балтийской проблемой, временно отказалась от присоединения восточнославянских земель Короны и Великого княжества Литовского, сознавая, что это не обеспечит быстрого хозяйственного и культурного развития страны.

В начавшейся Северной войне 1700—1721 гг. союзниками России были Датско-норвежское королевство и Саксония. Низкая оценка военных возможностей польской шляхетской республики и нежелание идти на пересмотр условий «вечного мира» 1686 г. (в случае привлечения ее к союзу) предопределили заинтересованность России в сохранении польского нейтралитета в начале военных действий против Швеции, что совпало с внешнеполитической концепцией господствующего класса Речи Посполитой. Главной опорой со времени заключения союза с саксонцами в 1699 г. и до 1704 г. считалась Саксония, и русская дипломатия трудилась над тем, чтобы как можно дольше удерживать основную армию Карла XII на польском театре военных действий. К 1704 г. русские войска завоевали Ингрию, Ивангород, Нарву, Дерпт и другие ливонские города.

Шведские победы в Польше поставили перед русской дипломатией задачу не допустить разгрома Саксонии и консолидации Речи Посполитой под скипетром С. Лещинского. После заключения русско-польского союза в 1704 г. политическую опору видели как в короле-саксонце, так и в республике. Однако, несмотря на русскую помощь, Карл XII выбил Саксонию из войны.

Польский вопрос стал главным в русской политике с 1706 г., и особенно в кризисные 1708—1709 гг., когда Сандомирская конфедерация оставалась единственным союзником, продолжавшим сопротивляться Швеции. В свою очередь, единственным средством спасения Польши от шведского ярма была Россия. Совершенно

очевидно, что без русско-польского союза (при сохранении враждебности русско-польских отношений) положение и России и Речи Посполитой было бы сложнее. Русско-польский союз воспрепятствовал шведам объединить поляков под навязанным им лозунгом отвоения Смоленщины и Киевщины. Странники Лещинского тяжело переживали шведский диктат и, лишь повинувшись приказу Карла XII, вяло продвигались на восток. Весной 1709 г. сандомиряне при помощи русской армии задержали поход к Полтаве 11-тысячного шведского корпуса Е. Крассау и 24 тыс. жолнёров Станислава I (почти недееспособных). В критические летние дни 1709 г. армия шведского короля была отсечена от польского тыла.

Полтавская победа возродила Северный союз, во главе которого стала Россия. Основная тяжесть Северной войны была перенесена в Восточную Прибалтику и Померанию. Русская армия без польских и саксонских сил взяла Ригу, Ревель, Выборг. Шведский барьер на Балтийском море был разбит. В результате Полтавской победы войско Станислава I рассыпалось и республика почти бескровно была освобождена от шведской оккупации.

Удельный вес Польши в политике России после 1709 г. резко уменьшился, и польский вопрос оказался тесно связанным главным образом с восточным вопросом. Новый саксонско-русский раздел Ливонии в Торуні произошёл без участия Речи Посполитой. В начале Северной войны Россия, подобно Пруссии и Саксонии, не являлась (в отличие от Франции, монархии Габсбургов и Швеции) гарантом шляхетских привилегий и принципиальным противником уступки части польских земель в пользу союзников. Всё ставилось в зависимость от менявшихся условий войны. Полтавская победа не только заложила первый камень в российское великодержавие, но и предопределила программу поддержания польских «золотых свобод» и территориальной целостности республики, определившую в основном русскую политику до 1772 г. С 1709 г. правительство Петра I считало себя свободным от обязательств выплачивать 200 тыс. руб. ежегодных субсидий на содержание Войска Польского.

Всё огромное польско-литовское государство в тот момент было почти полностью исключено из сферы влияния тогдашних великих держав-соперниц: Франции и монархии Габсбургов, а также Швеции и Османской империи. Прежнее политическое равновесие в Восточной Европе было нарушено. По согласию польского короля и высших должностных лиц республики русская армия с польского плацдарма была выдвинута в Центральную Европу для дальнейшего штурма шведских владений в Северной Германии и блокировки сторонников Карла XII в Молдавии. Основное внимание русской дипломатии переключилось на Запад — там надеялись найти дипломатическую поддержку или благожелательный нейтралитет морских держав, Габсбургов, Франции и новых союзников среди немецких княжеств. В результате Полтавской победы на Вальной Варшавской Раде в 1710 г. был разрешен

вопрос, оставшийся в наследство от XVII в.: республика наконец ратифицировала «вечный мир» 1686 г. и согласилась признать установленные им русско-польские границы.

После снятия шведской угрозы польские верхи не желали присутствия на своей территории ни саксонских, ни русских полков. Потребность в русской военной помощи уменьшилась, и прежняя концепция нейтралитета обрела новую силу.

Русский военный контроль над республикой потеснил и позиции польского короля Августа II, который получил корону из рук Петра I. Центр тяжести внешней политики Саксонии с 1709 г. сместился за рамки Северного союза: Август II, пытаясь превратить польско-саксонскую унию из личной в реальную, искал поддержки Пруссии и Габсбургов в противовес усилившейся России.

Шведский король, после того как его попытки прорваться из Молдавии к Станиславу I были пресечены русскими полками, стоявшими под Карпатами и на Днестре, решил выправить положение османским оружием. Свой политический вес в глазах Стамбула он пытался укрепить путем координации противоречивых планов запорожцев, станиславцев и крымцев. В 1709—1710 гг. последователи К. А. Булавина — донцы, ушедшие на Кубань, посылали к Ф. Орлику и Карлу XII своих представителей, в том числе и сына И. Некрасова. С помощью Франции и сторонников Станислава I, ушедших в Бендеры, «последний викинг» побудил султана двинуть силы «полумесяца» на север. При этом шведская и французская пропаганда использовала фальшивый тезис о намерениях Петра I воссоздать на Балканах Византийскую империю. Двойным ударом, из шведской Померании и Молдавии, Карл XII мечтал вернуть Польшу и затем повторить поход на Москву. Однако оформить союз с Портой Карлу XII не удалось. Османское правительство стремилось локализовать конфликт с Россией и отказалось даже поднять против нее мусульман и ламаистов Восточной Европы. Расчеты шведского короля нельзя признать безошибочными. Надеяться на ревизию Полтавской победы можно было только во взаимодействии с тогдашними великими державами. Карл же отказался соблюдать интересы великих держав в Северной Германии, не признал в отличие от шведского Государственного совета систему «северного нейтралитета» и бросил Лифляндию на произвол судьбы.

Значение польского союзника для России несколько повысилось после объявления Ахмедом III войны в ноябре 1710 г. Турецкое вмешательство вынудило расплыть силы России по нескольким направлениям. Мобилизуя все антитурецкие факторы от Италии и Балкан до Кавказа и Волги, петровская дипломатия пыталась поставить для Речи Посполитой заведомо невыполнимую задачу: подключить Войско Польское к походу на Дунай. Для этой цели использовались дипломатическая обработка посольства М. Воловича (февраль 1711 г.) и русско-польские переговоры в Ярославе (май 1711 г.). Однако если с Августом II удалось

согласовать действия и направить саксонцев в Померанию, где им сулили земельные приращения, то польский партнер выставил встречные претензии: безусловное восстановление польского контроля над Правобережной Украиной, передача завоеванной русскими Лифляндии и удаление всех полков из Польши.

В 1711—1713 гг. польские сенаторы трижды поднимали вопрос относительно участия в разделе дунайских провинций султана. Очередные обещания канцлера Г. И. Головкина о решении лифляндского вопроса и эвакуации русских гарнизонов из-за Днепра после Северной и Турецкой войн не вызвали у них доверия. Таким образом, польские верхи при осознании военной слабости своего государства не потеряли политических перспектив и амбиций. Шляхта, помимо всеобщего нежелания ввязываться в войну с Османской империей, знала по султанским манифестам о намерении воевать только с Россией, и окончательного русско-польского соглашения в преддверии Прутского похода не было достигнуто. В Молдавии вместе с русскими сражалась всего одна наемная польская хоронгва численностью 70 человек. Впрочем, татарские набеги и необходимость не допустить партию С. Лещинского в Польшу заставили республику принять оборонительные меры на границе и даже сообщить русскому командованию (уже после Прутского мира) о посылке части сил на помощь русской армии.

Конфликт с Османской империей не был решен Прутским миром 1711 г. Войска фельдмаршала Б. П. Шереметева, ожидая, что Карл XII на обратном пути в Швецию через Польшу поднимет мятеж, не уходили с коронных земель и не отдавали Азов. Рост напряженности между Москвой и Стамбулом сопровождался усилением тайной работы оппозиции в Речи Посполитой. Затянувшееся пребывание армии Петра I в Польше вместе с обычными для XVII—XVIII вв. нарушениями дисциплины при сборе продовольствия привело к резкому обострению русско-польских отношений в 1712 г. Среди шляхты стала циркулировать идея созыва «посполитого рушения». Саксония втихомолку поддерживала эти настроения. В июле 1712 г. республика односторонне отказалась от «военной» статьи «вечного оборонительного союза» 1704 г. — содержания 12 тыс. вспомогательных войск.

Тем не менее Карлу XII не удалось, как и прежде, сколотить единый антирусский фронт и закрепиться в Польше. Организованный им в 1712 г. рейд в Великопольшу окончился неудачей. Большинство шляхты, памятуя шведский оккупационный режим, отказались выступить против русских вспомогательных войск и не обратились за союзом и помощью к османам, чего опасались русские дипломаты. Сопоставление положения сандомирских конфедератов в 1704—1709 гг., удержавшихся на своих землях, и варшавских конфедератов, эмигрировавших в 1709—1714 гг. в Молдавию, позволяет утверждать, что польское общество начала XVIII в., несмотря на трения с союзником, не видело в России «врага номер один». До открытой войны, как это случилось

в 1715—1717 гг. у поляков с саксонцами, дело не дошло. Все остальные статьи русско-польского союзного договора 1704 г. Речь Посполитая, так же как и Россия, продолжала считать действующими. Разорения, понесенные населением в результате пребывания русской армии на белорусских, украинских и польских землях, не должны скрывать факт, что Россия воспрепятствовала послеполтавскому плану Карла XII восстановить шведскую власть в Польше. Отводя под нажимом султана войска за польские границы, русские дипломаты всего лишь «с удивлением» констатировали польский отказ от военной помощи.

Десант шведского корпуса М. Стенбока в Померанию, третье объявление войны России султаном в ноябре 1712 г. и угроза повторного возникновения двух фронтов заставили русское правительство в отличие от 1711 г. принять оборонительный план на юге: сжигать степь и хлеба на Украине, предусмотреть возможность оставления Киева и подрыва стен Киево-Печерской лавры, но прочно защищать днепровский рубеж. Девлет-Гирею Петр I обещал 1 млн левков (450 тыс. руб.), если тот выдаст Карла XII в его руки.

В 1713 г. Османская империя, использовав сильнейший набег крымцев и ногайцев вплоть до Киева, Пензы и Тамбова, закончившийся угоном в плен до 22 тыс. человек, и главным образом желание царя развязать руки для решения балтийского вопроса, навязала новый Адрианопольский мир, вынудив вывести русские полки из Польши и эвакуировать большую часть казаков и крестьян с правого берега Днепра. Россия, теряя почти десятилетний контроль над Правобережьем (1704—1712/14 гг.) в пользу Речи Посполитой, стремилась воспрепятствовать намерениям турок подчинить его себе. Только благодаря османскому давлению Польша добилась удовлетворения минимума своих претензий к русскому союзнику. Там, где польские запросы не совпадали с турецкими (в Лифляндии), они оказались безрезультатными.

В западной историографии распространено мнение о «смехотворно низкой цене», заплаченной Петром I за освобождение на Пруте. Это не соответствует действительности: Россия вплоть до 1713 г. дорого расплачивалась за прутскую катастрофу. Потеря устья Дона в 1711 г., западного Запорожья и Правобережья в 1712, восточного Запорожья в 1713 г., удобного польского плацдарма, срыв нескольких кампаний в Северной войне с удлинением ее по крайней мере на три года, понижение политического престижа, завоеванного на полях Полтавы, — все это вплоть до запрета Петру I появляться на территории Польши показывает, как близко подошла Турция к вмешательству в Северную войну. В 1713, 1715, 1716 гг. русское правительство вынуждено было предварительно уведомлять своего южного соседа о планируемых маршах через Польшу.

Но турецкие интересы в Средиземноморье и на Балканах, стремление не увязнуть в чуждой политике на Балтике и в некоторой мере изоляционизм и внутренняя неустойчивость не позволили

Османской империи выполнить роль великодержавного арбитра между северными соперниками. Порта ограничилась формальными признаками удаления русского влияния из Польши. Ахмед III не дал гарантий на шведские владения в Померании и Лифляндии, несмотря на упорные четырехлетние попытки Карла XII соединить Северную и Турецкую войны. Более того, турки, раздраженные вмешательством в свои внутренние дела (интриги при дворе султана), зимой 1712/13 г. решили силой выпроводить шведского короля и после стычки сослали его в глубь Фракии.

Если Полтавская победа убедительно доказала возросшую мощь новой абсолютистской России, то после высылки Карла XII для современников стало очевидным падение шведского великодержавия, которое поддерживалось Османской империей в 1709—1712 гг. 1713 год окончательно отнял у шведского короля надежду совершить переворот в Речи Посполитой силами янычар. Конгломерат его польских и украинских сторонников в Молдавии распался, и им стало дирижировать султанское правительство.

Было бы неверно полагать, что реальная программа стамбульского двора состояла в защите «независимости» Речи Посполитой. Восточный кризис не был завершен Адрианопольским миром 1713 г. После унижительного поражения Турции в войне 1683—1699 гг. победа над Россией подняла боевой дух османов и послужила толчком к реваншу против Речи Посполитой и Венеции. Порта, начавшая войну в 1710 г. за «освобождение» Польши, к 1713 г. сменила свою программу на антипольскую. В августе 1713 г. Ахмед III организовал демонстрацию военного похода к Хотину. Он надеялся таким же дипломатическим и военным давлением, которое было применено против России, заполучить коронные земли Украины, обещанные ему Станиславом I, поставить на Правобережье Ф. Орлика, отсечь Польшу от союза с Русским государством, выбить при возможности ее из «Священной лиги» и разорвать польско-саксонскую унию.

Крымский хан не отказывался от мысли добиться от России дани, обещанной устно П. П. Шафировым на Пруте и вторично в Стамбуле (весной 1712 г.). На польское посольство в османской столице оказывались все виды дипломатического воздействия, а на границе держалась наготове турецкая комиссия для нового территориального разграничения на Украине с Россией и Речью Посполитой.

1713 год стал вершиной турецкой опасности для Польши в Северной войне. Реальность повторения осады Каменца-Подольского казалась такой ощутимой, что и Саксония и республика подняли тревогу в Европе. Своего русского партнера они просили неукоснительно соблюдать «вечный русско-польский союз» и держать в боевой готовности армию.

Петровская дипломатия, учитывая продолжающуюся войну в Финляндии и Померании, а также немногочисленность турецкой армии, не считала, что янычары пойдут в глубь коронной Украины

для восстановления Станислава I. По мысли Б. И. Куракина, даже потеря Подолии могла еще больше сблизить республику с Россией. В связи с этим Петр I решил соблюдать мир с Османской империей и оказать полякам только дипломатическую помощь. Русские вооруженные силы должны были вмешаться в турецко-польский конфликт лишь при вторжении шведов или станиславцев со стороны Курляндии, гданьского Поморья или Померании, ибо это не противоречило условиям Адрианопольского договора.

Польский король перебросил саксонские войска из Западной Европы в Польшу, начал переговоры с Францией и под предлогом турецкой опасности еще раз попытался провести в жизнь свои абсолютистские планы. Во время тайных контактов с турками Веттин намекал на возможность заключения польско-турецкого союза, а хан Каплан-Гирей предложил организовать примирение Августа II с Карлом XII на османских землях вместо Брауншвейгского конгресса. Все это вызвало резкий протест русской дипломатии.

Опасность с юга и произвол саксонской армии в Польше привели к русско-польскому сближению и к крайнему обострению польско-саксонских отношений. Если из-за конфликта с Османской империей Россия потеряла большие территории на Украине, Саксония — возможность приобретения Померании, то слабая Речь Посполитая вышла без потерь из восточного кризиса. Порта удовлетворилась обещанием республики соблюдать свой собственный суверенитет по отношению к России. Здесь сказались намерения султана сыграть на противоречиях России с Саксонией и Речью Посполитой и надежда на восстановление традиционного русско-польского антагонизма.

К 1713—1714 гг. Османская империя, считая конфликт с Россией и Речью Посполитой в основном улаженным, сочла целесообразным освободиться от всех элементов, содействующих турецко-русско-польской напряженности. Карл XII, Станислав I, станиславцы и запорожцы были удалены за пределы османских границ.

С этого же времени в связи с сепаратной политикой Августа II и военными операциями саксонцев против Тарноградской конфедерации в 1715—1717 гг. русская дипломатия перешла к игре на противоречиях между королем и республикой, используя выгодное положение посредника.

Исключительное влияние России в Речи Посполитой, потеснившее там влияние других держав и проводившееся с помощью лиц, ориентировавшихся на поддержку из России, не было самоцелью. Поле деятельности Петра I не ограничивалось Восточной и Северной Европой — царь мечтал вывести Россию вслед за Англией, Голландией и Францией на просторы Мирового океана. Польша в этих условиях становилась тыловой базой, связывавшей балтийскую и черноморскую проблемы. Согласие царя на прусский проект присоединения Вармии и гданьского Поморья к Бранденбургу-Пруссии было вызвано турецким кризи-

сом 1711 г. и надеждой на военную помощь прусского короля против Швеции. Московский двор не отвергал возможности утверждения своей власти на Правобережной Украине, учитывая антипольские настроения правобережного казачества, но в целом русско-польский спор по украинскому вопросу отходил в тень на фоне борьбы за выход к Балтике и русско-польских союзных отношений. После того как Порта вытеснила русское влияние с Правобережья, Россия была заинтересована оставить его за Речью Посполитой, а не Османской империей. Польского партнера пытались мобилизовать против Турции и Швеции, ставя ему порой невыполнимые задачи.

Романовы, подобно Габсбургам, османам и шведам, не считали выгодным соглашаться на абсолютистские преобразования в Польше за цену разделов польских земель. Правительство Петра I предпочитало тогда сохранять свое исключительное влияние на всей территории Речи Посполитой. Чтобы убедиться в справедливости этого, достаточно представить себе последствия, которые могли бы произойти, если бы весь дипломатический натиск и все вооруженные силы новой России, штурмовавшие шведский барьер, были бы брошены против шляхетской республики. Вслед за ликвидацией турецкой опасности русская дипломатия сочла нецелесообразным покупать участие Пруссии в Северной войне за польский Эльблонг и гданьское Поморье. Возможность пожизни для нее была указана в шведской Померании. Был отклонен и проект восстановления в Ливонии бывшего противника Польши и Великого княжества Литовского — Тевтонского ордена.

При рассмотрении проблем Северной войны нельзя игнорировать русско-польский союз, заключенный в 1704 г. Этот союз сыграл свою положительную роль как до, так и после Полтавской битвы, несмотря на противоречия и неравенство сил партнеров. Попытки дипломатии Швеции, Франции и Турции возродить русско-польскую вражду потерпели неудачу. Большинство польского общества осталось на стороне России. Польский союзник внес определенный вклад в успешный ход Северной войны. Речь Посполитая не стала соединяющим звеном для Швеции и Османской империи, к 1714 г. республика вышла целостной из самой разрушительной из всех пережитых ею с середины XV по середину XVIII в. войн и формально оказалась даже среди держав-победительниц в 1721 г. Русско-польское сближение, начавшееся со второй трети XVII в., переросло в боевое и политическое сотрудничество в первой половине Северной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Mediger W.* Russland und die Ostsee im 18. Jahrhundert // Der Ostseeraum im Blickfeld der deutschen Geschichte. Köln; Wien, 1970. S. 143.
- ² *Lewitter L. R.* Russia, Poland and the Baltic, 1697—1721 // Hist. J. Cambridge, 1968. Vol. 11, N 1. P. 7.
- ³ *Wójcik Z.* Międzynarodowe położenie Rzeczypospolitej // Polska XVII w. W-wa, 1969. S. 13, 49; *Konopczyński W.* Karl XII och Polen // KFA. 1924. S. 56. «...Польша была вытолкнута Россией и пресловутым развратником Августом II... на передний план заговора, подписав этим смертный приговор себе и даже не выговорив привилегии, обещанной Полифемом Одиссею — быть сохранный последней» (*Marx K.* Secret diplomacy of the 18th century. L., 1899. P. 25).
- ⁴ *Gierowski J., Leszczyński J.* Dyplomacja polska w dobie unii personalnej polsko-saskiej // Polska służba dyplomatyczna XVI—XVII wieku. W-wa, 1966. S. 402.
- ⁵ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России. 2-изд. М., 1838. Т. 45.
- ⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1962—1963. Кн. 9.
- ⁷ *Устрялов Н. Г.* Петр Великий в Жолкве // Древняя и новая Россия. М., 1876. Т. 1. С. 5—11; *Жукович П. Н.* Полтавская битва и Польша // ЖМНП. СПб., 1909. Июнь. С. 380—385; *Мышлаевский А. З.* Россия и Турция перед Прутским походом // Воен. сб. 1901. № 1. С. 1—35; № 2. С. 1—52.
- ⁸ *Некрасов Г. А.* Международное признание российского великодержавия в XVIII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *Он же.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1736 гг. М., 1964; *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950; *Он же.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959; *Он же.* Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 9—39; *Крылова Т. К.* Внешняя политика России после Полтавы, 1709—1710 // Полтава. М., 1959. С. 156—178; *Она же.* «Великий союз» и Россия // Ист. зап. М., 1942. Т. 13. С. 84—129; *Она же.* Полтавская победа и русская дипломатия // Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 104; *Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию // Соч. М., 1959. Т. 10; *Фейгина С. А.* Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.
- ⁹ *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. // Сост. С. Ф. Орешкова. М., 1985.
- ¹⁰ *Королюк В. Д.* Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1948. Т. 1—4. Этот труд был опубликован в издании: Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1951—1954. Т. 3—10.
- ¹¹ *Глаголева А. П.* Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы // Крат. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. 1955. Т. 14. С. 14—25.
- ¹² *Крылова Т. К.* Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710—1713 гг. // Там же. М., 1964. Т. 42. С. 3—17.
- ¹³ *Артамонов В. А.* Русско-польский союз в кампании 1708—1709 гг. // Сов. славяноведение. 1972. № 4. С. 42—55; *Он же.* Русско-польские отношения на Вальной раде 1710 г. // Там же. 1974. № 2. С. 25—31.
- ¹⁴ Среди прочих политика Крымского ханства, не всегда совпадавшая с политикой Стамбула. См.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения... С. 138—187.
- ¹⁵ *Возрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.
- ¹⁶ *Костомаров Н. И.* Мазепа и мазепинцы // Собр. соч.: В 21 т. СПб., 1905. Т. 16.

- С. 379—791; *Грушевський М. С.* Шведсько-український союз 1708 г. // ЗНТШ. Львів, 1909. Т. 92. С. 7—20; *Он же.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.
- ¹⁷ *Томашівський С.* Угорщина і Польща на початку XVIII в. // ЗНТШ. Львів, 1908. Т. 83.
- ¹⁸ *Оглоблін О.* До Історії української політичної думки на початку XVIII в. // Зап. наук. іст. філол. відділу Всеукр. АН Київ, 1928. Кн. 19; *Андрусак М.* Зв'язки Мазепи з Станіславом Лещинським і Карлом XII // ЗНТШ. Львів, 1931. Т. 152.
- ¹⁹ *Джиджора І.* Економічна політика російського правительства супроти України в 1710—1730 рр. Львів, 1911.
- ²⁰ *Борщак І.* Мазепа Людина й історичний діяч // ЗНТШ. Львів, 1933. Т. 152, вып. 1. С. 1—28.
- ²¹ *Олійників Л.* Операції Карла XII на терені України (1708—1709 рр.). Каліш; Київ, 1924.
- ²² *Doroschenko D.* Die Ukraine und das Reich. Leipzig, 1941
- ²³ *Шутой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII, 1700—1709 гг. М., 1958; *Он же.* Позиция Турции в 1700—1709 гг. // Полтавская победа. М., 1959. С. 103—162; *Он же.* Казачий предводитель С. Палий // Вопр. истории. 1972. № 1. С. 125—136.
- ²⁴ *Дядиченко В. И.* Антифеодальные повстанья в России и на Украине в XVII—XVIII ст. Київ, 1954; *Сергієнко Г. Я.* Визвольний рух на Правобережній Україні в кінці XVII і на початку XVIII ст. Київ, 1963.
- ²⁵ *Konopczyński W.* Polska a Szwecja, 1660—1795. W-wa, 1924; *Idem.* Polska a Turcja, 1683—1792. W-wa, 1936; *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia, 1709—1714. Kraków, 1926.
- ²⁶ *Korzon T.* Historia Polski. Kijow, 1918.
- ²⁷ *Геровский Ю. А.* Польша и победа под Полтавой // Полтавская победа. С. 13—70; *Он же.* Польша среди европейских государств в XVI—XVIII вв. // Вопр. истории. 1977. № 12. С. 135—147; *Gierowski J.* Między saskim absolutyzmem a złotą wolnością, 1712—1715 гг. Wrocław etc., 1953; *Idem.* Traktat przyjaźni Polski z Francją, w roku 1714. W-wa, 1965; *Gierowski J., Leszczyński J.* Dyplomacja polska. . . S. 369—430; *Gierowski J., Kamiński A.* The eclipse of Poland // The new Cambridge modern history. Cambridge, 1970. Vol. 6. P. 681—715; *Gierowski J.* W cieniu Ligi Północnej. Wrocław etc. 1971.
- ²⁸ *Kamiński A.* Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzki 1706—1709 rr. Wrocław etc., 1969.
- ²⁹ *Gierowski J.* Polska, Saksonia i plany absolutystyczne Augusta II // Polska w epoce Oświecenia. W-wa, 1972. S. 60—104.
- ³⁰ *Olśzewski H.* Doktryny prawnoustrojowe czasów saskich, 1697—1740. W-wa, 1961; *Idem.* Ustrój polityczny Rzeczypospolitej // Polska XVII wieku: Państwo, społeczeństwo, kultura. W-wa, 1969.
- ³¹ *Wimmer J.* Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny Północnej 1700—1714 rr. W-wa, 1956.
- ³² *Um die polnische Krone: Sachsen und Polen während des Nordischen Krieges, 1700—1721.* B., 1962.
- ³³ *Kamiński A.* Konfederacja Sandomierska. . . S. 144; *Perdenia J.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII—XVIII ww. Wrocław etc., 1963. S. 230.
- ³⁴ *Gurlitt C.* August der Starke. Dresden, 1924. Bd. 1—2; *Droysen J. G.* Friedrich I, König von Preussen. Leipzig, 1867.
- ³⁵ *Haintz O.* König Karl XII von Schweden. B., 1958. Bd. 1—3.
- ³⁶ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen, Russland und Schweden. München, 1953.
- ³⁷ *Wittram R.* Reter i, Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. 1—2.
- ³⁸ *Herlitz N.* Den polska frågan, 1708—1709 // KFA. 1914. S. 149—175; *Hjarne H.* Karl XII från europeisk synpunkt // KFA. 1919. S. 14; *Stavenov L.* Karl XII och det svenska stormaktsväldet // KFA. 1919. S. 19—32; *Stille A.* Karl XII: Tvåhundraårsminnet af Karl XII: s död // KFA. 1919. S. 39, 42.
- ³⁹ *Karl XII på slagfältet.* Stockholm, 1918. T. 1—4.
- ⁴⁰ *Hildebrand K. G.* Ekonomiska syften i svensk expansionspolitik, 1700—1709 // Historia kring Karl XII. Stockholm, 1964. S. 43—64.

- ⁴¹ *Åberg A.* I karolinerna spår. Stockholm, 1959; *Idem.* Karolinerna och Österlandet. Stockholm, 1967. S. 9.
- ⁴² *Villius H.* Karl XII: s ryska fälttåg. Lund, 1951; *Haverling S.* Huvuddrag i svensk och antisvensk propaganda i Västeuropa på 1710—talet // KFA. 1952. S. 80—100.
- ⁴³ *Nilsson S. A.* De svensk-turkiska förbindelserna före Poltava // Scandia. 1953—1954. Bd. 22, H. 2. S. 113—163; *Tendberg E.* Karl XII och Ryssland // Hist. ark. 1958. N 7.
- ⁴⁴ *Floden A.* Kontribution och revision under Stora nordiska kriget // KFA. 1962. S. 174; *Jonasson G.* Karl XII och hans rådgivare. Uppsala, 1960. S. 259.
- ⁴⁵ *Ahlström W.* Arvid Horh och Karl XII. Lund, 1959; *Arteus G.* Krigsteori och historisk förklaring. Uppsala, 1970; *Bonnesen S.* Jan Sapeha // KFA. 1954. S. 127—187; *Rosen J.* Den svenska utrikespolitikens historia, 1697—1721. Stockholm, 1952. Bd. II:1. *Tengberg E.* Från Poltava till Bender. Lund, 1953.
- ⁴⁶ *Grauers S.* Ett turkiskt forskningsbidrag om Karl XII i Turkiet åren, 1709—1714 // KFA. 1954. S. 104—120; *Idem.* Karl XII:s personlighet // KFA. 1969. S. 146; *Waller S. M.* Den svenska huvudarmens styrka år 1707 // KFA. 1957. S. 91—116.

Глава первая

- ¹ *Olszewski H.* Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii, 1652—1763: Prawo—praktyka—teoria—programy. Poznań, 1966. S. 54.
- ² *Gierowski J., Leszczyński J.* Dyplomacja polska w dobie unii personalnej polsko-saskiej // Polska służba dyplomatyczna XVI.XVIII wieku. W-wa, 1966. S. 320, 392.
- ³ Интересная деталь: в первых десятилетиях XVIII в. польский язык еще оставался дипломатическим языком в Восточной Европе наряду с латынью, французским и немецким. На польском языке составлялась значительная часть писем французских послов в Варшаве и турецкой администрации в Москве. На польском языке писали в Варшаву молдавские господа и венгерские аристократы. Часть дипломатической переписки России с Австрией, Крымом и Молдавией тоже велась по-польски.
- ⁴ «Польша была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы на Русь: западноевропейская цивилизация в XVII в. приходила в Москву прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде» (*Ключевский В. О.* Соч.: В 8 т. М., 1957. Т. 3. С. 275).
- ⁵ Подробнее о событиях 1708—1709 гг. см.: *Артамонов В. А.* Русско-польский союз в кампании 1708—1709 гг. // Сов. славяноведение. 1972. № 4. С. 44—55.
- ⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 683; Т. 8. С. 808—809; ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 23. Л. 121—126, 184—186 об.; Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 6— Л. 116—117.
- ⁷ В 1707 г. Е. И. Украинцев добивался присяги лично Петру I (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 30. Л. 39, 63).
- ⁸ История Швеции. М., 1974. С. 278, 287.
- ⁹ *Геровский Ю. А.* Польша и победа под Полтавой // Полтавская победа. М., 1959. С. 69; Донесение А. И. Дашкова от 5 апреля 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 6. Л. 229.
- ¹⁰ Е. Сенявская — Петру I от 21 июля н. ст. 1709 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 7. Л. 60, 70, 81.
- ¹¹ Там же. Д. 8. Л. 109; Д. 28. Л. 135.
- ¹² *Остерман А. И.* Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя А. Д. Меншикова // Сын Отечества. 1848. Кн. 5. С. 19.
- ¹³ Г. И. Головкин писал П. А. Толстому 11 июля 1709 г.: «Уповаем, что или Август придет из Саксонии в Польшу по-прежнему, чего больше уповаем, или нового короля оберут» (ППВ. М.; Л., 1952. Т. 9. С. 1074). В таком же смысле высказывался 26 мая 1709 г. А. А. Матвеев: «Я приемлю себе свободу вашему превосходительству донести, ежели из всех последующих ведомостей и доносов из Саксонии вам никакая надежда вскоре о его Августове повороте по таким долговременным переменам увидится, — не способнее ли от стороны его царского величества иные меры к избранию в Польшу нового короля приять из урожденных фамилий того королевства, которая особа при всех верностях при нынешних

- конъюнктурах войны... себя подала?» (ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1709 г. Д. 3. Л. 154).
- ¹⁴ *Otwinowski E. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696 do 1728. Kraków, 1849. S. 150; Feldman J. Polska a sprawa wschodnia 1709—1714 гг. Kraków, 1926. S. 6.*
- ¹⁵ Табель кавалерии и инфантерии в Польше в сентябре 1709 г. // Каб. П. В. Отд. П. Кн. 10. Л. 593.
- ¹⁶ А. Д. Меншиков киевскому митрополиту Иоасафу Круковскому от 10 августа 1710 г. писал из Полонного: «...пришлите ко мне отца наместника Михайловского монастыря игумена, дабы мы в сие благополучное время оное благое дело совершить и нашу православную христианскую веру розширить, треклятую же унею, яко суть погубельную, весьма разорить» (ЦГАДА. Ф. 11. Оп. 1. 1711 г. Д. 51. Л. 51).
- ¹⁷ АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 5. Л. 144, 173—176.
- ¹⁸ А. И. Ушаков — А. Д. Меншикову от 1 октября 1709 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 12. Д. 121. Л. 1—2.
- ¹⁹ *Wimmer J. Wojsko Rzeszypo spolitej w dobie Wojny północnej, 1700—1714 гг. W-wa, 1956. S. 343.*
- ²⁰ Поражение под Одолянувом стало одним из пунктов обвинения во время суда над Г. Гольцем в 1710 г. Е. П. Подъяпольская писала, что сведений о сражении не найдено (ППВ. М., 1956. Т. 10. С. 575). Однако подробную подборку документов о нем см.: АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 13. Д. 125, 128, 136. См. также разбор дела по свидетельским показаниям офицеров (ЦГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 446—449) в «Истории Свейской войны» (Рукопись. Л. 239 об.) вопреки показаниям очевидцев написано, что «авангардия» Гольца билась несколько часов, после чего Потоцкий «ретировался» к сilesким границам. См. подробнее: *Artamonow W. A. Zwycięstwo poltawskie i unia polsko-saska // Sobótka. 1982. N 3/4. S. 407—408.*
- ²¹ ППВ. М.; Л., 1952. Т. 9. С. 1299, 1300.
- ²² АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 12. Д. 105. Л. 1—2; Д. 113. Л. 1—2.
- ²³ Там же. Д. 162. Л. 1—2; Д. 164. Л. 1—2.
- ²⁴ В России считали, что подписавший договор русский представитель И. М. фон дер Лит исходил из личных интересов. См.: Г. Ф. Долгорукий — В. Л. Долгорукому от 14 сентября 1709 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 67. Л. 61. Текст опубликован в ППВ (М., 1950. Вып. 1. С. 400—403).
- ²⁵ «Егда от неприятеля больше или меньше опасения будет, имеет сей корпус по соизволению обоих величеств убавлен и умножен быть» (Там же. С. 402).
- ²⁷ Учет интересов «Великого союза» оказался выгодным и для северных союзников. «Великий союз» обещал защиту датских, саксонских и польских земель от шведского нападения, но не гарантировал защиту Финляндии и Прибалтики, где можно было воевать России.
- ²⁸ Антишведский договор с Данией был заключен 11 октября 1709 г. русским послом в Копенгагене В. Л. Долгоруким почти одновременно с Торуньским договором.
- ²⁹ Сравни со статьями Преображенского (1699 г.) договора относительно власти короля в Польше.
- ³⁰ *Mienicki R. Dyarjusz Walnej Rady Warszawskiej z r. 1710. Wilna, 1928. S. 188, 261, 277.*
- ³¹ См. также: *Артамонов В. А. Русско-польские отношения на Вальной Раде 1710 г. // Сов. славяноведение. 1974. № 2. С. 25—31.*
- ³² На Раде многие послы жаловались на свои и саксонские войска: «В эти несчастные годы умножились дивизии, которые ходят от воеводства к воеводству и берут тяжелые контрибуции наподобие чужих наций... пустошат, грабят, насилуют и избивают бедную шляхту. Находились и такие сенаторы и шляхтичи, которые... приватно ездили за войсками и грабили население». Минское воеводство требовало наказать виновных польских татар-липков, которые почти все были на стороне шведов и особенно отличались в грабежах (*Mienicki R. Dyarjusz... S. 17, 20, 28, 89, 129, 392, 307, 264*). В Плоцком воеводстве шляхта хотела даже «сесть на коня» против жолнэров-грабителей Л. Поцея, Я. Рыбиньского и Черминьского (*Otwinowski E. Op. cit. S. 149*).
- ³³ *Wittram R. Peter I, Czar und Kaiser: In 2 Bd. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 324.*
- ³⁴ *Grauers S. Den karolinska fälthärens underhåll 1704—1707 // KFA. 1969. S. 30.*

- ³⁵ «... Все московские жестокости, продолжавшиеся полтора года, совершались под начальством немецких офицеров. Русские были более сдержанными» (*Otwiowski E.* Op. cit. S. 168). «Безмерно мне труд от жалобщиков на наших людей, а наипаче на иноземцов — так отзывался об иностранных офицерах Г. Ф. Долгорукий в 1709 г. А. Н. Сенявский характеризовал немецких офицеров в русском корпусе Г. Гольца: «Эти господа с природы своей паче шведы, нежели когда б в Стокгольме народились» (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 8. Л. 77). Я. В. Полонский осенью 1710 г. жаловался А. Д. Меншикову, что за собранные в Польше деньги можно было купить для армии и лошадей и мундиры, но офицеры «справляли свои интересы, а не государя» (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 14, Д. 233а. Л. 1—2). Он же писал, что генералы Янус фон Эберштедт, Кулюмбах, Ностиц, Пфлуг берут «с дыму по 78 тынфов» (Там же. Л. 2).
- ³⁶ Г. Ф. Долгорукий — Г. И. Головкину 19 февраля 1710 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
- ³⁷ *Остерман А. И.* Указ. соч. Кн. 5. С. 25.
- ³⁸ Инструкция Г. Ф. Долгорукому, октябрь 1709 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1709 г. Д. 63. Л. 9.
- ³⁹ Г. Ф. Долгорукий — Г. И. Головкину 10 февраля 1710 г. // Там же. 1710 г. Д. 7. Л. 11.
- ¹⁰ «И говорили о том с великим шумом и ни до каких дел приступать не хотели» (Г. Ф. Долгорукий — Г. И. Головкину // Там же. Л. 15—16).
- ⁴¹ Такие излишне тревожные сообщения Г. Ф. Долгорукого были вызваны его неуверенностью в твердой прорусской позиции шляхты: «Извольте ко мне отписать, есть ли какая надежда от Порты, понеже как в поляках, так и во всех здесь я немного надеюсь, что изволите сие престоерегать и неусыпное иметь око, о чем здесь частые противные ведомости распространяются» (Там же. Л. 19).
- ⁴² ЦГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 392.

Глава вторая

- ¹ П. А. Толстой — Г. И. Головкину 7 октября 1709 г. // ЦГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91. доп. Л. 395.
- ² Сообщение переводчика М. Нейгебауера Ж. Б. Савари — П. А. Толстому // Там же. Л. 408; Каб. П. В. Отд. II. Кн. 12. Л. 155 об. По фантастическим сведениям С. Л. Владиславича от его агентов из Стамбула, за шведско-турецкий союз Карл XII якобы обещал выставить армию в 50 тыс. человек, выплатить 1 млн ефимков субсидии, предоставить две трети всего завоеванного в России, Речи Посполитой и Венгрии султану и гарантировать ему дань с Польши и Украины. См.: Там же. Отд. I. Кн. 13. Л. 109; Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 415.
- ³ М. Каретта — Петру I из Вены 14 апреля 1713 г.: «Господин Толстой дал мне комиссию... о Потоцком... и вашему величеству тогда о той донесено. И она не успела по намерению вашего величества, потому что оной Потоцкой имел верного слугу, которой его пожалел» (ЦГАДА. Ф. 41. Оп. 1. 1713 г. Д. 2. Л. 31—32, 43—45). О попытке отравления Толстым Понятовского и Потоцкого см. также: *Kantecki K.* Stanisław Poniatowski, kasztelan krakowski, ojciec Stanisława Augusta. Poznań, 1880. Т. 1. С. 44—46. В 1705 г. П. А. Толстой писал Г. И. Головкину, что сотрудники посольства начали понимать турецкий язык и появилась возможность перехода некоторых из них в ислам, который «привлекателен для маломыслящих». Одного сотрудника пришлось отравить вином, ибо ренегаты могут раскрыть разведывательную сеть русского посольства на Балканах (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1705 г. Д. 3. Л. 42—44. См. также: *Понятовский С.* Записки сподвижника Карла XII // Журн. Рус. воен.-ист. о-ва. 1910. Кн. 2. С. 54.
- ⁴ И. И. Скоропадский — Г. И. Головкину на основе донесений своей разведки, лето 1710 г. // ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1710 г. Д. 3. Л. 23.
- Копия письма Юсуф-паши — А. Н. Сенявскому, включенная в письмо Сенявского Петру I 25 августа 1710 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1710 г. Д. 3. Л. 4; Д. 6. Л. 27.
- ⁶ *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Ист. зап. М., 1941. Т. 10. С. 268; *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 81—83.
- ⁷ «Список со учиненного согласия между Портою и шведским королем, которое шведы вменяют за союз», присланный П. П. Шафирову от Ж. Б. Савари

12 августа 1712 г.: «Понеже де король швецкой в наш Оттоманской двор и землю пришел и в наше вспоможение себя вручил, и тако мы за него вступаемся. И суть сие настоящие иждивения и война для его покою токмо учинены. И когда Бог даст, что мы с Московю мир сочинить имеем, и тако будем мы как мир сочинять, так и войну отправлять единокупно и обще с ним. И пока от его королевского величества дружба содержана будет, до тех мест и мы в том постоянны будем». В 1712 г. турки, по словам того же Савари, «о договоре или согласии не хотят ни слышать, ни давать» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 584, 586 об.—587 об., 759, 759 об.; Д. 6. Л. 444, 702—704).

⁸ *Fabrice F. E. Zuverlässige Geschichte Karl des Zwölften. Hamburg, 1759. S. 200.*

⁹ «Все министры Порты генерально говорят, что король Август войны против турков отнюдь не намеряет зачать, но еще и обещается вспомогать им как в свободном проезде короля шведского, так и в иных случаях», — сообщал Л. Барка Г. И. Головкину 3 июля 1711 г. (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 13. Л. 26, 26 об.).

¹⁰ Там же. Л. 28—29; *Sutton R. The despatches of sir Robert Sutton. L., 1953. P. 37, 220.*

¹¹ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 12. Л. 174. На флоте было 150 французов, несколько шведских офицеров и инженеров осадного дела.

¹² П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину, 20 апреля 1711 г. // Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 г. СПб., 1898. С. 37, 76.

¹³ *Lemercier-Quelquejay Ch. Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire Russe et l'Empire Ottoman sous le règne de Pierre le Grand // Cah. monde russe et sov. P., 1966. N 1. P. 71, 75—76.* О посольстве Пехлеван Кули-бея писал: *Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1831. Bd. 7. S. 153.* См. также: Письмо Р. Сэттона — лорду Сандерленду из Стамбула, 13 мая 1710 г. // *Sutton R. Op. cit. P. 14.*

¹⁴ П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 24 июля 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 275, 275 об.

¹⁵ *Мышлаевский А. З. С. 88.*

¹⁶ В начале 1711 г. в Казани пленный саксонец раскрыл заговор шведов и немцев, хотевших якобы овладеть городом. На допросах выяснились их связи с казанскими и астраханскими татарами. См.: Донесение Г. В. Велчка из Москвы 14 марта 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 13. Л. 193, 211.

¹⁷ *Karl XII på slagfältet. Stockholm, 1919. T. 4. S. 884.*

¹⁸ *Ahlström W. Arvid Horn och Karl XII. Lund, 1959; Lundström D. Magnus Stenbock i Stockholm, 1712. Lund, 1959. S. 11.*

¹⁹ К. Фейф — С. Лагербергу 25 июня 1711 г. из Бендер: «Пришлите как бы от себя 300 шаг и пистолетов со всей амуницией и седлами, а также несколько мушкетов, так как его королевское величество не желает, чтобы я писал о том, что нуждаемся в самом необходимом» — НН. Д. 2. С. 199.

²⁰ Ф. Ф. Шидловский — Ф. М. Апраксину 19 ноября 1710 г. // Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 32. «Простые шведы для поиска своих поживлений принуждены у турков вместо метрес употребляться. В мою бытность я сам видел, что два шведа за тот труд по указу королевскому разстрелены» (Экстракт из письма подполковника Пицца ис Царяграда августа 8 дня 1712 // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 5. Л. 268).

²¹ Шведские военнопленные, работавшие на Украине и на воронежских верфях, были предусмотрительно отосланы в Сибирь, и после набега Девлет-Гирея в 1711 г. шведам удалось получить всего 32 человека (НН. С. 152, 160, 190—192). Таким образом, медаль, выбитая в память пребывания Карла XII в Турции, представляющая отдыхающего и набирающегося сил льва под излучением полумесяца, явно приукрашивала его состояние.

²² Совместные удары Швеции и Крымского ханства по России предусматривались в 1556, 1579, 1630, 1637, 1650 и другие годы (*Возерин В. Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI—XVIII вв. в архиве ЛОИИ СССР // Вспомогательные и исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 320—322.*

²³ НН. С. 138.

^{23а} Мемориал Ф. Орлика // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 4. 1712 г. Д. 3. Л. 12.

²⁴ *Puncta compendiosa cum Nano Dominaque Crimensi ad pacta convenienda // ЧОИДР. 1847. № 1. С. 44—47.*

- ²⁵ В 1713 г. С. Лещинский, возможно, обещал Ф. Орлику, что если снова овладеет польской короной, то утвердит его гетманом на Левобережной Украине («Повесть» Петра Медяновского, бывшего сотника Полтавского полка, посланного от атамана Войска Запорожского К. Гордиенко к Б. П. Шереметеву в 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 6. Л. 4 об.; *Pacta conventa inter Dominium Crimense et Exercitum zaporoviensum* // ЧОИДР. 1847, № 1. С. 47—50; 1859, № 1. С. 241).
- ²⁶ Порта, как и в XVII в., не стремилась к непосредственному включению Украины в состав Османской империи (преобразованию в санджак). Такие буферные зоны, облегчавшие отношения с соседями, были сохранены на многих окраинах: Трансильвания и Валахия на границах с Габсбургами, Молдавия — с Речью Посполитой, Крымское ханство — с Россией, Алжир на границах с испанскими владениями. Присоединение захваченной у Польши в 1672 г. Подолии непосредственно к Турции, а не Крымскому ханству вызвало недовольство в Бахчисарае.
- ²⁷ *Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в.* // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. С. 124, 125, 129.
- ²⁸ Д. М. Голицын — Г. И. Головкину на основе данных от перебежчиков-запорожцев 30 ноября 1709 г. из Киева // ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 6. Л. 263—263а; И. И. Скоропадский — Г. И. Головкину летом 1710 г.: «Единомыслики по оставшемся от проклятого изменника Мазепы обрали з межи себе в Бендеру на гетманство Орлика, от которого послано з Доровцем до Черек и Кубани, зтягаючи к своему злому единомыслию орду и Некрасова, который при погибельному сыну Булавину в бунтах на Дону зостаючи, туда ж ухилился» (ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1710 г. Д. 3. Л. 33).
- ²⁹ Д. М. Голицын — Г. И. Головкину 21 августа 1710 г. на основе донесений браславского полковника Ивана Григораша // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 12. Л. 50—51, 62 об.
- ³⁰ И. И. Скоропадский — Г. И. Головкину, лето 1710 г. // ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1710 г. Д. 3. Л. 10, 14.
- ³¹ Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 5—12, 304; Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 1.
- ³² *Weismantell E. H. Weismantells dagbok. Stockholm, 1928. S. 85.*
- ³³ *Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 225—227.*
- ³⁴ *Litterae universales a parte tartarorum* // ЧОИДР. 1847. № 1. С. 36—38. «Прелестные письма» Ф. Орлика и Карла XII распространились на Украине вплоть до Переяславского полка.
- ³⁵ *Weismantell E. H. Op. cit. S. 89, 90.*
- ³⁶ Ф. Орлик — Девлет-Гирею // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 4. 1711—12 гг. Д. 3. Л. 1—18; ППВ. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 216.
- ³⁷ *Мышлаевский А. З. Указ. соч. С. 90, 91; ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 477—478; Шидловский С. П. Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696—1727 гг. СПб., 1896. С. 38—50; Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 5—20, 337; ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 1, 1 об.*
- ³⁸ Указ царя о роспуске жен из Глухова «в дома свои» после возвращения И. И. Скоропадского из похода последовал 3 и 25 августа (ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1700 г. Д. 15. Л. 13; Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 9. Л. 17). История с женами старшин повторилась в 1712 и 1713 гг. См. также письмо Д. М. Голицына А. Д. Меншикову из Карачева 13 декабря 1710 г.: «Для нынешних причин... не вовсе надобно верить гетману, понеже в малороссийском народе и преж сего не без шатости было и ныне кому верить, Бог весть» (АЛЮИИ. Ф. 83. Оп. 1. 1711 г. Карт. 14. Д. 201. Л. 1; Ф. 115. Оп. 1. Д. 334. Л. 89—92).
- ³⁹ *Litterae ad regem sueciae ducis Orlik* // ЧОИДР. 1847. № 1. С. 38, 42; *Quennerstedt A. Vid Prut* // KFA, 1910. Lund, 1911. S. 168.
- ⁴⁰ Карл XII — С. Лагербергу 22 апреля 1711 г. (НН. S. 162—163).
- ⁴¹ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 17. Л. 14 об., 494.
- ⁴² *Weismantell E. H. Op. cit. S. 89—90, 92.*
- ⁴³ В ППВ (Т. 11, вып. 1. С. 389—399) напечатаны только ответы русского правительства на статьи М. Волочича. Все материалы о посольстве компактно собраны в двух делах (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 24 и 25), что позволяет уменьшить количество сносок по данной теме.

- ⁴⁴ Пошли навстречу пожеланию польского посла сажать сопровождавшего его адмирала Ф. М. Апраксина не рядом в карете, а напротив. Однако престижность уступки снизили тем, что вместо Ф. М. Апраксина посадили сенатора М. М. Самарина. В выходе русских министров на Красное крыльцо Грановитой палаты тоже было отказано.
- ⁴⁵ В частных разговорах с австрийским посланником Г. В. Велчком М. Волович говорил, что о войне Польши не может быть и речи, после чего Велчек сделал вывод, что без выученной польской кавалерии русская армия с драгунами, падающими с лошадей во время боя, не сможет воевать. См.: Донесение Г. В. Велчка из Москвы 28 февраля 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 13. Л. 76, 86.
- ⁴⁶ *Gierowski J., Leszczyński J.* Dyplomacja polska w dobie unii personalnej polsko-saskiej // *Polska służba dyplomatyczna XVI—XVII wieku.* W-wa, 1966. S. 425.
- ⁴⁷ Позже польские претензии на Лифляндию стали постоянным доводом России против уступки ее лично Августу II (ППВ. М.; Л., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 1218; *Wittram R. Peter I., Szał und Kaiser:* In 2 Bd. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 336).
- ⁴⁸ «Чтоб во онаы введены были гарнизоны и коменданты верные и надежные и отобраны были не на тех подозрительных владетелей, но пребывали бы во власти Речи Посполитой до окончания шведской и турецкой войны» (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 24. Л. 300).
- ⁴⁹ 19 марта 1711 г. Д. М. Голицын написал белоцерковскому полковнику А. Танскому: «О Белой Церкви не имейте [со]мнения, но в верности к его царскому величеству пребывайте» (ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 5. 1711 г. Д. 47. Л. 1).
- ⁵⁰ За Шидловским проглядывалась рука «полудержавного властелина». Шидловский оповещал шляхту, что А. Д. Меншиков взял села и деревни по р. Ипать в свое владение, и обещал всем переселившимся туда льготы на 10 лет. См. также: ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 476—477.
- ⁵¹ *Шидловский С. П.* Материалы. . . С. 131—133; ППВ. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 29, 30; А. И. Ушаков — Петру I из Горок // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 1014; Кн. 14. Л. 215.
- ⁵² Послы просили освободить жену С. Понятовского, епископа Жабокрицкого, покушавшегося на Петра I. В освобождении их, а также в выпуске из плена жолнѣров гарнизона Быховской крепости, посланных на службу в Азов, было отказано. В 1711 г. вернули 24 пушки из Могилева; 29 пушек из Быхова оставили «как трофейные» (ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 6. Л. 10).
- ⁵³ Дополнительно вернули несколько пушек из Москвы и Смоленска, но розыск остальных затянулся.
- ⁵⁴ Туда же съехались вождь венгерского освободительного движения 1703—1711 гг. Ференц II Ракоци, А. Н. Сенявский, Е. Сенявская, королевич К. Собесский; Август II в связи со смертью 6(17) апреля 1711 г. от чумы императора Иосифа I задержался в Империи и предлагал встретиться в Кракове или Тарнове (ЦГАДА. Ф. 12. Оп. 1. 1711 г. Д. 49. Л. 4). См. также: ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 148. 162. 168).
- ⁵⁵ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 256.
- ⁵⁶ Там же. С. 517.
- ⁵⁷ Этим Август II в некотором роде отмежевывался от войны с Турцией.
- ⁵⁸ В 1710 г. Петр I приказал Янусу фон Эбершtedту не подчиняться Августу II, если тот будет посылать русские войска против шведов в Саксонию (ППВ. М., 1956. Т. 10. С. 244).
- ⁵⁹ Уже это подрубало все саксонские надежды на Лифляндию.
- ⁶⁰ Это было важным промежуточным звеном в решении лифляндского вопроса.
- ⁶¹ Г. Ф. Долгорукий — Петру I 14 октября 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 403.
- ⁶² ППВ. СПб., 1912. Т. 6. С. 199.
- ⁶³ Отсутствие общей границы между Молдавией и русскими владениями на Украине не беспокоило тогдашних политиков. Сравните чересполосицу владений в Германии и даже проекты приобретения для России шведских владений в Германии и колоний в Африке (Мадагаскар).
- ⁶⁴ Г. В. Велчек-императрице Элеоноре 30 июня 1711 г. // *Lukinich J. A Sztmári béke története és okirattára.* Budapest, 1925. S. 505. По иронии как раз в это

- время А. Г. Головкин ездил за прусским королем Фридрихом I с проектом «партажа» Польши.
- ⁶⁵ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 247, 511. Здесь вопрос о польско-русских переговорах не рассмотрен до конца. Их окончание см.: ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 152, 189.
- ⁶⁶ Г. И. Головкин — А. Г. Головкину 30 мая 1711 г. из Яворова: «Польские сенаторы деклеровали ныне против турков объявить войну и одну обще соединенными силами с его царским величеством продолжать и присовокупить свои войска к нашим» (ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 5. 1711 г. Д. 5. Л. 95). См. также оценку А. Вейсбродом русско-польской координации военных действий в сообщении от 23 июня 1711 г. (Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 449).
- ⁶⁷ *Энгельгардт Р. Ю.* Из истории Прутского похода Петра I // Учен. зап. Кишинев. ун-та. 1953. Т. 6. С. 110; *Шутой В. Е.* Северная война 1700—1721 гг. М., 1970. С. 137.
- ⁶⁸ ЦГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 75.
- ⁶⁹ С. Л. Владиславич — Ф. М. Апраксину, июнь 1711 г. // *Мышлаевский А. З.* Указ. соч. С. 101.
- ⁷⁰ Поэтому, когда в марте 1711 г. 50 польских хоронгвей были отправлены против крымцев и орликовцев на Правобережную Украину, русские министры с облегчением констатировали: «Уже, слава Богу, с татары, обще с войски нашими бьтса поляки» (Там же. С. 59, 65).
- ⁷¹ 10 июня 1711 г. н. ст. австрийское правительство указывало Г. В. Велчку: «Что касается просьбы белзского воеводы (Сенявского. — В. А.), то в случае необходимости мы разрешим ему уйти в Венгрию, но было бы лучше, если бы он выехал в Силезию» (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 44).
- ⁷² ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 40. Л. 1—3; Литовская метрика: Книга сигиллат, 1709—1719 / Подгот. А. Рахуба. Варшава, 1987. № 526. С. 86.
- ⁷³ По сообщениям польской стороны, на границе собралось 20-тысячное коронное и литовское войско, но фактически там было не более 8 тыс. человек. Эту цифру саксонская дипломатия позже выставляла как свидетельство заслуг польско-саксонской унии в Прутской кампании (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 23. Л. 46; Д. 39а. Л. 75); 13 июля Г. В. Велчек сообщил о 7 тыс. коронных войск. В. В. Долгорукий писал Петру I из Жванец 1 августа 1711 г., что со С. Хоментовским было 100 хоронгвей и несколько полков (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 463). В Померанию коронное войско, за исключением отряда 500 человек, не было допущено из-за нехватки там провианта, и 6 сентября Август II предложил Сенявскому переместить его из-под Накло в Подолию.

Глава третья

- ¹ *Kurat A. N.* Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // *Jb. Geschichte Osteuropas.* 1962. Bd. 10, H. 1. S. 14—16, 47.
- ² *Кочубинский А. А.* Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами. М., 1872. С. 27; *Он же.* Мы и они (1711—1878). Одесса, 1878. С. 165—167; Каб. П. В. Отд. I. Кн. 13. Л. 78.
- ³ *Gabos K. Frans Pákczi II, Peter der Grosse und der polnische Thron um 1707* // *Jb. Ostforschung.* 1965. Bd. 13, H. 3. S. 353. К сожалению, посланники Ф. Ракоци в Стамбуле Я. Папай и Ф. Хорват в расчете на турецкую помощь предупреждали Порту о том же. Сам Ференц II Ракоци квалифицировал их действия как преступное нарушение инструкций (Ф. Ракоци — Г. И. Головкину 5 августа 1711 г. из Яворова // ЦГАДА. Ф. 40. Оп. 1. 1711 г. Д. 1. Л. 5).
- ⁴ *Мышлаевский А. З.* Россия и Турция перед Прутским походом // *Воен. сб.* 1901. № 1. С. 31.
- ⁵ ППВ. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 117.
- ⁶ Донесения Г. В. Велчка из Москвы в феврале и марте 1711 г.: «Их силы и финансы малы, вооружение плохое, кавалерия ни к чему непригодна, офицеры неопытны, но претензии московитов велики и, что самое главное, на их обещания нельзя положиться» (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. 1711 г. Д. 6. Л. 46, 56, 59, 86; Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 86, 99, 176, 205).
- ⁷ *Lukinich J. A.* *Satmari béké története és okirattára.* Budapest, 1925. S. 442, 572—573.

- ⁸ Шведский дипломат Штернбак — канцлеру Г. Г. Мюллерну в Бендеры 7(18) марта 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 254.
- ⁹ Саксонский посол в Вене. А. Х. Вакербарт — Августу II 17(28) июля 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 46. Л. 2—5; Ф. 32. Оп. 5. 1711 г. Д. 6. Л. 17.
- ¹⁰ ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. 1711 г. Д. 6. Л. 67. Вероятно, Ракоци соблазнил Меншикова перспективой продажи ему токайских поместий, о чем есть упоминание в источниках.
- ¹¹ Там же. Л. 33—34.
- ¹² *Hurmuzaki E.* Fragmente zur Geschichte der Rumänen. Bucuresci, 1885. S. 60.
- ¹³ *Zetterstéen K. V.* Johannes Kolmodius turkiska kvarlåtenskap // KFA. 1937. S. 86.
- ¹⁴ Судя по донесениям Велчка, Петр I в 1712 г. обещал отказаться и от контактов с Францией и от поддержки Венгрии, если Австрия вступит в антишведский и антитурецкий союз с Россией (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. 1711 г. Д. 6. Л. 70).
- ¹⁵ ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 3—5, 265; ППВ. М., 1964. Т. 11, вып. 1. № 4383 и Примечания.
- ¹⁶ П. П. Шафиров — А. А. Матвееву 5 января 1714 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 11. Л. 4. об. В ответ на пожелание в 1711 г. русских дипломатов «отвернуть войну турков от Польши» венецианцы отшутились: «В Польше два короля; и мы де не знаем, которому по союзу должны помогать» (П. П. Шафиров — А. И. Дашкову 5 января 1714 г. // Там же. Кн. 10. Л. 17).
- ¹⁷ М. Каретта — Г. И. Головкину из Венеции 4 марта 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 41. Оп. 1. 1712 г. Д. 2. Л. 10.
- ^{17a} Для периода 1697 и 1706 гг. известны мнения Б. И. Куракина и Ж. Лефорта о желательности контактов с Эфиопией с целью координации действий против Турции. См.: *Флоровский А. В.* Петр Великий и Эфиопия: (Ист. справка) // *Orbis scriptum: Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag.* München, 1966. S. 219—220.
- В начале 1711 г. Петр I пометил и зачеркнул в записной книжке: «О посольстве в Персию» (ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 331).
- ¹⁸ *Rosen J.* Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1952. Bd. II:1. S. 123; *Vasileff M.* Die russisch-französische Politik, 1689—1717. Gotha, 1902. S. 48.
- ¹⁹ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 426—432; 450; *Кафенгауз Б. Б.* Полтавская победа и русско-французские отношения // Полтава. М., 1959. С. 149; Инструкция Людовика XIV — Ж. К. Балюзу из Марли 24 июля н. ст. 1710 г. // *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France.* P., 1888. T. 4. P. 271—272; 1890. T. 8. P. 121—126.
- ²⁰ Сб. РИО. Т. 34. С. 54—65.
- ²¹ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 435.
- ²² Б. И. Куракин — Г. И. Головкину 14 июля 1713 г. из Гааги // ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 510.
- ²³ *British diplomatic instructions, 1689—1789.* L., 1922. Vol. 1. P. 51.
- ²⁴ *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута: Из истории русско-австрийских отношений в 1709—1711 гг. Прага, 1971. С. 21; *Ahlström W.* Arvid Horn och Karl XII. Lund, 1959. S. 12—13.
- ²⁵ *Kapten Jefferyes bref till engelska regeringen från Bender och Adrianopel, 1711—1714.* Stockholm, 1897. S. 1—3, 17.
- ²⁶ *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 96; ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 38.
- ²⁷ См. оценку шведским послом в Стамбуле Т. Функом английского и голландского посредничества: ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4а. Л. 188—197. Оценка П. П. Шафирова: Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 243, 245, 298, 386; Оценка Д. Джеффри см.: *Kapten Jefferyes bref...* S. 19, 35, 114. Только после 1713 г., после выхода из войны с Францией, Великобритания отказалась от поддержки русских послов в Стамбуле, а на Балтике стала настаивать на мире, угрожая послать против Дании эскадру.
- ²⁸ *Witttram R.* Peter I, Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 327.
- ²⁹ ППВ. М., 1956. Т. 10. С. 662—664; Г. И. Головкин — Г. Ф. Долгорукому 19 июля 1710 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1710. Д. 6. Л. 48—49.
- ³⁰ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen, Russland und Schweden, 1700—1713. München, 1953. S. 243, 247; *Krupnitzky B.* Zu den polnischen Teilungsprojekten von 1709—1711 // *Ztschr. Osteurop. Geschichte.* 1935. Bd. 9. H. 3. S. 397.

- ³¹ Если Пруссия соберет меньше, чем 10 тыс., Эльблонг предписывалось не отдавать (ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 5. 1711 г. Д. 5. Л. 3—5).
- ³² Проект был сожжен во время сражения на Пруте вместе со многими другими секретными бумагами.
- ³³ ППВ. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 115.
- ³⁴ *Hassinger E.* Op. cit. S. 247, 252; *Krupnitzky B.* Op. cit. S. 401.
- ³⁵ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 112—116; «А напредь повелено о том объявить Августу и домогаться у него соизволения на отдачу Эльбинга» (ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1711 г. Д. 6. Л. 2). Август дал такой же ответ, который давал Петр I для саксонцев о Лифляндии: такие проблемы не могут решаться без согласия Речи Посполитой.
- ³⁶ ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 51; ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 426.
- ³⁷ ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1711 г. Д. 15. Л. 9, 101; Оп. 5. 1711 г. Д. 5. Л. 118.
- ³⁸ Проект договора в Шенгаузене 1 (12) марта 1713 г. // Там же. 1713 г. Д. 8. Л. 1—3; Д. 5. Л. 7; Оп. 4. Д. 17. Л. 1—4.
- ³⁹ «Против соседних областей, которая на кого б из них иногда войну начать имели. А особливо между обоими государствами у нас соседи поляки, и в таком случае, ежели б поляки похотели, чтоб нам противное делать, может он, король, себе и авантаж найти, в чем тогда его царское величество ему, королю, помогать всякими способами будет». «Оной договор имеет быть против соседних областей, кроме Швеции, ибо сей союз разумеется более ни о ком ином, но о поляках» Г. И. Головкин — А. Г. Головкину 17 апреля 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1713 г. Д. 3. Л. 14—15; Оп. 5. Д. 5. Л. 216 об., 217.
- ⁴⁰ 22 августа 1712 г. А. Г. Головкин писал отцу: «Что касается до оборонительной альянции против поляков, желают здесь, чтоб мы проект написали и им приобщили, понеже они не могли подлинно выразуметь, чего мы от них требуем» (ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1712 г. Д. 5. Л. 219). Канцлер на это отвечал, что если Пруссия хочет иметь Эльблонг, то пусть начинает войну со шведами, а проекты писать надоело (Там же. Д. 4. Л. 71). Это было пустой отпиской: 9 сентября 1712 г. уже был составлен договор о передаче Эльблонга саксонцам.
- ⁴¹ Об уменьшении количества работных людей в Петербурге в 1711 г. с 40 тыс. до 20 тыс. см.: Каб. П. В. Отд. II. Кн. 14. Л. 8; Ф. 32. Оп. 5. Д. 13. Л. 122, 196—197; Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 746; Кн. 18. Л. 690; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 15. Л. 235. Л. 1.
- ⁴² Война 1711 г. до сих пор остается «вопросительным знаком» русской истории, как назвал ее А. З. Мышлаевский. До сих пор не исследованы военные действия на Южной Украине, на Азовском море, шведско-турецкие проекты захвата Азова, Таганрога и Киева.
- ⁴³ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 122—123; См. также письма А. Бековича-Черкасского — Петру I за июнь—ноябрь 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13.
- ⁴⁴ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 151—153, 338—339, 422—423. Автор манифеста 3 марта 1711 г. С. Л. Владиславич.
- ⁴⁵ План войны С. Л. Владиславича (без даты) // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 14. Л. 204—206.
- ⁴⁶ Ф. М. Апраксин — Г. И. Головкину из Таганрога, 28 июня 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 2—3. Для усиления южного флота Сенат 30 апреля 1711 г. определил 100 тыс. руб. и 5 тыс. солдат (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 14. Л. 23, 23 об.).
- ⁴⁷ ППВ. Т. 10. № 3885, 4168; Т. 11, вып. 1. № 4313. С. 193; Ф. М. Апраксин — Петру I 21 июня и 14 июля 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 6—8; П. М. Апраксин — Ф. М. Апраксину, 21 июня 1711 г. // Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 г. СПб., 1898. С. 133, 138.
- ⁴⁸ А. Д. Меншиков — В. Л. Долгорукому 31 января 1711 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 17. Д. 184а. Л. 6—7.
- ⁴⁹ В. В. Долгорукий — Петру I 31 мая 1711 г.: «Сказывает шпион, что турки не имеют никакого куражу и сами пророчествуют гибель» (ЦГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 504); см. также: Донесения Л. Барки Г. И. Головкину // Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 13. Л. 29—32, 54; Д. 17. Л. 40; Ф. 74. Оп. 5. 1711 г. Д. 5. Л. 96. За излишне оптимистичную оценку Л. Барка получил выговор от Головкина после Прутского похода. См. также: *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута. С. 113.

- 50 Г. Ф. Долгорукий 22 марта 1711 г. из Яворова писал Петру I, что султан будет вынужден или «искать полезного» для России мира, или «вовсе пропадать» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 408).
- 51 ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 221—223.
- 52 Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 1147 об.
- 53 *Xenopol A. D. Istoria rominilor din Dacia traiana*. Jasi, 1896. Vol. 8, S. 60—61; *Kogalnicean M. Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques*. Jassi, 1845. Vol. 1. P. 43, 64.
- 54 *Мышлаевский А. З.* Россия и Турция. . . С. 17; *Wittram R.* Op. cit. Bd. 2. S. 375.
- 55 А. Д. Меншиков — П. П. Шафирову и И. И. Скоропадскому, 14 и 9 апреля 1711 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 17. Д. 184 а. Л. 16 об., 18, 20 об.
- 56 ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 231.
- 57 Генерал Янус фон Эбершtedт — Г. И. Головкину в мае 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 65. Л. 1. В связи с этим Янус предлагал оставить часть полков на Волыни и часть послать к Люблину.
- 58 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 22. Л. 17; Д. 18. Л. 174. В. В. Долгорукий писал Петру I 26 ноября 1711 г.: «А к нам старосты бобруйского никакой противности по сей час нет, и провиант платит». См.: Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 484—485.
- 59 ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 474.
- 60 Там же. С. 169—172. Не только шляхта была виновна в недостаточной обеспеченности провиантом русской армии перед Прутским походом. Средства, предназначенные на покупку хлеба, расхищались интендантами, Г. Ф. Долгорукий ссорился с Д. М. Голицыным, который был ответственным за продовольственное снабжение, мешала административная неразбериха. К июлю 1711 г. на левом берегу Днестра скопилось до 1 тыс. подвод с провиантом, но из-за разлива реки этот обоз не попал в армию (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 39а. Л. 75).
- 61 ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 335, 347.
- 62 С достаточной полнотой эти сведения собраны в книге А. З. Мышлаевского «Война с Турцией 1711 г.» (С. 36, 310, 317). В бендерском лагере Карла XII, выдавая желаемое за действительное, были почти уверены в том, что турецкая армия пойдет через коронные земли Речи Посполитой на Киев.
- 63 В связи с этим Г. Ф. Долгорукий в письме от 23 января 1711 г. В. Л. Долгорукому высказывал надежду, что турки «одумаются», особенно когда увидят, что Речь Посполитая заодно с Россией (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 20. Л. 1).
- 64 Чума, занесенная в Швецию лифляндскими беженцами в 1710—1711 гг., уменьшила население Швеции на одну треть (*Lundström D. Magnus Stenbock i Stockholm*, 1712. Lund, 1959. S. 37).
- 65 Об этом см.: *Sutton R. The despatches of sir Robert Sutton*. L., 1953. S. 62.
- 66 В. В. Долгорукий — Петру I 22 мая 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 475—476.
- 67 АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 15. Д. 238а. Л. 1—2; Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 477—479 об.
- 68 ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 728. *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia. Krakow, 1926. S. 69; ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 56. Л. 1—18.
- 69 С. Л. Владиславич писал Г. И. Головкину 18 сентября 1711 г. на основе донесений агентов из Стамбула: «. . . турки были в великом страхе, наипаче когда слышали, что государь волоской отдался. Салтан со всем народом на всякой день три раза были на молитве. . . и миру велми желали» См.: ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 100—101.
- 70 *Hallart L. N. L. Hallart dagbok för under ryssarnes fälttåg vid Prut // Karolinska krigares dagboker*. Lund, 1913. T. 9. S. 222.
- 71 *Weismantell E. H. Weismantells dagbok*. Stockholm, 1928. S. 103, 111.
- 72 ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 39а. Л. 9.
- 73 См. оценку штабом Шереметева стратегической обстановки в июне 1711 г.: ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 546—547.
- 74 Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 1096 об. На основании того, что русская пехота оставалась без прикрытия кавалерией, Прутский поход нельзя характеризовать как «неумелый и топорный», как писал А. Беннигсен: *Bennigsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire and the Caucasus // Canad.-Amer. Slavic Stud.* 1974. Vol. 8, N 2. P. 315.

- ⁷⁵ Но не «укрепить отношения» с К. Брынковяну, как писала Л. Е. Семенова. См.: *Семенова Л. Е.* Русско-валахские отношения в конце XVII—начале XVIII в. М., 1969. С. 132.
- ⁷⁶ «Ежели господарь тамошней, как выше означено, противен тому явитца, то велено дать народу тамошнему обратъ вместо его иного господаря» (ЦГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 160. Л. 115—118); *Мышлаевский А. З.* Война с Турцией... С. 141.
- ⁷⁷ В 1711—1714 гг. К. Брынковяну, чтобы отвести подозрения османов, засылал по их заданию своих шпионов в Польшу и на Украину, переслал универсал Б. П. Шереметева к полякам от 30 июня 1712 г. в Стамбул, задержал на пять месяцев, а возможно, и показал туркам четыре письма П. П. Шафирова к русскому правительству за декабрь 1711—март 1712 г., выпускал в Венеции и Вене карикатуры на русскую армию (П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 6 сентября 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 788, 792); П. П. Шафиров — Б. П. Шереметеву из Стамбула 25 июля 1712 г. // Там же. Л. 659, 729—733. В 1712 г., когда К. Брынковяну зондировал в Вене возможность перехода в Трансильванию под защиту австрийцев, И. Х. Урбих писал 21 мая Г. И. Головкину, что секретарь господаря «зело худо о прошлой кампании и всем росийском народе говорил. Господарь его зело похваляется своими поступками, что он в прошлой кампании себя и землю свою сохранил, то есть о нашем войске неприятелю все объявил» (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 300, 300 об.). В 1712—1713 гг. К. Брынковяну попытался вновь через Г. Кастриота и Хрисанфа войти в контакт с русским правительством, которое для вида решило «приласкать верного раба турецкого», чтобы тот не был открытым противником. Но П. П. Шафиров предостерегал не открывать ему никаких секретов, кроме тех, о которых «желательно турак оповестить» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 920 об.; Д. 7а. Л. 800—801 об.; Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 239 об.). Последний аспект упустила Л. Е. Семенова. См.: *Семенова Л. Е.* Указ. соч. С. 142—146.
- ⁷⁸ Численность турецкой армии не была неожиданностью. По сообщению Л. Барки в феврале 1711 г. знали, что она будет состоять по крайней мере из 118 400 человек (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 19, 19 об.). Уже находясь в турецком лагере, Шафиров ошибочно расценивал силу противника приблизительно в 200 тыс. человек. В русской армии насчитывалось 31 554 пехотинца, 6692 кавалериста, 69 трехфунтовых пушек и 53 других орудия, а также до 10 тыс. молдаван. Около 4 тыс. человек оставили в гарнизонах Сорок, Ясс, Могилева-Подольского (ППВ. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 566; ЦГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 166. Л. 33 об.; Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 16. Л. 56).
- ⁷⁹ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 8. Л. 9 об., 23.
- ⁸⁰ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 567; *Kanteczki K.* Stanislaw Poniatowski, kasztelan krakowski, ojciec Stanisława Augusta. Poznań, 1880. Т. 1. S. 51; *Lemercier-Quelejau Ch.* La campagne de Pierre le Grand sur le Prut // *Cah. monde russe et sov.* P., 1966. N 2. P. 232.
- ⁸¹ ПЖШ. С. 54. По оценке Л. Н. Аларта, в русской армии было убито и ранено около 3—4 тыс. человек, турки, возможно, потеряли около 7—8 тыс. человек (Каб. П. В. Отд. I. Д. 13. Л. 94 об.). Причину русской неудачи сомнительно усматривать в соотношении численности армий. См.: *Wittram R.* Op. cit. Bd. 1. S. 382.
- ⁸² *Пештич С. Л.* Ценный источник по истории России времен Северной войны // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* М., 1972. С. 377.
- ⁸³ Высказывание Петра I: «...пехота турецкая, хотя и нестройная, аднакож зело жестоко билась, и ежели б по своему людству фронтом везде отаковали, то б не безопасна было» (ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 566). Л. Барка, отвечая на упреки С. Л. Владиславича, что вопреки ожиданию противник храбро сражался, писал: «Все турки сами дивятся храбрости пехоты государевой и жестокому огню. Новый везирь дважды султану доносил, что сей мир Бог единый ему даровал от гордости и недоумия москвитян, а не от храбрости турак. И ежели бы Москва наступала, и то бы никогда места не одержали и назад бы утекли. Во время бою задние турки уже утекли, а ежели бы москвичи из лагеря выступили, то бы и пушки покинули, в чем ссылаются на вышних и нижних офицеров. Когда во второй день рано везир паки велел наступать, янычары отказали, что против огня московского стоять не могут. Еще что говорили о вашем походе и управлении, то стыдимся и писать» (ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 568).

⁸⁴ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 572.

⁸⁵ Устав Ордена был составлен Б. И. Куракиным от лица Екатерины Алексеевны и выслан им из Голландии вместе со знаком Ордена 25 августа 1713 г. (ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1712 г. Д. 13. Л. 186—189; Д. 4. Л. 580 об.). Из устава: Орден должен был состоять под протекторатом Петра I, «кавалерственные дамы должны были благодарить Бога по вся дни за милостивые освобождения, которые он доньше даровал его царскому величеству», стараться обратить в христианство хотя бы нескольких «неверных» и выкупить из плена хотя бы одного христианина. Устав утвержден 24 ноября 1714 г. (ПСЗ. Т. 5. № 1860). В этот день Петр I в церкви Св. Исаакия собственноручно возложил знак Ордена на «освободительницу его и всей армии российской».

Глава четвертая

¹ Возможно, верным является сообщение Л. Барки С. Л. Владиславичу 19 ноября 1711 г. о том, что «прежде баталин у везира была комиссия, дабы мог с царским величеством мир постановить, хотя и с малою прибылью турецкою, токмо бы королю шведскому дали свободную дорогу» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 13. Л. 40).

² ППВ. М., 1962. Т. 11, вып. 1. № 4564, 4568, 4569, 4571, 4572.

³ «Договор, со стороны турков первоначальный несостоявшийся», переведенный не на Пруте, а уже в Петербурге С. Л. Владиславицем и Д. Кантемиром (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1711 г. Д. 17. Л. 12; *Kurat A. N. Letters of Poniatowski on the Pruth Campaign 1711 // Slawonic and Easteurop. Rev. L., 1947. Vol. 26. P. 246.*

⁴ Петр Великий на берегах Прута. СПб., 1847. С. 67.

⁵ Каб. П. В. Отд. II. Кн. 14. Л. 130—135 об. Протестуя в 1713 г. против поселения запорожцев вплоть до междуречья Самары и Орели, Шафиров ссылался на какое-то устное указание Петра I в 1711 г.: «...Имея о том прежней вашего величества указ еще на Пруте, чтоб домогаться, дабы не быть им на Днепре, а не то что в такой близости» (П. П. Шафиров — Петру I 16 мая 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 238 об.). 4 августа 1713 г. Шафиров писал Г. И. Головкину: «Дачу ханскую и отъятие от стороны казацкой руки, что (они толкуят за землю) на Пруте обещали, — как то и правда, что им первое тогда от меня на словах, а другое и на письме в трактате, по указу тогдашнему мне данному, обещано было» (Там же. Л. 399).

⁶ «На турецком языке так воровски и темно та статья (с арапскими словами смешено) написано, что могло оную всяко и о всех казаках то толковать» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 177 об.; ППВ. М., 1975. Т. 12, вып. 1. С. 498).

⁷ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 323. Перевод турецкой редакции: «Не токмо поляком, но и подданным казаком их накакой обиды и тягости не чинити, но и ис тех полских мест выступити и отдалитися. Яснейшего хана подданным казакам, запорожцам, дабы от стороны вышепомянутого царя никакой турбации не было» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 10. Л. 93).

⁸ *Rostworowski E. Polska w ukladzie sil politycznych Europy XVIII wieku // Polska w epoce Oświecenia. W-wa, 1972. S. 367.*

⁹ См. примеч. 5 наст. изд. «Как то и правда, о чем я тогда доносил сам его величеству, возвратясь из турецкого обозу», — писал П. П. Шафиров в 1713 г. (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 14. Л. 85; Д. 7. Л. 217, 319). 16 октября 1711 г. П. П. Шафиров писал Петру I: «Ежели, государь, придет до того, что нужда будет хана склонять, дабы не был противен, то принуждены ему будем обещать некоторую дачу, и просим на то указу. Понеже при договоре в том нам говорили и хотя я и отбилсь тогда, чтоб того не писать в договор, а на словах принужден был обещать, что подарками его изволишь обсылать, ежели он будет мир содержать — о чем тогда вашему величеству доносил. И тогда на все позволять было приказано» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 1137). В отечественных исторических работах этот момент не отмечался. Подробнее о проблеме «конец русской дани в Крым» см.: *Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII—начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 78, 79.* В свою очередь, Мехмед Балтаджи дал устное же согласие о выдворении Карла XII из Молдавии. См.: *Sutton R. The despatches of sir Robert Sutton. L., 1953. P. 5.*

- ¹⁰ 1574 больных было временно оставлено в Сороках (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 22. Л. 30). Детальный перечень материальных потерь, в котором на первом месте стоит потеря 4844 фузей, см.: Там же. Кн. 16. Л. 672—673.
- ¹¹ С. Понятовский хвастливо преувеличивал, когда писал: «Если бы у нас было 12 тыс. солдат, то, напав на русских до подхода их к Киеву, мы могли бы перехватить победу, которую упустили турки на Пруте» (*Kurat A. N. Letters of Poniatowski*. . . P. 249—250).
- ¹² Karl XII på slagfältet. Stockholm, 1918. Т. 4. S. 884—891.
- ¹³ Карл XII — С. Лагербергу 25 июня 1711 г. // НН. S. 204.
- ¹⁴ В источниках из-за постоянной текучести приводится разная численность военных кадров Карла XII. Видимо, наиболее достоверными могут считаться сведения, доставленные дезертирами-лифлядцами из Бендер в сентябре 1711 г. В то время у шведского короля было: 130 офицеров, 350 драгун, 60 драбантов, 2 тыс. «худых поляков», 2 тыс. запорожцев в Варнице и около 8 тыс. в районе Бендер (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 12. Л. 54).
- ¹⁵ Совершенно сообщение Л. Н. Алларта, что султан был против пребывания Карла XII в турецкой армии (Каб. П. В. Отд. I. Кн. 13. Л. 95).
- ¹⁶ Об этом было много слухов (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 85).
- ¹⁷ 1 и 17 июля сильные военные партии до 5 тыс. человек дважды произвели нападения и отгоняли табуны коней и обозы из района Сорок (ПЖШ. СПб., 1898. С. 59).
- ¹⁸ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 13. Л. 31.
- ¹⁹ В. В. Долгорукий — Петру I 31 мая 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 473. Алларт преувеличивал, когда писал, что кавалерия непрестанно держалась вокруг Бендер, «где едва короля шведского самого не поймали» (Там же. Отд. I. Кн. 13. Л. 93).
- ²⁰ Передача слов Петра I Г. В. Велчком // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 6. Л. 68.
- ²¹ ППВ. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 395—397.
- ²² В связи с этим неточно мнение С. Ф. Орешковой, что «условия договора явились той базой, на которой могли бы нормально развиваться мирные отношения между двумя странами» (*Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 138*).
- ²³ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 324—326; Вып. 2. С. 10—15, 31—38.
- ²⁴ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 6. Л. 7. Не во всех списках. В издании ППВ отсутствует.
- ^{24a} *Kurat A. N. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711 // Jb. Geschichte Osteuropas. 1962. Bd. 10, H. 1. S. 55.*
- ²⁵ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 577.
- ²⁶ *Rosen J. Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1952. Bd. II: 1. S. 121.*
- ²⁷ Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 73.
- ²⁸ *Rostworowski E. Historia powszechna. S. 369.*
- ²⁹ *Haintz O. König Karl XII. Stockholm, 1951. Bd. 2. S. 117, 124, 312.*
- ³⁰ *Kurat A. N. Letters of Poniatowski*. . . S. 245.
- ³¹ Л. Барка писал Г. И. Головкину 19 ноября 1711 г., что в турецком лагере «и до сего дни еще болезнуют и помирают немалое число». Он же дал верную оценку Прутскому сражению, когда писал, что обе армии старались как можно быстрее разойтись: «Една сила другой не знала и обе в великом страхе пребывали» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 13. Л. 371; Д. 11. Л. 221; Д. 12. Л. 11; *Sutton R. Op. cit. P. 62*).
- ³² Сведения от болгарского и греческого перебежчиков из турецкой армии (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 95, 95 об.).
- ^{33—34} Там же. Кн. 28. Л. 627 об.; ПЖШ. СПб., 1898. С. 75.
- ³⁵ 12 июля 1711 г. П. П. Шафиров привел цифры, сумма которых на 25 тыс. руб. меньше. См.: ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 352, 353.
- ³⁶ П. П. Шафиров — Петру I 13 июля 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 17. Л. 128; ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 353. 17 июня 1714 г. Шафиров оправдывался перед С. Л. Владиславичем: «Ежели б мне красть, то лучше было украсть вдруг полтора-два тысяч рублей, посуленные сперва Мегмет-паше, да 60 тысяч рублей кегае его Осман-аге, для которых те деньги и присланы, как вам известно и были и сочтены и на телеги особные положены. И мог бы я способ сыскать и сказать,

что отданы они им, но того я ниже мыслил, а не то, что хотел учинить, ибо, хотя и убог, но хочу совесть содержать чисту» (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 10. Л. 401—402). См. также: Известие, сколько явилось недочету в присланной казне с ротмистром Артемием Волынским в 250 тыс. рублях // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 355). 16 июля 1711 г. Головкин дал распоряжение Д. М. Бестужеву-Рюмину отпустить для Шафирова 51 тыс. руб., 500 червонных, причем за недостатком золота в ход пошли и портреты царя, усыпанные бриллиантами, а также и портрет Августа II, которые в 1712 г., после свержения Мехмеда Балтаджи, Шафиров выкупил обратно (ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 3. Л. 4, 27; Ф. 158. Оп. 2. 1711 г. Д. 63. Л. 1 об. 4 об.).

³⁷ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 3, 4.

³⁸ ЦГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 601—602. Турецкая администрация долго не забывала бочки с русским серебром. 9 августа 1714 г. П. П. Шафиров жаловался Б. П. Шереметеву, что дипломатии русского посольства в Стамбуле «навредил» мелкий гешефт связанного майора Крюковского, который под видом царской казны под конвоем в полсотни человек провозил в Стамбул огурцы, рыжики, крупы и горох в обмен на апельсины и лимоны (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 9. Л. 353—354).

³⁹ ЦГАДА. Ф. 17. Оп. 1. 1721 г. Д. 91 доп. Л. 603; ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 352.

⁴⁰ Флоровский А. В. От Полтавы до Прута: Из истории русско-австрийских отношений в 1709—1711 гг. Прага, 1971. С. 116; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 10. Л. 400.

⁴¹ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 124, 407; П. М. Апраксин — Петру I 15 сентября 1711 г. // Каб. П. В. Отд. I. Кн. 13. Л. 120—121. Ответное письмо царя от 29 ноября из Риги, не помещенное в ППВ, см.: ЦГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1711 г. Д. 2. Л. 26 об.

⁴² ЦГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 4—9.

⁴³ ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1711 г. Д. 4. Л. 223, 254, 410; Д. 15. Л. 95—101; Д. 4. Л. 323; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 473, 482, 486, 493. О секретной статье, якобы касавшейся возобновления ежегодной русской дани в Крым в размере 40 тыс. дукатов, писал 10 августа 1711 г. Р. Сэттон. См.: *Sutton R.* Op. cit. P. 64—65.

⁴⁴ Г. В. Волков — Г. И. Головкину 21 сентября 1711 г. из Парижа // ЦГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1711 г. Д. 3. Л. 35 об., 49—51.

⁴⁵ Д. Кантемир, И. Некулче и некоторые из молдавских бояр уже в августе 1711 г. просили «отпустить их в свое отечество» (Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 23 августа 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. — Д. 12. Л. 19). Кантемир после Прутской катастрофы не отказался от мысли освободить страну от турецкой неволи. Учитывая невозможность для России в ближайшее время снова открыть фронт на Балканах, он перенес свои надежды на Габсбургов. Австрийского посла в России О. Плейера он просил помочь перебраться в Трансильванию и затем в Вену, получить там от императора титул князя «Священной Римской империи» и обещал, как австрийский вассал, снова поднять Молдавию против османов. См.: Донесение О. Плейера из Петербурга в Вену 27 мая 1715 г. н. ст. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. Д. 7. Л. 30—31. Непрерывавшиеся политические связи Кантемира с Молдавией и Стамбулом, где оставались его тайные агенты, вызвали подозрение у русского правительства.

^{45a} *Abrahamowicz Z.* Tło polityczne i ekonomiczne wyprawy wiedeńskiej Kara Mustafy // *Kwart. hist. W-wa*, 1983. N 1. S. 31.

⁴⁶ А. Б. Черкасский — Петру I в мае 1714 г. // МВУАГШ. СПб., 1871. Т. 1. С. 198.

⁴⁷ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 271—284, 303, 308—309. 7 августа 1714 г. очередной посланец от хана Аюки вручил Порте грамоты, в которых было написано, что «они, калмыки, люди свободные и желают с Портой быть в приязни, також с приятельми оной приятельми, а с неприятели — неприятли. И естли де Порте угодно, чтоб употребила ево людей против кого похочет, и они де могут им против их неприятли служить и какие земли или места в область Порты взять. И чтобы Порта к нему, Аюке-хану, была склонна, и учинила б какое награждение ему,¹ а он готов Порте против всех неприятелей пограничных услужить»⁻¹ (¹написано вместо зачеркнутого: «он готов и под протекцию оной быть со всеми своими людьми») (П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 9 августа 1714 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 10. Л. 568, 571—572, 475.

⁴⁸ Узнав о Прутском мире, «все саксонские и русские полки были выведены в поле и троекратно из пушек и ружей стреляли», после чего перешли границы империи

- в направлении Померании. 30 ноября 1711 г. в Риге был зажжен фейерверк с огненной надписью: «Виват оборона Лифляндии».
- ⁴⁹ История Турции: В 3 т. М., 1937. Т. 3. С. 21.
- ⁵⁰ *Konopczyński W.* Polska a Turcja, 1683—1792. W-wa, 1936. S. 40; *Krupnitski B.* Zu den polnischen Teilungsprojekten von 1709—1711 // *Ztschr. Osteurop. Geschichte.* 1935. H. 3. S. 402.
- ⁵¹ Мальборкский воевода Я. Е. Пшебендовский говорил в 1711 г. прусскому послу Лельгоффелю, что Речь Посполитая готова отдать Подолью Порте и Курляндию Швеции или Пруссии, если последняя своей дипломатией спасет республику от катастрофы. См.: *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen, Russland und Schweden, 1700—1713. München, 1953. S. 250.
- ⁵² «А сие край и не знают, что полские», — писал П. П. Шафиров 14 июля 1711 г. См.: ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 17.
- ⁵³ Там же. С. 9, 22, 355. П. П. Шафиров добавил совет, чтобы поляки получили одобрение Стамбула о невмешательстве в их внутренние дела не только России, но и Швеции.
- ⁵⁴ Там же. С. 69, 397—398. О турецкой позиции 19 августа 1711 г. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев писали Ф. М. Апраксину: «О высылке короля шведского они нам в явном письме и писать не велели, говоря, что то так и правда, в договоре не написано, но учинит то везирь и для нас и для себя» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 38; Кн. 14. Л. 150 об.).
- ⁵⁵ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 355.
- ⁵⁶ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 39а. Л. 29.
- ⁵⁷ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 18, 19.
- ⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 15. Л. 1—5.
- ⁵⁹ ЦГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1715 г. Д. 3. Л. 303 об.; Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 30—31; ППВ. М., 1977. Т. 12, вып. 2. С. 233.
- ⁶⁰ А. И. Дашков — Б. П. Шереметеву 14 января 1712 г.: «Почали здесь . . . разглашать, что царское величество с шведом помирился, а Польшу и короля Августа ставил вне трактату», после чего «поляки стали поступать упадочно» (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 5. Л. 11). См. также: Письма А. Н. Сенявского — Петру I 9 августа н. ст. 1711 г. и Августа II — Петру I 15 июля н. ст. 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 11, 15; Д. 34. Л. 183.
- ⁶¹ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 18. Л. 171; Д. 19. Л. 11; Д. 22. Л. 27; Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 12. Л. 30.
- ⁶² *Sutton R.* Op. cit. P. 73.
- ⁶³ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 18. Л. 77—92; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 16. Д. 197а. Л. 1 об.
- ⁶⁴ В это время продолжались татарские нападения партиями до 50 человек из-за Днестра вплоть до Збаража. См.: ПЖШ. СПб., 1898. С. 79—81.
- ⁶⁵ По предложению Мехмеда Балтаджи вместе с турецко-татарскими посланцами в Язловец прибыли два представителя от Карла XII и Ю. Потоцкого с «большими комплиментами от своего принципала» и с предложениями разрешить провод большого турецкого конvoja через Польшу (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 6. Л. 39; Д. 18. Л. 177).
- ⁶⁶ См. документы от разных институтов Речи Посполитой, выставленных 11, 21, 25, 27 сентября, 7, 9, 24 октября 1711 г. (Там же. Д. 5. Л. 18, 27; Д. 49. Л. 1; Д. 52. Л. 1).
- ⁶⁷ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 463.
- ⁶⁸ А. Н. Сенявский — Петру I 17 сентября н. ст. 1711 г. из Львова // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 27. О «шатости» в Польше, Мазовии и Литве писал В. В. Долгорукий Петру I в письме от 6 августа 1711 г. См.: Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 456, 456 об.
- ⁶⁹ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 39, 146—147, 229—231.
- ⁷⁰ А. И. Дашков — Г. И. Головкину из Львова 21 ноября 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 22. Л. 46 об.; А. Н. Сенявский — Петру I из Львова 17 ноября н. ст. 1711 г. // Там же. Д. 5. Л. 27 об.; К. Э. Ренне — Петру I 15 ноября 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 884, 884 об.
- ⁷¹ Ф. Фицтум — Г. И. Головкину 16 апреля н. ст. 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 23. Л. 197, 199.
- ⁷² ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 270—274.

- ⁷³ В. В. Долгорукий — Петру I 10 октября и 26 ноября 1711 г. из Торуни // Каб. П. В. Отд. II. кн. 13. Л. 483—485; П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 16 октября 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 191. По неофициальным каналам до ставки великого везира доходили многочисленные жалобы поляков, касавшиеся содержания вспомогательных войск.
- ⁷⁴ П. П. Шафиров — Петру I 24 марта 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 154.
- ⁷⁵ ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 363.
- ⁷⁶ Там же. С. 361, 362.
- ⁷⁷ По определению Л. Барки, это были «безделные войска, которые ни за что почитают» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 72, 56, 99).
- ⁷⁸ П. П. Шафиров — Ф. М. Апраксину 19 августа 1711 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 35 об., 1074—1075.
- ⁷⁹ Переговоры о высылке Карла XII через Россию имели своим следствием неожиданный резонанс в Речи Посполитой, где стали считать, что заключено какое-то русско-шведское соглашение за счет республики: «будто тайные трактаты положены у нас со шведом и поляки zelo было упали и хорошо стали поступать и писали на дву почтах, что король шведский выслан чрез Москву до своих краев» (Г. Ф. Долгорукий — Г. И. Головкину из Торуни 16 декабря 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 23. Л. 22—23).
- ⁸⁰ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 12. Л. 55, 66.
- ⁸¹ Там же. 1712 г. Д. 8. Л. 34, 44.
- ⁸² Л. Барка — Г. И. Головкину 6 января 1712 г. // Там же. Л. 7 об.; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 5. Л. 12.
- ⁸³ Только 6 ноября 1711 г. Петр I указал сдать Азов, если будет предьявлен ультиматум. См.: ППВ. Т. 11, вып. 2. С. 243.
- ⁸⁴ 16 октября П. П. Шафиров писал Петру I: «Как в последнее объявлено, что ежели Азов не будет отдан ныне . . . нас отдадут на убиение янычаном» (Там же. С. 579).
- ⁸⁵ И. И. Скоропадский, плохо разбираясь в военной обстановке, добавлял, что орда, ляхи и шведы пойдут на Смоленск (ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 31). См. также письма В. В. Долгорукого — Петру I 11 января 1712 г. (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 15. Л. 361 об.) и полковника А. Сухарева Д. М. Голицыну из Полонного 28 марта 1712 г. (Там же. Л. 1095; ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1712 г. Д. 24. Л. 1; ЦГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 112, 119).
- ⁸⁶ 24 декабря 1711 г. до К. Э. Ренне в Белую Церковь дошли слухи, что С. Хоментовского рассекли, а А. Н. Сенявский едва спасся. См.: ПЖШ. СПб., 1898. С. 113.
- ⁸⁷ Каб. П. В. Отд. II. Кн. 15. Л. 1095.
- ⁸⁸ Л. Барка — С. Л. Владиславичу 5 декабря 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 13. Л. 51.
- ⁸⁹ Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 1118.
- ⁹⁰ ППВ. Т. 11, вып. 2. № 5197, 5234. Петр I бодрился, когда говорил Ч. Витворту 6 февраля 1712 г., что «около Киева проход суть толь тяжкий, что он чает быть в состоянии удержать их армеею без урону. И их (татар. — В. А.) набеги, как он то мнит, учиняйтца вначале на казаков, которым он не само много добра желает и от которых он имеет мало или никакой помочи, хотя в денгах или людях» (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4а. Л. 148 об.).
- ⁹¹ П. П. Шафиров — Петру I 24 марта 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 154; А. И. Дашков — Б. П. Шереметеву из Львова 14 января 1712 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 5. Л. 10—11.
- ⁹² А. Н. Сенявский — Мехмеду Балтаджи 7 ноября н. ст. 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1711 г. Д. 22. Л. 54. «Тайный корреспондент» в это время сообщил Шереметеву из Львова, что Сенявский отклонил предложение бендерского паши выступить против России в случае предоставления субсидий в несколько миллионов ефимков и определенного контингента войск. См.: ПЖШ. СПб., 1898. С. 118.
- ⁹³ ЦГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 13. Л. 144—145.
- ⁹⁴ «А именно по тем словам, что написано от казаков и запорожцев и от страны их руку отнять — а они то толкуят землею. И еще будто в их турском трактате приписано — как и прежде сего бывало — чего тогда не могли за злым случаем и выразуметь, таже и спорить в то время не смели» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 215). Девлет-Гирей считал, что Украина «имеет быть в вольности под ханом крымским» (Там же. Д. 13. Л. 57; Д. 11. Л. 231).

- ⁹⁵ П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 30 января 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 35, 463. Турецкая сторона не поднимала вопроса об очищении завоеванных русских земель Швеции и проходе русских полков в Померанию.
- ⁹⁶ На последнее было резко отвечено, что царь не должен вмешиваться в дела республики, а Порта сама договорится с Речью Посполитой и ее королем о пропуске Карла XII, причем мир с польским соседом не будет нарушен (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 8, 32, 463, 883).
- ⁹⁷ До 29 июня 1712 г. Айвас-паша выслал оставленного в Азове в монастыре Иоанна Предтечи священника вместе с иконами и церковной утварью и перелал словесное указание Порты, что «христианской церкви никакой в Азове быть не велено» (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 19. Д. 126. Л. 1—2).
- ⁹⁸ «Твердя то глухо», — пометил П. П. Шафиров.
- ⁹⁹ «Не токмо по договору, но и еще и со излишком в том уступка чинится, что царское величество от всех заднепрских мест руку отнимает, кроме Киева со ограничением от реки Ирпеня по Тясьму в длину по Днепру, а на пять миль широты» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 87, 106—109, 114).
- ¹⁰⁰ П. П. Шафиров писал Петру I 4 января 1713 г., что султан мир «заключил поневоле, принужден будучи по наших трудах через склоненного везира и его сильную тогдашнюю партию» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 6 об.). Надо отметить, что великий везир Юсуф-паша, то ли из-за своего неустойчивого положения, то ли из-за подкупа русским золотом, не занимал жестких позиций на переговорах. Во всех депешах П. П. Шафиров характеризовал его как «доброго приятеля»: «Мы о его благосостоянии, яко патрона нашего, как о своем, попечение имеем» (Там же. 1712 г. Д. 6. Л. 298).
- ¹⁰¹ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 182, 211, 214. Точно так же понимал эту статью и С. М. Соловьев. См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 400. Однако им не был сделан вывод, что русско-турецкая граница по договору 1712 г. должна была проходить по рекам Днепр и Конские Воды.
- ¹⁰² Английский и голландский послы в противовес французскому послу П. Дезальере удерживали Порту от военных действий, а также крымцев от набегов на Украину. Шафиров ходатайствовал о награждении Р. Сэттона и Я. Кольера орденом св. Андрея Первозванного и 4—6 тыс. червонных: «Труды и радение обоих господ послов аглинского и голанского не могу довольно выхвалять. Особливо же господина посла аглинского яко остроумного и искусного мужа старание. И ежели б не их трудами, то б давно война началась. . . Злобу французского посла к нам не могу описать, ибо оной нам болши, нежели сами шведы вредил и трудился мир опровергнуть» (П. П. Шафиров — А. А. Матвееву 1 апреля 1712 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 18. Д. 128. Л. 1; Д. 129. Л. 2). Русское правительство наградило Р. Сэттона и Я. Кольера «персонами царя», 1400 и 1300 руб. и мехами стоимостью в 1700 руб. (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 3. Л. 31—35; Д. 16. Л. 3).
- ¹⁰³ В обмен на обещание как можно скорее прислать ратификационные грамоты от Петра I Юсуф-паша устно обещал не протестовать в случае восстановления русских приграничных крепостей на прежних местах (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 924).
- ¹⁰⁴ В связи с этим турки на английского посла «иногда сердитовали и, почитай, лаяли», — делал примечания П. П. Шафиров.
- ¹⁰⁵ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Л. 88, 218, 235. См. также: *Артамонов В. А.* О русско-крымских отношениях. . . С. 71.
- ¹⁰⁶ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 271; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 18. Д. 148а. Л. 2; Д. 192. Л. 2 об.
- ¹⁰⁷ В опубликованной копии (ППВ. М., 1975. Т. 12, вып. 1. С. 287) последняя фраза присутствует, но в подлиннике ее не было, в связи с чем Шафиров просил 17 августа 1711 г. прислать от царя новые ратификации (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 667).
- ¹⁰⁸ *Feldman J.* Polska a sprawa. S. 77; *Крупницький Б.* Гетьман П. Орлик (1672—1742): Огляд його політичної діяльності. Варшава, 1938.
- ¹⁰⁹ В передаче Шафирова: «Чтоб мы не мнили, что мы их тем словом обманули, но знают де они и сами, что тем разумеется, что оные места не им уступаем, понеже они Полше принадлежат» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 177—178).

- ¹¹⁰ Допрос запорожца С. Дорошцевого, декабрь 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 6. Л. 20.
- ¹¹¹ ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 216; 1964. Т. 11, вып. 2. С. 56, 235, 243; ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 7 об.; Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 12. Л. 167. Частичная эвакуация началась еще с марта 1711 г., после татарского набега. К югу от Немирова «пахотных мужиков», если те не хотели отступать с русской армией, позволялось оставлять, а начиная от Немирова предписывалось уводить всех, забирала или уничтожая продовольствие и разрушая укрепленные местечки. См.: Инструкция Б. П. Шереметева К. Э. Ренне от 16 декабря 1711 г. // ПЖШ. СПб., 1898. С. 104—107. Часть жителей укрывалась и процесс переселения затянулся до 1714 г.
- ¹¹² П. П. Шафиров — Б. П. Шереметеву 2 февраля 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 83, 88; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 5. Л. 74 об.
- ¹¹³ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 16. Л. 151; 1713 г. Д. 7. Л. 81; Ф. 124. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 43, 82. Призрак самостоятельной патриархии на Правобережной Украине держался вплоть до 1713 г. См.: П. П. Шафиров — Г. И. Головкину 5 апреля 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 81.
- ¹¹⁴ Фаизов С. Ф. Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667—1677 гг.: (От Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. С. 78, 80; ПСЗ. Т. 2. № 854. С. 290—292.
- ¹¹⁵ По оценке Т. Функа, турки отказались от продолжения войны из-за «непостоянства», незнания европейских дел, всеобщего желания мира, отдачи Азова и в основном в связи с посредничеством Р. Сэттона и Я. Кольера. См.: Т. Функ — графу Гилленбургу от 13 июня 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4а. Л. 188 об. Петр I учитывал опасность турецкого давления с юга для ливонского вопроса и категорически запрещал Шафирову идти на турецкое, голландское или английское посредничество в делах Северной войны.

Глава пятая

- ¹ Инструкция О. Плейеру от 6 апреля 1715 г. н. ст., касающаяся просьб ливонского епископа К. А. Шембека // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 15. Д. 7. Л. 58.
- ² Каб. П. В. Отд. I. Кн. 9. Л. 133.
- ³ Петр I считал, что если придется отдавать Ливондию, то лучше полякам, чем шведам (АК. Саратов, 1894. Кн. 5. С. 113).
- ⁴ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 20; *Marx K. Manuskripte über die polnische Frage*, 1863—1864. s'Gravenhage, 1964. S. 115.
- ⁵ *Wittram R. Peter I, Czar and Kaiser*. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 229, 235.
- ⁶ *Mediger W. Mecklenburg, Russland und England-Hannover*, 1706—1721. Hildesheim, 1967. S. 97—121.
- ⁷ Мемориал И. Х. Урбиха 1711 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1711 г. Д. 3. Л. 48—49; 1712 г. Д. 4. Л. 56.
- ⁸ Тевтонский орден с центром в Мергентхайм во Франконии (Вюртемберг) только в 1809 г. был распушен Наполеоном I.
- ⁹ И. Х. Урбих — Г. И. Головкину 14 августа 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 423; Выписка из письма Франца-Людвига // Там же. Д. 4а. Л. 257.
- ¹⁰ А. А. Матвеев — Г. И. Головкину из Вены 15 июля 1713 г. // Там же. 1713 г. Ч. 2. Д. 5. Л. 60—85.
- ¹¹ Единственное упоминание в советской историографии об отношении Петра I к Тевтонскому ордену, относящееся к 1720 г., содержится в небольшой статье. См.: *Лесмент Л. Я.* Петр I и бывший Тевтонский орден // Ист. зап. М., 1963. Т. 73. С. 301—305. В 1720 г. великий магистр домогался у Петра I, кроме Ливонии, также и Курляндии или хотя бы Дерптского уезда. Петр I ответил, что война еще не закончена и определенного решения он дать не может. Политические позиции крестоносцев в начале XVIII в. еще не были равны нулю; в 1715 г. саксонцы рассматривали проект передачи Великому княжеству Литовского Тевтонскому ордену. См.: *Gierowski J. W cieniu Ligi Północnej*. Wrocław. etc., 1971. S. 133.
- ¹² А. Г. Головкин — Г. И. Головкину из Вены 16 января 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1714 г. Д. 5. Л. 37.

- ¹³ Приложение к письму А. Д. Меншикова — Петру I от 26 марта 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 198. Оп. 1. 1713 г. Д. 297. Л. 23—24.
- ¹⁴ В 1712 г. предполагалось «потребовать у царя Лифляндию» в поле, «перед баталией с неприятелем» (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 136, 149).
- ¹⁵ В. В. Долгорукий — А. В. Макарову 17 сентября 1712 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 15. Л. 375; К. Э. Ренне — Петру I из Нежина 21 мая 1712 г. // Там же. Л. 1102.
- ¹⁶ И. Х. Урбих — Г. И. Головкину из Вены 12 марта 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 166.
- ¹⁷ Г. Ф. Долгорукий писал А. Д. Меншикову из Варшавы 8 апреля 1712 г.: «Я никогда поляков к нашей стороне так противных не видел, как ныне, чего ради я труждаюсь, дабы сейм разорван или либертован был до иного времени, понеже из оногo ни малого пожитку и интересу нашему не будет. И, чаю, что оной в скором времени окончится» (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 18. Д. 152. Л. 1).
- ¹⁸ Перенесенный 9(20) апреля на 20(31) декабря 1712 г. сейм продлил Сандомирскую конфедерацию, признал недействительными договоры 1705 и 1706 гг. со Швецией, принял решение поддерживать Веттина против С. Лещинского и выделить 8 млн злотых на содержание Войска Польского.
- ¹⁹ ППВ. М., 1975. Т. 12, вып. 1. С. 193. О противоположном писал 18 марта 1712 г. Г. И. Головкин А. Г. Головкину: «Ежели нам королевское величество прусской не вспоможет, то принуждены мы будем отдать город Эльбинг поляком» (ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1712 г. Д. 3. Л. 7).
- ²⁰ ППВ. Т. 12, вып. 1. С. 200.
- ²¹ Восемь коронных хоронгвей под Жванцем перешли на сторону противника. См.: А. И. Дашков — Г. И. Головкину 14 февраля 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 18. Л. 16 об.
- ²² Универсал Ю. Потоцкого от 18 апреля 1712 г. // Там же. Д. 27. Л. 6.
- ²³ Ю. Потоцкий — Я. Грудзинскому 18 апреля 1712 г. // Там же. Д. 18. Л. 37.
- ²⁴ Допрос пленного ротмистра А. Калитинского // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 15. Л. 879—889.
- ²⁵ М. М. Аргамаков — А. Д. Меншикову из Познани 3 июня 1712 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 19. Д. 8. Л. 1—2.
- ²⁶ Капитан-поручик Татаринов — А. Д. Меншикову 9 июня 1712 г. // Там же. Д. 35. Л. 1; Д. 55. Л. 1.
- ²⁷ АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 5. Л. 327.
- ²⁸ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 13. Л. 36.
- ²⁹ Там же. Д. 5. Л. 10.
- ³⁰ Русское командование просило у поляков провианта на три месяца для 48 590 человек, т. е. преувеличив почти вдвое численность померанского корпуса. Из-за недостатка провианта пришлось практиковать принудительный привод торговых судов, груженных рожью, с Балтики. См.: ППВ. М., 1977. Т. 12, вып. 2. № 5417, 5421.
- ³¹ Единодушие по данному вопросу не было: Г. Ф. Долгорукий в отличие от Шафирова продолжал считать, что «зело б потребно здесь в Великопольше несколько кавалерии оставить для содержания и страху здешнего народу, по которое время все можем успокоить, только были бы добрые полковники, лучше русские, которые не для своей выгоды здесь были, чтоб не привьсть поляков в пушую злобу и турок не навьсть» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 15. Л. 335—341).
- ³² Более подробно о посольстве М. Пузыни см. в комментарии, составленном нами: ППВ. Т. 12, вып. 2. Примеч. к № 5518.
- ³³ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 587 об. Г. Ф. Долгорукий — Г. И. Головкину 12 июня 1712 г. из Торуня: «Посланные от Порты и от хана крымского к каштеляну краковскому, гетману коронному Синявскому во Львов со объявлением конфирмации с нами миру приехали и что Порта королевское величество признавает за правдивого короля на польском троне и желает також назначенного посла, воеводу мазовецкого в Константинополь» (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 13. Л. 49).
- ³⁴ В конце сентября 1711 г. Порта уже начала проводить разведку с этой целью и посылала нарочного в Польшу (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 13. Л. 1136). В июле 1712 г. в табор Сенявского под Радомышлем приезжали Сулейман-ага от бендерского паши Измаила-аги-паши и Абдулла-мурза от хана Девлет-Гирея (ЦГАДА.

- Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 23). По распоряжению Шафирово турецкого салахора сопровождал капитан Жидовинов, чтобы по возможности замедлять в пути инспекционную поездку. Шведская сторона включила в состав комиссии генерал-адъютанта С. Арвидсона и секретаря О. В. Клиновстрёма.
- ³⁵ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1712 г. Д. 5. Л. 17 об.; Д. 3. Л. 47, 79. Возможно, этим объясняется протест Сенявского, который 9(20) сентября 1712 г. жестко выговорил фельдмаршалу Б. П. Шереметеву по поводу его манифеста 30 июня, что договариваться с Портой поверх республики о введении вооруженных сил тот не имеет права. Сенявский просил не ввязывать республику в войну и указал на Финляндию как на место, где русские могут удовлетворить свою рыцарскую задиристость. См.: ПЖШ. СПб., 1898. С. 192—194.
- ³⁶ «В Польше братья з добрым порядком, чтоб от поляков ни было», даже если те «покажут себя неприятелями» (ППВ. Т. 12, вып. 2. С. 126).
- ³⁷ Проект от 27 сентября 1712 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 15. Л. 1050.
- ³⁸ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 7а. Л. 786, 786 об.; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 20. Д. 29. Л. 1; Д. 45. Л. 1; Д. 51. Л. 1.
- ³⁹ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1713 г. Кн. 7. Л. 446, 449 об.—452.
- ⁴⁰ *Weismantell E. H. Weismantells dagbok. Stockholm, 1928. S. 170.*
- ⁴¹ За турецкую помощь Франция и Швеция предполагали расплатиться польской Подолей и планировали заставить Россию под угрозой турецкой войны отдать С. Лещинскому Киев. Девять статей шведско-французского договора 1712 г. имеются в ЦГАДА (Ф. 93. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 1—2). Собственно турецкие планы, как указывалось выше, отличались от шведско-французских.
- ⁴² «Здесь (в Вене. — В. А.) довольно ведают, что Пруссия с Франциею, Англиею и Швециею како в гишпанских делах, так и против его царского величества и его союзных интриги чинит» (И. Х. Урбих — Г. И. Головкину 4 мая 1712 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. С. 188, 267).
- ⁴³ Г. И. Головкин — Б. И. Куракину 3 июля 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1713 г. Д. 2. Л. 42—45.
- ⁴⁴ Более того, 23 марта 1713 г. А. А. Матвеев просил австрийцев сдержать османов от войны императорской гарантией того, что Польша будет очищена от русских. Это пожелание было отменено 21 сентября 1713 г. после Адрианопольского мира (ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1715 г. Д. 9. Л. 11 об.).
- ⁴⁵ ЦГАДА. Ф. Иностранные ведомости и газеты. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 8—9.
- ⁴⁶ Б. П. Шереметев — А. Д. Меншикову 19 мая 1713 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 171; Б. П. Шереметев — П. П. Шафирову 12 сентября 1712 г. // Там же. Кн. 5. Л. 152—153.
- ⁴⁷ ППВ. Т. 12, вып. 1. С. 304.
- ⁴⁸ «Разсуждение графа Головкина на поданные пункты господина фельтмаршала графа Шереметева // Каб. П. В. Отд. I. Кн. 23. Л. 116—119.
- ⁴⁹ ППВ. Т. 12, вып. 2. С. 231, 252, 274, 279.
- ⁵⁰ *Feldman J. Stanisław Leszczyński. . . S. 79; Lech M. Stanisław Leszczyński. . . S. 114, 116; Cieslak E. W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk, 1986. S. 21.*
- ⁵¹ Послы прибыли в Варшаву 4 января 1713 г. Сейм был посвящен проблеме сбора налогов, распределения податей и увеличения численности войск (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 22. Л. 1—30).
- ⁵² ППВ. Т. 12, вып. 2. С. 263—267.
- ⁵³ Инструкция подольскому и белзскому воеводам С. Гумецкому и А. Лящу 8(19) января 1713 г. на случай переговоров с турками // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 24. Л. 5, 79—81.
- ⁵⁴ Каб. П. В. Отд. II. Кн. 16. Л. 253.
- ⁵⁵ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 136 об.; Д. 66, Л. 7.
- ⁵⁶ Ю. Ю. Трубецкой — Г. И. Головкину в январе—марте 1713 г. // Там же. Д. 19. Л. 53, 84, 188—190, 201—211, 145—148.
- ⁵⁷ П. П. Шафиров — А. А. Матвееву 9 июля 1714 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 10. Л. 439—440.
- ⁵⁸ *Tengberg E. Från Poltava till Bender. Lund, 1953. S. 221—229.*
- ⁵⁹ *Stafsing J. Kalabaliken vid Bender. Stockholm, 1960. S. 12.*
- ⁶⁰ *Fabrice F. E. Zuverlässige Geschichte. . . S. 194, 199.*

- ⁶¹ К этому времени у Карла XII было 1200 шведов, около 2 тыс. поляков и 6 тыс. запорожцев (А. Г. Головкин — Г. И. Головкину 3 февраля 1713 г., на основе данных, присланных И. Эозандером из Бендер // ЦГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 25).
- ⁶² На сей раз запорожцы разбегались, «яко разные колеса». В Олешковскую Сечь от Карла XII было прислано по 500 талеров на каждый курень и по коню для старшин. Гордненко отказался идти в поход, но позволил добровольцам принять деньги и идти к Карлу XII (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 22. Л. 246).
- ⁶³ Ж. Б. Савари — П. П. Шафирову, зима 1712/13 гг. // Там же. 1712 г. Д. 6. Л. 439.
- ⁶⁴ ЦГАДА. Ф. 142. Оп. 2. Кн. 9. Л. 112—113. Собственноручный подлинник Петра I. Подробнее этот эпизод изложен в статье: Артамонов В. А. О проекте перехода Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом. С. 1—26. (Рукопись автора).
- ⁶⁵ Б. И. Куракин — Г. И. Головкину из Гааги 27 марта 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 136; Л. Барка — Г. И. Головкину 15 марта 1713 г. // Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 12. Л. 5.
- ⁶⁶ Б. П. Шереметев дважды высылал Али-Абдуллу к Петру I (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 280—508; Кн. 21. Л. 964; ЦГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1712—1714 гг. Д. 11. Л. 20). Интересен рассказ о калабалыке запорожца Фомы Митлушенко, сражавшегося вместе с Карлом XII в горящих постройках (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 86—87 об.).
- ⁶⁷ ЦГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1712—1714 гг. Д. 11. Л. 21, 24.
- ⁶⁸ Это стало формальным рубежом перехода польской эмиграции из шведского под турецкий протекторат. Я. Сапега писал 10(21) февраля из Бендер в Польшу: «Я здесь милость и любовь у Порты имею, и приказано хану меня в свою протекцию. Також все наши люди мне здесь поддались, кроме тех, которые за рубежом выгнаны и на квартирах побиты. Також улановы Загвойского и Урбановича полки ко мне пришли, что ныне довольно для короля своего (Августа II. — В. А.) службы людей имею и никогда желать буду, токмо верным слугою и никому не мыслить» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 21. Л. 964—965).
- ⁶⁹ «Этот кортеж был печальным» (*Fabrice F. E. Zuverlässige Geschichte. . .* S. 277).
- ^{69a} ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 28 об.
- ⁷⁰ АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 21; Допрос запорожца З. Погорелого в Прилуках 4 апреля 1713 г. // Там же. Л. 78.
- ⁷¹ Французский переводчик Форнет — П. П. Шафирову 8(19) мая 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 266—269 об.
- ⁷² «Итак, уже с турецкой стороны... опасатца нечево», — писал Петр I А. Д. Меншикову 16 марта 1713 г. (Каб. П. В. Отд. I. Кн. 21. Л. 251).
- ⁷³ Инструкция барону Ж. В. Безенвалю 17(28) сентября 1713 г. // *Recueil des instructions. . . Pologne*. P. 282—287.
- ⁷⁴ *Koser R. Die Katastrophe der Schweden in Schleswig-Holstein im Jahre 1713 // Ztschr. preuss. Geschichte und Landeskunde*. 1875. Bd. 12. S. 588.
- ⁷⁵ Записка П. П. Шафирова, приложенная к письму Петру I от 23 июня 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 398 об.—399.
- ⁷⁶ Допрос крымца Таз Магомета // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 21. Д. 58. Л. 3—5. Сведения Б. П. Шереметева о 30-тысячной орде, видимо, следует считать преувеличенными (Б. П. Шереметев — Петру I 10 марта 1713 г. // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 353, 353 об.).
- ⁷⁷ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 118, 156. 14 апреля 1713 г. «сумасброд» Ибрагим-паша после 22-дневного везирства по приказу султана был удушен (П. П. Шафиров — Б. И. Куракину 9 мая 1713 г. из Адрианополя // АК. Саратов, 1899. Т. 8. С. 59).
- ⁷⁸ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 239, 405 об.; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 60. Л. 97—100; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 96, 356—357; Кн. 8. Л. 178, 395.
- ⁷⁹ Данные на 1 июля 1713 г. (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 149—150; Кн. 8. Л. 122 об.—128). См. также: ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 89, 92—93.
- ⁸⁰ Несмотря на апрельское распоряжение Ахмеда III вернуть ясырь обратно, крымцы успели тайно продать молодых и здоровых полоняников. 21 ноября 1713 г. и 10 января 1714 г. они вернули всего лишь 258 человек, старых, увечных и обмороженных на обратном пути (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 390—398).

- См. также: Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 25 июня 1713 г. из Киева // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 89.
- ⁸¹ ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 16. Л. 100.
- ⁸² Там же. Ф. 11. Оп. 1. 1713 г. Д. 77. Л. 62.
- ⁸³ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 242—243, 305 об.
- ⁸⁴ К счастью, этого не произошло. Порта была равнодушна к судьбе Померании и Лифляндии и беспокоилась лишь о польском вопросе. Юсуф-паша говорил Шафирову, что они не стали бы протестовать, если бы вся Померания была завоевана русскими (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 6. Л. 758, 905).
- ⁸⁵ Головкин рекомендовал Дашкову отклонять Августа II от посредничества Порты всеми средствами вплоть до угрозы войны (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 14. Л. 5).
- ⁸⁶ В русском переводе турецкой редакции договора полкам запрещалось возвращаться всем вместе (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 14. Л. 5).
- ⁸⁷ Впервые турецкое требование не появляться ни царю, ни царевичу Алексею в Польше было выставлено в сентябре 1712 г. (Там же. 1712 г. Д. 6. Л. 978). В комментариях к договору Шафиров писал, что не мог исключить из текста слов о запрете царю проезжать через Польшу, так как турки «кричали», что они начали войну именно из-за этого (Там же. 1713 г. Д. 7. Л. 332; Д. 14. Л. 15, 82). Для Петра I этот пункт был одним из самых неприятных, и Шафиров, боясь гнева царя, позже пытался смягчить впечатление от него: «А что ваше величество изволите принимать за противно, что мы в первом пункте о проходе вашего величества с войски чрез Польшу впредь с выходе оных однажды из Померании позволить принуждены, и в том прошу я всепокорно прощения, что дерзнул я, по тогдашнему состоянию смотря, писать к вашему величеству о присылке к нам писания вашего, ежели б вам случилось нынешнего лета чрез Польшу, пока мир еще не утвердился. А впредь и не обязаны, ваше величество, своею особою в том трактате. . . и ни малого бесславия и обязания на вашу особу в нем от нас не позволено. . .» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 5).
- ⁸⁸ Это, в свою очередь, обострило отношения с императором и частью немецких князей.
- ⁸⁹ На переговорах Шафиров выставлял встречное требование — выплачивать со стороны османов дань донцам и калмыкам как русским подданным. Борьба Шафирова за то, чтобы статья о дани не была включена в текст договора, стоила 120 тыс. левков (54 тыс. руб.), обещанных лицам, участвовавшим в переговорах (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 561—579).
- ⁹⁰ Позже, в 1720 г., Османская империя уже соглашалась на ввод русских полков в Польшу, если Швеция или другое европейское государство оккупирует республику и попытается ввести там абсолютизм (см.: *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 325). Таким образом, Стамбул соглашался, чтобы Петербург взял на себя гарантии «золотых свобод» Польши.
- ⁹¹ После трехлетнего горького опыта Шафиров не был уверен в том, что при демаркации границы османские власти не выставят новых претензий, и призывал собрать как можно больше военной силы на Украине, чтобы не повторилось то же, что и после набега татар 1713 г. (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 521; ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 317 об.—318).
- ⁹² Донесение О. Плейера из Москвы 19(30) августа 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 32. Оп. 5. 1713 г. Д. 7. Л. 62. Но Петр I не упускал из виду черноморский вопрос; в 1715 г., радуясь смерти турецкого союзника Людовика XIV, он говорил о новом завоевании Азова и Каффы (Там же. 1715 г. Д. 5. Л. 35).
- ⁹³ 26 июля 1713 г. С. Лещинский вел переговоры с крымским ханом о вооруженной помощи (Там же. Ф. 86). За отказ от польской короны и организацию шведско-прусско-польского союза против России при поддержке Турции и Крымского ханства Лещинский предполагал отдать Порте Подолию, Пруссии — Вармию, Августу II — коронные земли, а себе оставить Великое княжество Литовское и Курляндию. Под турецким давлением, кроме Подолии, Станиславу I пришлось соглашаться на утверждение Ф. Орлика гетманом на Правобережье, т. е. отдавать и эти земли под протекторат Османской империи (ЦГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1713 г. Д. 6. Л. 4). А. И. Дашков на основе донесений.

- С. Хоментовского писал, что Станислав I якобы обещал туркам 100 тыс. талеров ежегодной дани (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 16. Л. 177—178).
- ⁹⁴ Ю. Потоцкий — неизвестному лицу 5(16) июля 1713 г. из Бендер // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. 1713 г. Кн. 7. Л. 481.
- ⁹⁵ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 1. Л. 97 об.
- ⁹⁶ Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 204, 247, 274. Сенявский в письме к Головкину 9(20) августа определял силы противника в 53 700 человек, не считая 36 500 человек у Трабона. 10 тыс. орликовцев транспортировали 30 орудий с 2 тыс. бомб (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 44; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 434 об.).
- ⁹⁷ АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 478—479.
- ⁹⁸ А. И. Дашков писал Г. И. Головкину 1 августа 1713 г.: «Отсюда доношу, что здесь война турецкая весьма не утихает. . . Королевское величество и другие сенаторы и министры ясно говорят, что ежели его царское величество не изволит подать нам помощи своея, то уже невозвратно Польша погибнет и под ярмом босурманским пребывати будет» (Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 669). Агент Лешевский из Львова доносил в штаб Шереметева, что в Краковском воеводстве, Великопольше и некоторых других повятах шляхта обещает помогать Станиславу I (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 124; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 476).
- ⁹⁹ А. И. Дашков — Г. И. Головкину 16 июня 1713 г. из Варшавы // Оп. 1. Карт. 21. Д. 181. Л. 4.
- ¹⁰⁰ П. П. Шафиров — Петру I 1 и 19 июля 1713 г.: «Последуя в том их примеру полскому, как они при объявлении его величеству двоекратном войны от турков, поступали с фиглями и ждали и смотрели, куда дела пойдут» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 19. Л. 263).
- ¹⁰¹ Б. И. Куракин — Г. И. Головкину 18 августа 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 573.
- ¹⁰² П. П. Шафиров — Петру I на основе донесений своих агентов 10 апреля и 10 июня 1713 г. из Адрианополя // Каб. П. В. Отд. II. Кн. 18. Л. 589, 618, 250—254.
- ¹⁰³ ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 275—278, 395.
- ¹⁰⁴ *Lisowski J.* Zur Frage der türkischen Polenpolitik der Jahre 1704—1714 // *Folia orientalia.* 1970. Т. 12. С. 139.
- ¹⁰⁵ Последнее привело к резкому саксонско-польскому конфликту 1714—1717 гг. С 1713 г. начинается новый пласт саксонско-польско-русских отношений, закончившийся знаменитым «Немым сеймом» 1717 г. Все это остается вне рамок данной работы.
- ¹⁰⁶ Форнет — П. П. Шафирову 5 сентября 1713 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 7. Л. 501, 515; ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 144.
- ¹⁰⁷ На эту тему см. обстоятельную работу: *Gierowski J.* Traktat przyjazni Polski z Francją w roku 1714. W-wa, 1965. Шафиров приписывал себе заслугу возвращения С. Лещинского в Бендеры (АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 10. Л. 546, 546 об.), хотя и полагал, что С. Хоментовский будет оспаривать это: «Я истинно пишу, ибо мы здесь побольше их (польского посольства. — В. А.) приятелей и знаёмости имеем и к тому ж, где нужда и денег не жалеем, а как слышу, они берегут» (Шафиров — А. А. Матвееву 19 августа 1713 г. // Там же. Л. 546).
- ¹⁰⁸ Август II — Каплан-Гирей 26 апреля н. ст. 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 16. Л. 8—9. Расширенный вариант см.: Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1712—1714 гг. Д. II. Л. 43—45.
- ¹⁰⁹ А. И. Дашков — Г. И. Головкину 10 октября 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 16. Л. 255, 269.
- ¹¹⁰ Реляция с конференции панов сенаторов и министров с послами хана и турецкого сераскера 18 октября н. ст. 1713 г. // Там же. Д. 17. Л. 21. Д. 16. Л. 263—273; Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 68.
- ¹¹¹ Каплан-Гирей — Карлу XII, январь 1714 г. // Там же. Л. 84. Казаков Порта к тому времени уже собиралась «выбить вон. . . яко безделных людей и позволить им иттить к полякам или к московским, и уже было отнята корм, который даван их гетману», но хан убедил добиться для них места поселения на Правобережье как резервной силы против России (Там же. Л. 70; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 223—224).
- ¹¹² *Gierowski J.* Traktat przyjazni. . . S. 147, 160.

- ¹¹³ П. П. Шафиров — А. И. Дашкову 26 августа 1714 г. // АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 10. Л. 429—430.
- ¹¹⁴ Я. Сапега собирался отбить литовское войско у Поцея и вместе с турками добиваться от царя Лифляндии. А. И. Дашков подчеркивал химеричность таких проектов из-за «обнищания» Польши (ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 226).
- ¹¹⁵ Приезд в Петербург ротмистра А. Давиденко с прошением хана принять его с ордами Крымскими и Белгородскими в подданство русское (ЦГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1709 г. Д. 2. Л. 1—2; 1712 г. Д. 1. Л. 3—4, 6).
- ¹¹⁶ Карлу XII определялся маршрут от Снятыни до Гданьска с 6 тыс. конвоя без включения станиславцев и казаков. Возглавлять и замыкать колонну должны были коронные войска. Шведы, принимающие короля в Гданьске, не должны были сходить с кораблей. См.: С. Хоментовский — А. Н. Сенявскому 29 марта 1713 г. н. ст. из Адрианополя // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 9. Л. 12; Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 545.
- ¹¹⁷ Донесение С. Хоментовского в декабре 1713 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1713 г. Д. 16. Л. 37.
- ¹¹⁸ П. А. Толстой писал в статейном списке за 1703 г.: «Поляков ни во что вменяют и ниже помышляют о их жолнерах, ниже о силе и никакого попечения об них не имеют и оставляют их под побеждение татаром крымским и не помышляют болши вести с ними войну» (ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 197). См. также неприличные высказывания о поляках, допущенные великим везиром Юсуф-пашой в разговоре с П. Дезальером (Там же. 1712 г. Д. 6. Л. 974).
- ¹¹⁹ Французский секретарь «Иона» — П. П. Шафирову 31 января 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 77 об. — 78; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 211—214
- ¹²⁰ Копия письма Калиновского из Лысенки 29 января 1714 г. н. ст. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 16. Л. 42; А. Н. Сенявский — Г. И. Головкину 28 февраля н.ст. 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 401; Б. П. Шереметев — Г. И. Головкину 7 февраля 1714 г. // ЦГАДА. Д. 14. Л. 38.
- ¹²¹ Петр I отменил свой приказ о высылке казаков-эмигрантов к Москве, и к марту 1714 г. около 600 казаков было поселено в районе Глухова и Конотопа. См.: Г. И. Головкин — Б. П. Шереметеву 11 апреля 1714 г. // Там же. Л. 20; АЛОИИ. Ф. 83. Оп. 3. Д. 13. Л. 11 об.—14; Д. 9. Л. 27 об.—28.
- ¹²² Копия письма Каплан-Гирея — Калиновскому, февраль 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 399; Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 25. С. 389.
- ¹²³ *Gierowski J., Leszczyński J.* Dyplomacja polska w dobie unii personalnej polsko-saskiej // *Polska służba dyplomatyczna XVI—XVII wieku.* W-wa, 1966. S. 412.
- ¹²⁴ П. П. Шафиров — Г. И. Головкину, май 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 3. Л. 122. Слабым отголоском пролетевшей грозы был дипломатический нажим Шефершаха в августе 1714 г., когда тот снова предлагал польско-саксонской унии отказаться от конфронтации со Швецией и при помощи орды начать войну с Россией, ставя на вид, что султан не послал Карла XII и Станислава I против республики, причем за это Польше будет «подарено» Правобережье. Я. Сапега уверял Августа II, что в таком случае царь наверняка уступит Лифляндию, как уступил Азов туркам. Толмач Шефершаха, получивший 135 червонных от Дашкова, видимо, вводил его в заблуждение, когда говорил, что польский король готов подключиться к новой войне турок против России для отобрания Киевщины и Смоленщины. См.: А. И. Дашков — Г. И. Головкину 9 сентября и 28 сентября 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 225, 237—241.
- ¹²⁵ Станислав Лещинский — Каплан-Гирею из Цвайбрюккена 9 июля н. ст. 1714 г. // ЦГАДА. Ф. 89. Оп. 4. 1714 г. Д. 4. Л. 1.

SYNOPSIS

What are the peculiar features of 1709—1714 when Poland was liberated from the Swedish yoke and withdrew from the Northern War seven years before it was over?

Czar Peter I chose to solve the historic problems of the 17th century (the Black and Baltic Seas and the Polish-Ukrainian) one after the other. The common aims of Russia and Poland in the 1683—1699 Turkish War made the old stumbling block (i. e. the Ukrainian and Belorussian lands) recede to the background.

In the early 18th century Russia's part in Europe's international life rose sharply while the economic and military decline of the united Polish-Lithuanian state was obvious. It seemed a good time for the partition of Poland, but the Hapsburgs' interests had turned to Italy, and Spain and Prussia were not yet strong enough, whereas Russia, involved in the Baltic problem temporarily refused to join up the eastern Slavic lands of the Crown and the Great Dukedom of Lithuania, being conscious of the fact that would not speed up the country's economic and cultural growth.

Russia's allies in the war against Sweden were the Danish-Norwegian union and Saxony. The low estimate of the Polish gentry's military potential and the unwillingness to revise the 1686 «eternal peace» terms in case Poland were involved in the alliance, predetermined Russia's interest in keeping Poland neutral at the beginning of the Northern War (an interest which coincided with the foreign policy of the Polish-Lithuanian ruling class). Saxony was considered the basic support ever since an alliance was struck with it in 1699 and till 1704 and Russian diplomats were labouring hard to have Charles XII's main army engaged in the Polish theatre of operations. By 1704 the Russian troops had conquered Ingria, Ivangorod, Narva, Derpt and other Livonian towns.

The Swedish victories in Poland confronted Russian diplomacy with the task of preventing Saxony's defeat and consolidating the Polish-Lithuanian state under S. Leshchinsky's scepter. After the conclusion of the Russian-Polish alliance in 1704 the Saxon king and the Republic were regarded as a political fulcrum. However, despite Russia's assistance Charles XII kicked Saxony out of war.

The Polish issue became central in Russian politics since 1706 and especially in the crisis years of 1708—1709 when the Sandomir confederation was the only ally to resist Sweden. In its turn, the only means to save Poland from the Swedish yoke was Russia. It is quite obvious that without the Russian-Polish alliance (while Russian-Polish relations were hostile) the positions both of Russia and Poland

would have been worse. The Russian-Polish alliance prevented the Swedes from uniting the Poles under the slogan imposed on them of reconquering the Smolensk and Kiev dukedoms. S. Leshchinsky's followers hated the Swedish dictate and moved to the east reluctantly and slowly only in obedience to Charles XII's order. In the spring of 1709 the Sandomirians, helped by the Russian army, halted the march on Poltava of E. Krassau's corps of 11,000 men and Stanislaus I's 24,000 volunteers (almost unable to act). In the crucial summer of 1709 the Swedish king's army was cut off from the Polish rear.

The victory at Poltava gave new life to the Northern union now headed by Russia. The bulk of the Northern war moved to East Baltics and Pomerania. The Russian army, without the Poles and Saxons, seized Riga, Revel and Vyborg. The Swedish barrier on the Baltic Sea was smashed. As a result of the Poltava victory Stanislaus I's troops had dispersed and the Republic was freed from the Swedish occupation practically without bloodshed.

The relative share of Poland in Russia's politics sharply declined after 1709 and was closely associated chiefly with the eastern problem. The new Saxonian-Russian division of Livonia in Toruni was made without the participation of the Polish-Lithuanian state. Like Prussia and Saxony, Russia (as distinct from France, the Hapsburg monarchy and Sweden) was not at the outset of the Northern war a guarantor of the Polish gentry's privileges and a principle opponent of conceding part of Polish lands in favour of the allies. Everything was made dependent on the changing conditions of the war. The Poltava victory was not only the first stone laid in the foundation of Russia's great power status, but also pre-determined the programme of maintaining the Polish «golden liberties» and the territorial integrity of the Republic which identified basically Russia's policy till 1772. From 1709 Peter I's government considered itself free from obligations to pay 200,000 rubles as annual subsidy to keep the Polish Army.

The entire vast Polish-Lithuanian state was almost completely excluded from the sphere of influence of the then great rival powers — France and the Hapsburg monarchy, and Sweden and the Ottoman empire. The previous political balance in Eastern Europe had been violated. With the agreement of the Polish king and the top officials of the Republic the Russian army was moved from the Polish bridge-head to Central Europe to attack the Swedish possessions in North Germany and to block Charles XII's allies in Moldavia. Russian diplomats switched their main attention to the West where they hoped to find diplomatic support or the benevolent neutrality of the maritime powers, the Hapsburgs, France and the new allies amongst the German principalities. As a result of the Poltava victory the Valna Warsaw Rada in 1710 closed the issue inherited from the 17th century: the Republic had finally ratified the 1686 «eternal peace» treaty and agreed to recognize the Russian-Polish borders established by it.

After the removal of the Swedish threat the Polish upper stratum was opposed to the presence of either Saxon or Russian troops on Polish territory. The need for Russian military aid had lessened and the former concept of neutrality had gained new ground.

Russian military control in the Republic also pressed the positions of August II who was given the crown by Peter I. For this reason, from 1709 the centre of gravity of Russia's and Saxony's foreign policies shifted beyond the framework of the Northern union. In an attempt to turn the Polish-Saxonian union from a personal into a real one August II sought support from Prussia and the Hapsburgs as a counter-balance to a stronger Russia.

After the attempts of the Swedish king to break through from Moldavia to Stanislav I had been cut short by the Russian regiments stationed over the Carpathians and on the Dniester river, he decided to rectify the situation through Ottoman armed assistance. He sought to raise his political weight in the eyes of Istanbul by coordinating the conflicting plans of the forces from Zaporozhie, the Stanislaus's and from the Crimea. In 1709—1710 K. A. Bulavin's followers (Cossaks from the Don who left for the Kuban) sent messengers to K. Orlik and Charles XII, including the son of I. Nekrassov. With the help of France and Leshchinsky's supporters, who retreated to Benders, «the last of the Vikings» persuaded Sultan Ahmed III to move the crescent forces to the north. The Swedish and the French propaganda circulated a false rumour that Peter I intended to restore the Byzantine Empire in the Balkans. By a double blow — from Swedish Pomerania and from Moldavia — Charles XII thought to re-capture Poland and then repeat his march into Moscow, but he failed to strike and alliance with Porta. The Ottoman government sought to localize the conflict with Russia and refused even to raise against it the Muslims and Lamaists in Eastern Europe. The calculations of the Swedish king were a mistake. At that time the results of the Poltava victory could be hopefully revised only in cooperation with the then great powers, but Charles XII refused to observe the interests of the great powers in Northern Germany and, as distinct from the Swedish State Council, failed to recognize the system of «northern neutrality» and left Livonia to its own destiny.

After Ahmed III declared war in November 1710 the Polish ally became somewhat more important for Russia. The Turkish interference made Russia scatter its forces in several directions. Mobilizing all anti-Turkish forces at trading stations from Italy and the Balkans to the Caucasus and the Volga river, Peter I's diplomats sought to confront the Polish-Lithuanian state with an impossible task, to wit, to involve the Polish Army in the march to the Danube. With this aim in view M. Volovich's embassy was given «full diplomatic treatment» (February 1711), and Russian-Polish talks were held in Yaroslavl (May 1711). Success was achieved in talks with Augustus II on co-ordinated action and the sending of Saxons to Pomerania where they were promised additional lands, but the Polish

part made counter claims which included unconditional Polish control over Left-Bank Ukraine, the transfer on the whole of Livonia captured by Russia, and the withdrawal of all regiments from Poland. In 1711—1713 the Polish senators thrice raised the problem of participation in the partition of Sultan's Danube provinces. They were in no way re-assured by Chancellor G. I. Golovkin's promises to resolve the problem of Livonia and to evacuate the Russian garrisons from behind the Danube after the Northern and Turkish wars. Thus, the Polish upper clique, although aware of the military weakness of their state, had not lost political prospects and ambitions. Apart from their general reluctance to be involved in war against the Ottoman empire, the Polish gentry knew from Sultan's manifestos of his intention to wage war only against Russia, so no ultimate Russian-Polish agreement had been reached on the eve of the Prut campaign. In Moldavia only one unit of seventy Polish mercenaries fought together with the Russians. Incidentally, the Tartar forays and the need to prevent S. Leshchinsky's people from entering Poland made the Republic take defensive measures on the border and even inform the Russian command (after the Prut armistice) of the dispatch of troops to help the Russian army.

The conflict with the Ottoman empire had not been settled by the 1711 Prut peace treaty. Expecting an uprising during Charles XII's return to Sweden through Poland, the troops led by field marshal B. P. Sheremetyev did not leave the crown lands and held the city of Azov. The growing tension between Moscow and Istanbul was accompanied by the increasing secret activities of the opposition in the Polish-Lithuanian state. The prolonged stay of Peter I's army in Poland and the routine (for the 17th—18th cc.) breaches of discipline in food collection sharply exacerbated Russian-Polish relations in 1712. The idea of «retaliation» was current among the Polish gentry. Saxony was taciturnly supporting these sentiments. In July 1712 the Republic unilaterally renounced the «military» article of the 1704 «eternal defensive alliance» — to maintain 12,000 men of auxiliary troops.

Nonetheless, Charles XII had not succeeded, as before, in knocking together a united anti-Russian front and entrenching himself in Poland. His raid into Great Poland in 1712 was a failure. Mindful of the Swedish occupation regime, most of the Polish gentry refused to come out against the Russian auxiliary troops, nor were they turned for alliance and aid to the Ottoman Turks, as expected and feared by Russian diplomats. On comparing the position of the Sandomir confederates in 1704—1709 which stayed on their lands, and the Warsaw confederates which emigrated in 1709—1714 to Moldavia, it is safe to say that the Polish society of the early 18th century, despite its frictions with the ally did not consider Russia to be «enemy number one». Anyway, no open war broke out as was the case in 1715—1717 in respect of Poles and Saxons. Both the Polish-Lithuanian state and Russia continued to consider valid all the other articles of the 1704 allied Russian-Polish treaty. The damage

inflicted on the population by the billeting of Russian troops in Byelorussia, Ukraine and Poland should not conceal the fact that Russia prevented Charles XII, after his defeat at Poltava, from putting into effect his plan to restore the Swedish rule in Poland. Withdrawing the troops under the Sultan's pressure beyond the Polish borders Russian diplomats were merely «surprised» at the Polish refusal of military aid.

The raid of M. Stenbok's Swedish corps into Pomerania, the third declaration of war by the Sultan in November 1712 and the threat of a possible repeated emergence of two fronts made the Russian government, as distinct from 1711, adopt defensive arrangements in the south, i. e. planning to burn the steppes and grain in the Ukraine, to possibly leave Kiev and blow up the walls of the Kiev-Pechora monastery, but to keep the Dnieper river line. Peter I promised Devlet-Ghirey a million levkos (450,000 rubles) for the delivery of Charles XII.

In 1713 the Ottoman empire used a large-scale foray of the Crimeans and the Nogaites beyond Kiev, Penza and Tambov which resulted, in the capture of some 22,000 inhabitants, and, chiefly, the tsar's wish to have a free hand to deal with the Baltic problem, to impose a new Adrianopol peace treaty under which Russia had to withdraw its regiments from Poland and to evacuate a large part of Cossaks and peasants from the right bank to the Dnieper river. Losing a nearly ten-year long control over the Right-Bank region (1704—1712/14) in favour of the Polish-Lithuanian state Russia strove to prevent the Turks from establishing their rule over it. Only thanks to the Ottoman pressure Poland succeeded in having the minimum of its claims in respect of the Russian ally satisfied. Wherever the Polish and the Turkish claims did not coincide (Livonia) the results were nil.

Western historiography has it that Peter I paid a «ludicrously low price» for the liberation at the Prut but this is not true. Up to 1713 Russia had to pay very dearly for the Prut disaster: by the loss of the Don estuary in 1711, Western Zaporozhie and the Right Bank strip in 1712, Eastern Zaporozhie in 1713, a convenient Polish spring-board, several campaign failures in the Northern War and even its extension by at least three years, and a ban for Peter I from to appearing on Polish territory. All this shows how close Turkey was to interfering in the Northern War. In 1713, 1715 and 1716 the Russian government was forced to give preliminary notice to its southern neighbour concerning the marches it planned to make through Poland. But the Turkish interests in the Mediterranean and the Balkans and the desire to avoid getting bogged down in alien politics in the Baltic area and, to some extent, isolationism and internal instability, prevented the Ottoman empire from acting as a great power arbiter between the Northern rivals. Porta was satisfied with formal signs of removal of Russian influence in Poland. Ahmed III gave no guarantees for Swedish possessions in Pomerania and Livland, despite the persistent attempts for four years on end on

the part of Charles XII to join the Northern and the Turkish wars. Moreover, irritated by the interference in their internal affairs (intrigues at the Sultan's court) the Turks decided in the winter of 1712—1713 to force the Swedish king out of the country and after a quarrel sent him to the innermost part of Frakia.

The victory at Poltava was convincing proof of the new absolutist Russia's increased power. After the exile of Charles XII the decline of the Swedish great power status supported by the Ottoman empire in 1709—1712 became obvious. 1713 deprived the Swedish king of the final hope for a coup in the Polish-Lithuanian state by the janizaries. The conglomerate of his Polish and Ukrainian followers in Moldavia fell apart; it was now orchestrated by the Sultan government.

It would be wrong to think that the real platform of the Istanbul court was to defend the «independence» of the Polish-Lithuanian state. The Eastern crisis had not been completed by the 1713 Adrianopol peace. After Turkey's humiliating defeat in the 1683—1699 war the victory over Russia added new militancy to the Ottoman Turks; it gave an impulse for revenge against the Polish-Lithuanian state and Venice. Having begun war in 1710 for the «liberation» of Poland Porta changed by 1713 its programme for an anti-Polish one. In August 1713 Ahmed III organised a show-down military march to Hotin. Using diplomatic and military pressure similar to that in respect of Russia, he hoped to get the crown lands of Ukraine promised to him by Stanislaw I, to seat F. Orlik in the Right-Bank area, to cut off Poland from its alliance with Russia and, if possible, to kick it out of the «Holy League», and to break the Polish-Saxon union.

The Crimean khan never gave up the hope of receiving a contribution from Russia promised orally by P. P. Shafirov at the Prut, and then in Istanbul in the spring of 1712. Every kind of diplomatic influence was exerted on the Polish embassy in the capital of the Ottoman empire, while a Turkish commission was at the ready at the border to start a new territorial delimitation in the Ukraine with Russia and the Polish-Lithuanian state.

1713 was the year of peak Turkish danger for Poland in the Northern war. A repetition of the siege of Kamenets-Podolsk was so real and tangible that both Saxony and the Republic raised the alarm in Europe. They begged their Russian partner to be unswervingly loyal to the «eternal Russian-Polish alliance» and to keep its army alerted.

Keeping in mind the continuing war in Finland and Pomerania and the small strength of the Turkish army Peter I's diplomats refused to believe that the janizaries would penetrate deep into the Crown Ukraine to re-install Stanislaw I. In B. I. Kurakin's opinion even the loss of Podolia could bring the Republic closer to Russia. In this connection Peter I decided to keep peace with the Ottoman empire and to render the Poles only diplomatic assistance. The Russian armies were to interfere in the Turkish-Polish conflict only in the Swedes or Stanislaw's troops invaded from Finland, the

Gdansk sea coast or Pomerania, because it was not inconsistent with the terms of the Adrianopol treaty.

The Polish king transferred the Saxonian troops from Western Europe to Poland; he began negotiations with France and under the pretext of the Turkish danger tried again to effect his absolutist plans. During his secret contacts with the Turks he intimated the possible conclusion of a Polish-Turkish alliance, while Khan Kaplan-Ghirey suggested that reconciliation between August II and Charles XII be arranged on Ottoman territory instead of the Brunswick congress which was strongly resented by Russian diplomats.

The danger from the south and the outrages of the Saxonian armies in Poland dramatically exacerbated Polish-Saxonian relations and led to rapprochement between Russia and Poland. Because of the conflict with the Ottoman empire, Russia had lost a lot of territory in the Ukraine; Saxony had lost an opportunity to annex Pomerania, while the weak Polish-Lithuanian state had emerged from the eastern crisis without any losses. Porta was satisfied with the Republic's promise to observe his own sovereignty in relation to Russia which reflected the Sultan's intention to play on the differences between Russia, on the one hand, and Saxony and the Polish-Lithuanian state, on the other, and his hope for the re-emergence of traditional Russian-Polish antagonism.

Since this period the Russian diplomacy, in connection with August II's separatist policies and the Saxons military operations against the Tarnograd confederates in 1715—1717, began to play on the differences between the king and the Republic, making use of the favourable position of intermediary.

Russia's exceptional influence in the Polish-Lithuanian state, greater than that of other countries and exerted through Russia's support-oriented agents, was not an end in itself. The activity of Peter I was not confined to Eastern and Northern Europe: the tsar dreamt of making Russia a maritime power like Great Britain, Netherlands and France. In such a context Poland was to become a rear base linking the Baltic and the Black Sea problems. The tsar's agreement to the Prussian project of joining Varmia and the Gdansk sea coast area to Brandenburg—Prussia stemmed from the 1711 Turkish crisis and the hope for military aid from the Prussian king against Sweden. The Moscow court did not reject the possibility of establishing its power in the Left-Bank Ukraine based on the anti-Polish sentiments of the Cossacks in the area, but on the whole the Russian-Polish dispute about the Ukrainian issue was dwarfed by the struggle for an outlet to the Baltic Sea and the Russian-Polish allied relationships. After Porta had ousted the Russian influence from the right-bank Ukraine, Russia was interested in having it under the influence of the Polish-Lithuanian state rather than the Ottoman empire. Attempts were made to mobilize the Polish partner against Turkey and Sweden something it simply could not do.

The Romanovs, like the Hapsburgs, the Ottoman Turks and the Swedes, disagreed with the idea of absolutist reforms in Poland at the price of partitioning Polish lands. The government of Peter I preferred at that time to retain its exclusive influence over the whole territory of the Polish-Lithuanian state. To see the justice of this judgement suffice it to imagine the consequences that could have taken place should the diplomatic corps and all the armed forces of the new Russia that stormed the Swedish barrier had been thrown against the Polish gentry's Republic. After the Turkish danger had been removed the Russian diplomacy deemed it expedient to trade off Prussia's participation in the Northern war for the Polish Elblong and the Gdansk sea coast area. Swedish Pomerania was offered as game. The project to restore in Livonia the Teutonic order, a former adversary of Poland and the Great Lithuanian Principality was also turned down.

In a study of the problems of Northern War it is out of the question to ignore the Russian-Polish union formed in 1704 which played such a positive role both before and after the Poltava battle, despite the differences between and the unequal forces of the partners. The attempts of Swedish, French and Turkish diplomats to revive Russian-Polish enmity had totally failed. The larger part of Polish society was on Russia's side. The Polish ally made a positive contribution to the success of the Northern War. The Polish-Lithuanian state had not become a link between Sweden and the Ottoman empire; by 1714 the Republic had emerged integrated after the most devastating wars from the mid-15th to the mid-18th centuries and was formally included amongst the victorious powers in 1721. The Russian-Polish rapprochement that began in the second third of the 17th century developed into militant and political co-operation in the first half of the Northern War.

V. A. Artamonov

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890—1902
Т. 1—10.
- АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗНТШ — Записки наукового товариства ім Т. Г. Шевченка.
- МВУА ГШ — Материалы Военно-ученого архива Главного штаба.
- Каб. П. В. — ЦГАДА. Кабинет Петра Великого.
- ПЖШ — Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. СПб., 1898.
- ППВ — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; М.; Л., 1887—1977. Т. 1—12.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. С. 1649 г. СПб., 1830.
- Сб. РИО — Сборник императорского Русского исторического общества.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив, Москва.
- ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских.
- КФА — Karolinska Förbundets Årsbuk.
- ККД — Karolinska krigares dagbocker.
- НН — Handlingar, hörande till konung Carl XII: s historia. Stockholm, 1820.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абди-паша, главнокомандующий османской армией в походе к Хотину в 1713 г. 144, 145
- Абдулла-мурза, крымский посланец в Речь Посполитую 181
- Абрахамович З.* 176
- Август II Сильный (1670—1733), саксонский электор Фридрих Август I из саксонской династии Веттинов с 1694 г., польский король в 1697—1706 и 1709—1733 гг. 6—10, 12, 13, 17—19, 25, 27, 31—43, 45, 49, 52, 55, 58—66, 68, 70, 74, 76—84, 96, 100—106, 108, 114, 118, 122—125, 129, 130, 132—137, 143—147, 149, 151, 155, 159, 163, 166, 168—171, 176, 177, 183—186
- Адлерфельд Густав (1671—1709), капитан, придворный хронист при Карле XII 10
- Айвас-паша, османский комендант г. Азова 111, 179
- Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), царь Македонии, великий полководец 101
- Алексей Петрович (1690—1718), царевич, сын Петра I 12, 33, 44, 57, 71, 74, 114, 122, 129, 184
- Али Абдулла, янычар, участник «калалыка» против Карла XII в 1713 г. 135, 183
- Алларт Людвиг Николай (1659—1727), барон, голштинец, с 1706 г. — генерал русской службы 82, 86, 172, 173, 175
- Альштрем В.* 163, 166
- Андрусак М.* 10, 162
- Анисимов Е. В.* 21
- Анна Иоанновна (1693—1740), племянница Петра I, вдова курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, русская императрица (1730—1740) 119, 122, 125
- Анна Стюарт (1665—1714), королева Великобритании и Ирландии (1702—1714) 26
- Анненков, бригадир в Белой Церкви в 1709—1712 гг. 108
- Апостол Даниил Павлович (1654—1734), миргородский полковник в 1683—1727, гетман Украины с 1727 г. 138, 139
- Апраксин Петр Матвеевич (ум. ок. 1726—1728), граф, казанский губернатор с 1708, сенатор с 1717, президент Юстиц-коллегии с 1722 г. 48, 69, 81, 96, 100, 108, 138, 145, 166, 171, 176
- Апраксин Федор Матвеевич (1671—1728), граф, генерал-адмирал русского флота, азовский губернатор, сенатор, президент Адмиралтейц-коллегии с 1717 г. 53, 107, 166—169, 171, 177, 178
- Арвидсон (Стурве) Стен (1681—1730), генерал-адъютант Карла XII с 1711 г. 182
- Армамаков Михаил Михайлович, стольник, обер-комиссар, обер-провиантмейстер с 1714 г., позже генерал-квартирмейстер 57, 123, 128, 181
- Артамонов В. А.* 161, 163, 164, 174, 179, 183
- Артеус Г.* 163
- Атей, бухарский бей 48
- Ахмед-ага, чавуш-баша («страж двери»), церемониймейстер, выполнял поручения султана и великого везира 95, 107
- Ахмед-бей, салахор (подконюший) 126—128, 139
- Ахмед III (1673—1736), турецкий султан с 1703 г. 40, 42, 45, 46, 53, 54, 70, 78, 84, 86, 96, 99, 107, 110, 112, 114, 128, 134—136, 138, 142, 149, 155, 158, 183
- Аюка (1642—1724), калмыцкий хан с 1672 г. 48, 81, 98, 141, 176
- Балтаджи Мехмед-паша (ок. 1655—1712), великий везир в 1704—1706 и с ноября 1710 по ноябрь 1711 г. 46, 47, 72, 85, 87—91, 93, 95, 96, 99, 101, 105, 106, 108, 110, 174—178
- Балюз Жан Казимир де (1648—1718), французский резидент в Варшаве, посол в России в 1703, 1710—1713 гг. 55, 74, 170
- Барка Лука Чириков (Кириков), секретарь и переводчик русского посоль-

- ства в Стамбуле, дубровницкий консул в Стамбуле, переводчик английского посольства, русский агент «Макарий» до 1712 г. 108, 128, 137, 166, 171, 173, 174, 178, 183
- Барка Николай Чириков (Кириков), секретарь и переводчик русского посольства в Стамбуле, брат Луки Барки 90, 95
- Батыр-Гирей (Бахт-Гирей), сын хана Девлет-Гирея II в 1708—1713 гг. 52, 85, 138
- Баудиц, саксонский генерал-лейтенант 125
- Бахниотов (Бахмиотов) Яков Хрисанфович (ум. 1725), капитан Преображенского полка, комендант Петропавловской крепости в Петербурге в 1723—1725 гг. 125
- Безенваль Жан Виктор, барон де Брунштатт (1671—1736), швейцарский генерал и дипломат на французской службе с 1689 г., французский резидент в Гданьске, чрезвычайный и полномочный посол при Карле XII и Станиславе I с 1707 г., посол в Варшаве с 1713 г. 146, 183
- Бестужев-Рюмин Дмитрий Михайлович, посланец в ставку великого везира Мехмеда-Балтаджи в 1711 г. 95, 176
- Бжуховский Юзеф Антони (ум. ок. 1730), полковник, овручский староста с 1709 г., великий стражник коронный с 1724 г. 125
- Биберштейн фон, Иоганн Август, прусский дипломат при русском дворе 77
- Бодянский О.* 20
- Бонковский, польский гонец в Стамбул в 1709 г. 102
- Боур (Баур) Рудольф Феликс (Родион Христианович) (1667—1717), голштинiec, на русской службе с 1700, кавалерийский генерал-лейтенант с 1706 г. 125, 126, 144
- Брынквяну Константин (1654—1714), господарь Валахии с 1688 г. 67, 82, 85, 86, 173
- Брюс Яков Вилимович (1669—1735), граф, генерал-фельдцейхмейстер с 1704/1711 гг., генерал-фельдмаршал с 1725 г., ученый, инженер, дипломат, президент Берг- и Мануфактур-коллегий 122
- Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660—1708) донской казачий сотник, предводитель казачьего восстания на Дону в 1707—1708 гг. 31, 51, 155, 167
- Бурбоны, династия французских королей 1589—1792, 1814—1830 гг. 3
- Бутурлин Иван Иванович, генерал-майор 81, 96
- Быстрицкий, казацкий полковник, стонник Ф. Орлика 124, 126
- Вайсмантель Е.* 20, 167, 172, 182
- Вакербарт Август Кристоф (1662—1733), мекленбуржец, граф, генерал с 1709 г., саксонский посол в Вене 170
- Валлер С. М.* 163
- Василевский И., польский стражник Оршанского повята 65
- Вейде Адам Адамович (1667—1720), русский генерал, сенатор с 1717, президент Военной коллегии с 1718 г. 82
- Вейсброд А.* 169
- Велчек (Вильчек) Генрих Вилем, граф (1665—1730), имперский фельдмаршал-лейтенант, австрийский посол в России с 1709 г. 65, 70, 71, 166—170, 175
- Вертерн Г., саксонский дипломат 62
- Весела З.* 167
- Веттины, династия саксонских маркграфов с 1089, курфюрстов с 1423 и королей в 1806—1918 гг. 22, 41, 43, 64, 68, 77, 80, 104, 105, 123, 132, 142, 143, 146, 147, 181
- Видман Иван, генерал-майор на русской службе 53
- Вилковский, польский гонец в Стамбул в 1709 г. 102
- Виммер Я.* 13, 35, 162, 164
- Витворт (Уитворт) Чарлз (1675—1725), английский посол в России в 1704—1710 гг., позже в Австрии, Пруссии, Голландии и др. странах 178
- Виттельсбахи, династия баварских герцогов и курфюрстов с 1180 г. 3
- Витграм Р.* 15, 118, 119, 162, 168, 170, 180
- Вишневецкий Михал Сервазий Корибут (1680—1744) князь, виленский воевода, великий литовский гетман в 1703—1707, 1735—1744 гг. 41, 43, 56, 58, 123, 125
- Вишневецкий Януш Антони (1678—1741), виленский воевода с 1704, краковский воевода с 1706 г., брат М. Вишневецкого 41, 140, 147
- Владиславич Савва Лукич (Рагузинский) (1664—1738), герцеговинец, русский дипломатический агент в Стамбуле в 1702—1708, надворный советник с 1710, русский представитель в Черногории, Венеции и Риме до 1722, посланник в Китай в 1727 г. 89, 127, 169, 171—175, 178
- Возгрин В. Е.* 10, 21, 161, 166
- Возницын Прокофий Богданович, думный дьяк, советник, посол на Карловицкий конгресс в 1698—1699 гг., начальник Аптекарского приказа 81

- Войнаровский Андрей Станислав Янович, племянник гетмана И. С. Мазе-пы, пленен в 1716, умер в Сибири ок. 1743 г. 51, 124, 126, 136
- Волков Григорий Иванович, секретарь Посольского приказа, русский посол в Париже 70, 74, 97, 176
- Волконский Александр Григорьевич, генерал-майор 53
- Волович Марциан Доминик, маршалок Великого княжества Литовского, посол в России в 1711 г. 30, 43, 54—57, 60, 61, 64, 65, 123, 155, 167, 168
- Волянский Артемий Петрович (1689—1740), ротмистр, позже посланник в Иран в 1716—1718, генерал-адъютант Петра I, губернатор Астрахани, Казани, кабинет-министр 95, 176
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778), французский философ 95
- Вуйцик З.* 161
- Габош К.* 169
- Габсбурги, династия в «Священной Римской империи германской нации» 1273—1438, 1438—1806, Испании — 1516—1700, Австрийской империи — с 1804 по 1918 гг. 3, 7, 18, 23, 26, 27, 37, 38, 48, 49, 60, 64, 70, 71, 72, 74, 75, 77, 96, 97, 114, 118, 121, 131, 132, 143, 145, 146, 150, 153—155, 160, 167, 176
- Гагарин Матвей Петрович, московский комендант с 1707, сибирский губернатор с 1708, казнен в 1721 г. 80
- Галаган Игнатий (Гнат) Иванович (ум. в 1748), чигиринский полковник до 1712, прилуцкий полковник с 1714 г. 53
- Галани, дубровчанин, папский нунций в Стамбуле 137
- Гассан-паша, начальник турецкого конвоя для Карла XII 105, 106
- Георг I Людвиг (1660—1727), ганноверский курфюрст, король Великобритании с 1714 г. 19
- Геровский Ю.* 13, 118, 147, 161—163, 168, 180, 185, 186
- Гилленбург, шведский граф 180
- Глаголева А. П.* 9, 161
- Гогенцоллерны, династия бранденбургских курфюрстов — 1415—1701, прусских королей — 1701—1918, германских императоров — 1871—1918 гг. 7
- Голиков И. И.* 8, 161
- Голицын Дмитрий Михайлович (1665—1737), князь, киевский губернатор в 1708—1721, позже президент Камер-коллегии, сенатор, верховник 42, 60, 100, 107, 134, 139, 167, 168, 172, 178
- Голицын Михаил Михайлович (1675—1730), «сын Отечества», генерал-лейтенант, командующий войсками в Финляндии в 1714—1721, генерал-фельдмаршал с 1725 г. 53, 54
- Голицын Петр Алексеевич, архангельский, смоленский, рижский губернатор, московский обер-комендант, сенатор 80
- Головкин Александр Гаврилович (ум. в 1760), граф, сын канцлера Г. И. Головкина, посол в Берлине, Париже и Гааге 78, 79, 171, 180, 181, 183
- Головкин Гавриил Иванович (1660—1734), государственный канцлер с 1709, тайный советник, президент Коллегии иностранных дел с 1717 г. 19, 42, 55—58, 60, 62—64, 65, 77, 79, 100, 101, 114, 116, 120, 126, 127, 132, 139, 156, 163, 165—167, 169—186
- Гольц Генрих (1648—1725), барон, генерал-фельдмаршал-лейтенант на русской службе в 1707—1711 гг. 32—36, 118, 164, 165
- Гольц Франц Иоахим (ум. 1717), барон, генерал-майор, резидент от Августа II в Турции в 1713—1714 гг. 118, 128, 147—149
- Гордиенко Константин («Головка», «Али-паша») (ум. 1733), полтавчанин, ученик Киевско-Могилянской Академии, кошевой атаман Низового Войска Запорожского с 1701, на стороне шведов с 1708—1709, предводитель Олешковской Сечи до 1728 г. 51, 54, 116, 124, 143, 167
- Гордон, русский полковник 125
- Горленко Дмитрий Лазаревич (ум. ок. 1731), прилуцкий полковник в 1693—1708, сторонник Ф. Орлика, вернувшийся на Украину в 1714 г. 107, 136, 138
- Горн (Хурн) Арвид Бернхард (1664—1742), граф, генерал-лейтенант с 1704 г., президент Королевской канцелярии 48
- Грауэрс С.* 163, 164
- Греков И. Б.* 21
- Григораш Иван (Иваненко), brasлавский полковник с 1708 г. 53, 167
- Грудзинский Ян. (ум. 1735), равский староста, с 1704 сторонник С. Лещинского, в 1712 г. назначен им генеральным командиром коронных войск, амнистирован Августом II в 1714, принят на русскую службу в 1720-х гг. 85, 118, 124—126, 133, 144, 181
- Грушевский М. С.* 10, 11, 161
- Гумецкий Стефан (ум. 1736), подольский воевода с 1706, генерал коронной артиллерии с 1726 г. 65, 101, 133, 182

- Давиденко Александр, ротмистр, молдаванин 134, 186
- Дальберг Александр Магнус (1685—1772), шведский офицер 85, 91
- Дашков Алексей Иванович (ум. 1733), стольник с 1682, русский резидент при коронных и литовских гетманах, а также при Августе II в 1708—1716, тайный советник с 1730 г. 83, 139, 143, 144, 163, 170, 177, 178, 181, 184—186
- Девлет-Гирей II (ум. 1725), крымский хан в 1699—1702, 1708—1713 гг. 48, 50, 52, 53, 69, 85, 89, 90, 94, 95, 116, 126, 132—137, 148, 157, 166, 167, 178, 181
- Дезальер Пьер Пюшо (1643—1725), маркиз, генерал с 1691, французский посол при Ференце II Ракоци в 1704—1709, в Стамбуле в 1709—1716 гг. 47, 106, 137, 139, 147, 149, 179, 186
- Демидова Н. Ф.* 21
- Денгоф Станислав (1673—1728), граф, коронный мечник, маршалок Сандомирской конфедерации с 1702, польный литовский гетман в 1709—1721 гг., зять А. Н. Сенявского 30, 33, 38, 60, 65, 67
- Джеффрис Джеймс, английский капитан, резидент «Великого союза» при Карле XII с 1711 г. 76, 170
- Дзюган, украинский полковник на стороне Ф. Орлика 107
- Дзялыньский Томаш (ум. 1714), хелминский воевода с 1702, подписавший в 1704 г. союзный договор Речи Посполитой с Россией 39
- Долгополый Григорий, казачий полковник на стороне Ф. Орлика 107
- Долгорукий Василий Владимирович (1667—1746), князь, подполковник Преображенского полка, генерал-майор, фельдмаршал 107, 124, 125, 171, 172, 175, 177, 178, 181
- Долгорукий Василий Лукич (ок. 1670—1739), князь, русский посол в Польше — 1706—1707, Дании — 1707—1720, Франции и Швеции 164, 171, 172
- Долгорукий Григорий Федорович (1656—1723), князь, чрезвычайный и полномочный посол в Речи Посполитой в 1700—1721 гг. 40—42, 54—57, 65, 77, 83, 122, 125, 164, 165, 168, 170, 172, 178, 181
- Дорошенко Д.* 11, 162
- Дорошцевый С., запорожец, сторонник Ф. Орлика 180
- Дройзен И. Г.* 162
- Дядиченко В. И.* 11, 162
- Евгений Савойский (1663—1736), принц, австрийский полководец и государственный деятель 3, 26, 47, 72, 87
- Екатерина Алексеевна (ок. 1684—1727), жена Петра I с 1712, коронована в 1724, императрица — 1725—1727 гг. 61, 88, 95, 174
- Емельянов Петр, донской войсковой атаман 139
- Ефимов Игнатий, полковник Войска Донского 86
- Жабокрицкий, луцкий епископ с 1695, перешел в унию с 1702 г. 168
- Жевусский см. Ржевусский
- Жидовинов, капитан 182
- Жукович П. Н.* 8, 161
- Заборовский Л. В.* 21
- Загвойский, коронный писарь и стражник коронный на стороне Станислава I, 124, 183
- Загоровский, польский полковник на стороне Августа II 54
- Заранек Казимир, жмудский староста, противник магнатского дома Сапер 30
- Ибрагим-паша, бывший галерный гребец, капудан-паша, великий везир в апреле 1713 г. 138, 183
- Иван V Алексеевич (1666—1696), брат и соправитель Петра I Великого 119
- Измаил-паша, сераскер в Бендерах, казнен в марте 1713 г. после «калалыка» 128, 133, 181
- Иосиф I (1678—1711), император «Священной Римской империи» в 1705—1711 гг. 26, 106, 168
- Кайзерлинг Иоганн Георг, прусский посол в России 78
- Калиновский, полковник Сандомирской конфедерации 124, 150, 186
- Калитинский А., польский ротмистр на стороне Станислава I, 53, 181
- Каминьский А.* 12, 162
- Кантакузино Фома (ум. 1721), великий спафарий, командующий войсками Валахии, двоюродный брат К. Брыньковяну, генерал-майор русской службы с 1711 г. 86
- Кантемир Дмитрий (1673—1723), молдавский господарь в 1693 и 1710—1711 гг., действительный тайный советник, сенатор с 1721, граф «Священной Римской империи» с 1723 г. 65, 82, 85, 86, 89, 93, 174, 176
- Кантецкий К.* 165, 173
- Каплан-Гирей, крымский хан 1707—1708, 1713—1716, 1730—1736 гг. 137, 143, 146, 149—151, 159, 185, 186

- Кара-Мухамед-паша, сераскер в Бендерах 105
- Карвицкий-Дунин Станислав (1640—1724), польский политический деятель, подкоморий с 1713 г. 38
- Каретта Маттео, агент русского посла, П. А. Толстого в Стамбуле в 1703—1710, русский агент в Италии в 1711—1715 гг. 73, 98, 137, 165
- Карл VI Габсбург (1685—1740), эрцгерцог, император «Священной Римской империи» с 1711 г., младший брат императора Иосифа I 18, 74, 129, 170
- Карл XII (1682—1718), шведский король с 1697 г. 10—20, 25—32, 34, 40, 42, 44—52, 54, 57, 70, 72, 74, 76, 79, 83—85, 89, 91—93, 95—97, 99—111, 113, 114—118, 123—130, 132—137, 139—142, 145—151, 153—159, 165, 166, 172, 174, 175, 177, 179, 183, 185, 186
- Карл Леопольд (1679—1747), герцог мекленбург-шверинский — 1713—1728 гг. муж племянницы Петра I Екатерины Ивановны, отец будущей регентши при императоре Иване VI Анны Леопольдовны 120
- Карлсон Е. И.*
- Карп, казачий полковник на стороне Ф. Орлика 124
- Кастриот Георгий, постельничий валашского господаря К. Брынковяну, его бывший резидент в Москве 82, 86, 173
- Кафенгауз Б. Б.* 170
- Кёпрюлю Нуман-паша, великий везир в 1710 г. 45, 46
- Клемент XI (1649—1721), папа римский с 1700 г. 67
- Клингвстрём Отто Вильгельм (1683—1731), секретарь Карла XII 182
- Ключевский В. О.* 163
- Когальничану М. Т.* 172
- Козер Р.* 183
- Кольер Якоб, голландский резидент в Стамбуле 1684—1725 гг. 76, 110, 111, 113, 137, 179, 180
- Конаревский, полковник на стороне Станислава I 35
- Копончинский В.* 11, 14, 38, 117, 162, 177
- Константин, византийский император 69
- Конти Франсуа Луи (1664—1709), принц из династии Бурбонов 74
- Кордт В.* 20
- Корзон Т.* 12, 62
- Королюк В. Д.* 9, 21, 161
- Костомаров Н. И.* 10, 161
- Коцел Михал Казимеж (ум. 1722), троцкий воевода с 1703, великий литовский подскарбий с 1710 г., сторонник Августа II 30
- Кочубинский А. А.* 169
- Крассау Эрнст Детлов фон (1660—1714), генерал-майор от кавалерии с 1706, генерал-лейтенант с 1710, командующий шведскими войсками в Польше в 1707—1709, вице-генерал-губернатор в княжестве Бремен и Верден, вице-губернатор в Висмаре с 1712 г. 32—34, 41, 42, 49, 154
- Крман Даниэль (1663—1740), словацкий пастор, суперинтендант евангелической церкви в Словакии, посланный к Карлу XII 21
- Кропотов Гавриил Иванович, бригадир 53, 138
- Круковский Иоасаф, киевский митрополит в 1707—1718 гг. 164
- Крупницкий Б.* 115, 170, 171, 177, 179
- Крылова Т. К.* 9, 10, 46, 115, 161, 165
- Крюковский, связной майор 176
- Крышпин Кароль, польный литовский гетман в 1710—1711, посол от Станислава I в Стамбуле в 1713 г. 123, 136, 149
- Ксенопол А. Д. 172
- Кулюмбах, немецкий офицер на русской службе 165
- Куракин Борис Иванович (1676—1727), подполковник лейб-гвардии Семеновского полка, с 1707 г. на дипломатической службе, действительный тайный советник, генерал-майор с 1712 г. 19, 75, 76, 121, 144, 159, 170, 174, 182, 183, 185
- Курат А. Н.* 68, 93, 95, 169, 174, 175
- Кьян фон, саксонский генерал 125
- Лагерберг Свен (1672—1746), оберлейтенант и резидент от Карла XII при крымском хане Девлет-Гирее II с 1710 г. 50, 166, 167, 175
- Левиттер Л. Р.* 161
- Лемерсье-Келькеже Ш.* 166, 173
- Лесмент Л. Я.* 180
- Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699), женевец, в России с 1675 г., на русской службе с 1678, адмирал русского флота в 1695—1699 гг. 170
- Лех М.* 182
- Лешевский, майор Азовского полка, резидент от Б. П. Шереметева при А. Н. Сенявском в 1712—1714 гг. 185
- Лещинский Станислав см. Станислав I
- Лисовский Ю.* 185
- Лит Альбрехт фон дер, русский оберкомиссар, посол в Берлине 77, 79
- Ломниковский Иван Васильевич (1654—1714), бывший генеральный обозный, мазепинец 107, 136

- Лопухин Абрам Федорович, стольник, брат бывшей царицы Евдокии Лопухиной, казнен в 1718 г. 115, 127, 140
Лукинич И. 169
Лундстрём Д. 166, 172
 Любомирский Михал, коронный подстольный, военачальник на стороне Августа II 132, 133
 Людовик XIV (1638—1715), французский король с 1643 г. 3, 18, 27, 46, 70, 73, 74, 129, 137, 170, 184
 Людвиг Франц, великий магистр Тевтонского ордена, брат австрийской императрицы Элеоноры 120, 180
 Лящ Александр, белзский староста 67, 182
- Маврин Емельян Юрьевич, адъютант Петра I, капитан-поручик 35
 Маврокордато Иоаникий (Янако), драгман (переводчик) от Порты при П. П. Шафирове 95, 139
 Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Левобережной Украины с 1687 г. 10, 11, 26, 28, 29, 44, 51, 52, 110, 134, 136, 167
Майкова Т. С. 21
 Макаров Алексей Васильевич (1674—1750), тайный кабинет-секретарь Петра I, тайный советник с 1727 г. 181
 Максимович Иван, «канцелярист» при И. С. Мазепе, генеральный писарь при гетмане Ф. Орлике 107
Маркс К. 5, 180
Мартенс Ф. 78
 Масальский Яков Иванович, князь, стольник, заведовал казной в Прутском походе 1711 г. 57
 Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728), русский посол в Лондоне — 1707—1708, Гааге — 1699—1712, Вене — 1712—1715, сенатор и президент Юстиц-коллегии с 1719 г. 76, 120, 144, 163, 170, 179, 180, 182, 185
Медигер В. 120, 161
 Медяновский Петр, бывший сотник Полтавского полка, посланец от К. Гордиенко к Б. П. Шереметеву 167
Меницкий Р. 164
 Меншиков Александр Данилович (1672—1729), князь, генерал-фельдмаршал, петербургский генерал-губернатор 12, 19, 31—35, 39, 43, 53, 59, 60, 71, 80—82, 85, 104, 109, 114, 124, 127, 143, 164, 165, 167, 168, 170—172, 181—183
 Мехмед Балтаджи см. Балтаджи Мехмед-паша
 Мехмед-Гирей, сын хана Девлет-Гирея II 52, 86
- Мехмед-Салих, ногаец 48
 Мирович Федор, бывший переяславский полковник, генеральный есаул при гетмане Ф. Орлике 124
 Митлушенко Фома, пленный запорожец, участник «калалыка» 1713 г. 183
 Мроз, полковник на стороне Станислава I 35
 Мурат-султан, предводитель башкир в 1706 г. 48
 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, боярин, граф, тайный советник, сенатор 55
 Мустафа-ага, турецкий посланец в Речи Посполитой 101
 Мустафа-ага, крымский посланец в Речи Посполитой 101
Мышлаевский А. З. 8, 20, 82, 161, 166, 167, 169, 171—173
 Мюллерн Густав Генрих (1664—1718), барон, канцлер при Карле XII с 1710 г. 133, 170
 Мякинин Алексей, бывший царедворец, полковник Ростовского полка 128
- Навон Батиста, переводчик венецианского посольства в Стамбуле, зять Л. Барки, агент П. П. Шафирова в 1711—1713 гг. казнен турками в 1715 г. 137
 Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император 180
 Небогатов Иван, подьячий, канцелярист 106
 Недецкий Александр (ум. в 1719 г.), чрезвычайный посланник в России от Ференца II Ракоци в 1707—1709 гг. 71
 Недецкий Станислав, польский комиссар 123
 Нейгебауэр Мартин фон (1670—1758), саксонец, воспитатель царевича Алексея Петровича в 1701—1702, чрезвычайный посланник Карла XII при дворе турецкого султана в 1709—1711, позже член шведского королевского совета 44, 45, 69, 137, 165
Некрасов Г. А. 8, 21, 161
 Некрасов Игнатий, повстанческий атаман, сподвижник К. А. Булавина 52, 138, 155, 167
 Некулче Йон (1672—1745), молдавский боярин, летописец, командующий (хатман) войсками молдавского господаря Д. Кантемира 176
 Нестулей, казакский полковник, сторонник Ф. Орлика 54
Никифоров Л. А. 9, 21, 161, 170, 184
Нильсон С. А. 163
 Нордберг Йоран Андерсон (1677—1744), придворный священник Карла XII 10, 11, 20

- Ностиц Фридрих Хертвиг (ум. 1737), барон, датчанин на русской службе, генерал-лейтенант 165
- Оберг А.* 163
- Огинские, семья польских магнатов в Великом княжестве Литовском 30
- Огинский Гжегож Антони (ум. 1709), великий литовский хорунжий с 1687, польный литовский гетман с 1703 г. 33, 59
- Огинский Казимеж Доминик (ум. 1733), троцкий (тракайский) староста с 1710 г., брат Г. А. Огинского 55
- Оглоблин О.* 10, 162
- Ольшевский Г.* 13, 162
- Омер-эффенди, начальник канцелярии и казны при великом везире Мехмеде Балтаджи, казнен в 1711 г. 95, 107
- Орешкова С. Ф.* 9, 16, 115, 161, 165, 175
- Орлик Филипп (1672—1742), генеральный писарь с 1702, украинский гетман с 1710, в эмиграции в Швеции, Германии, Франции, Турции и Польше с 1709 г. 51—54, 100, 108, 116—117, 124, 133, 136, 138, 142—143, 155, 158, 166, 167, 184
- Осман-ага, кяхья (помощник и начальник штаба великого везира) при Мехмеде Балтаджи, казнен в 1711 г. 87, 95, 107, 175
- Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) (1686—1747), вестфалец, действительный тайный советник с 1720, дипломат, первый кабинет-министр с 1734, генерал-адмирал с 1740 г. 163, 165
- Отвиновский Е.* 33, 164
- Павленко Н. И.* 21
- Пакош, полковник на стороне Станислава I, 35
- Палий Семен Филиппович (Гурко) (ок. 1630—1710), руководитель повстанческого движения на Правобережной Украине 1688—1702 гг. 11, 27, 29
- Папай Янош, посланник от Ференца II Ракоци в Стамбуле с 1705 г. 169
- Перебийнос, казачий полковник на стороне Ф. Орлика 133
- Перденя Ю.* 162
- Петрик (Петр Иванович Сулима), канцелярист И. С. Мазепы, самозванный гетман под протекторатом Крымского ханства в 1692—1693 гг. 116
- Пехлеван Кули-бей, посол от калмыцкого хана Аюки в Стамбуле в 1710 г. 48
- Пештич С. Л.* 173
- Пётр I Великий (1672—1725), русский царь с 1682, император с 1721 г. 7, 8, 10, 11, 13, 15, 17, 20, 26—37, 39—43, 45, 49, 54, 56, 58, 60, 61—65, 68—71, 73—75, 77—79, 81—85, 87—101, 103, 107—111, 114, 118—123, 125, 127—130, 134, 137, 139—141, 143—147, 153—157, 159, 160, 163, 165, 168—186
- Пипер Карл (1647—1719), граф, первый министр и государственный советник, начальник полевой канцелярии Карла XII 16
- Плейер Отто Антон фон, австрийский дипломат при русском дворе — 1692—1718 гг. 72, 176, 180, 184
- Пляка Микита, полтавский войсковой есаул, сторонник Ф. Орлика 54
- Плятер Ян Вильгельм (1676—1757), резидент Великого княжества Литовского в Риге в 1711—1717 г. позже посол на сеймах Речи Посполитой 104, 118
- Подъяпольская Е. П.* 88
- Полонский Яков Васильевич (ум. 1713), генерал-майор с 1709, обер-комендант Риги и Лифляндии с 1710 г. 35, 165
- Понятовский Станислав Цёлек (1676—1762), генерал кавалерии, резидент от Станислава I при Карле XII с 1708, эмиссар, а с 1710 г. шведский посол в Стамбуле, уволен со шведской службы в 1719, видный польский дипломат 20, 45, 91, 93—95, 136, 139, 165, 168, 175
- Попович Иван, казачий полковник на Правобережной Украине 116
- Потоцкий Стефан (ум. 1726), коронный стражник, белзский воевода 43, 65, 140
- Потоцкий Юзеф (1673—1751), краковский каштелян, киевский воевода с 1702, великий коронный гетман на стороне Станислава I в 1706—1714 гг. 34, 35, 44, 45, 47, 52—54, 85, 91, 94, 101, 102, 107—110, 116, 122—125, 133, 135, 136, 143, 145, 147, 165, 177, 181, 185
- Поцей Людвиг Константы (1664—1730), великий подскарбий и великий литовский гетман с 1710, виленский воевода с 1722 г. 30, 35, 60, 67, 83, 101, 102, 104, 108, 131, 143, 164, 186
- Прокопович Феофан (1681—1736), префект киевских школ, публицист и церковный деятель, вице-президент Св. Синода 61
- Пузыня Михал, князь с Козельска, регент канцелярии Великого княжества Литовского, подкоморий 126, 132, 181
- Пфлуг (Пфлюг) Гебгард, генерал-лейтенант на русской службе 165
- Пшебендовский Ян Ежи (1638—1729),

- граф, мальборский воевода с 1697, хелминский каштелян, великий коронный подскарбий с 1702 г. 177
- Пясты — династия древних польских королей 6, 146, 149
- Радай Пал (1677—1733), секретарь и дипломат Ференца II Ракоци 71
- Радзивилл Станислав Кароль (1669—1719), князь, великий литовский канцлер с 1698, сторонник Станислава I в 1704—1709 гг. 41
- Ракоци Ференц II (1676—1735), князь Трансильвании и Венгрии, вождь Освободительной войны 1703—1711 гг. против Габсбургов 26, 27, 55, 69, 71, 74, 168—170
- Рахуба А.* 169
- Ренне Карл Эвальд фон (1663—1716), курляндский дворянин на русской службе с 1702, генерал-лейтенант с 1705, генерал от кавалерии с 1709 г. 71, 86, 87, 92, 94, 125, 177, 180, 181
- Репнин Аникита Иванович (1668—1726), князь, генерал, президент Военной коллегии с 1724 г. 82, 125, 126, 144
- Ржевусский, польский магнат 60
- Рогинский, польский ротмистр 66
- Рогов А. И.* 21
- Розен Й.* 163, 170, 175
- Романовы, династия царей и императоров в России 1613—1917 гг. 7, 77, 145, 160
- Ропп Христофор Фромгольд фон дер (Христофор Христофорович) (ум. 1728), курляндец, полковник драгунского Гренадерского полка, на русской службе с 1703 г. 35, 138
- Ростворовский Е.* 90, 174, 175
- Румянцев Петр Александрович (1725—1796), русский генерал-фельдмаршал 87, 98
- Рыбинский Якуб Зигмунт (ум. 1725), коронный ловчий, генерал-лейтенант 33, 65, 103, 104, 122, 124, 164
- Савари Жан Батист, голландец, переводчик при Карле XII, агент русского посольства в Стамбуле с 1709 г. 137, 165, 166, 183
- Салтыков Петр Самойлович (ум. 1719), боярин с 1691, смоленский губернатор с 1713 г. 60
- Самарин Михаил Михайлович (1659—1730), генерал-кригсшальмейстер от инфантерии с 1708, сенатор с 1711, действительный статский советник с 1725 г. 168
- Самойлович Иван Самуилович (ум. 1690), гетман Левобережной Украины в 1672—1687 гг. 100
- Самусь (Самуил Иванович) (ум. 1713), полковник Богуславского полка с 1685, наказной гетман коронной Украинны в 1693—1699, один из предводителей антипольского восстания в 1699—1703 гг., позже — сторонник Ф. Орлика 53, 54
- Санин Г. А.* 21
- Сапега Ян Казимир (ум. 1730), бобруйский староста, великий гетман литовский с 1708, сторонник Станислава I, фельдмаршал русской службы с 1726 г. 35, 83, 104, 123, 125, 133, 135, 136, 183, 186
- Сейфулла-ага, турецкий посол в Вене 47
- Селиванов, полковник донских казаков 128
- Семевский М. Н.* 20
- Семенова Л. Е.* 173
- Сенявская Эльжбета (Елизавета-Елена) (ум. 1729), жена великого коронного гетмана А. Н. Сенявского 33, 74, 101, 107, 163, 168
- Сенявский Адам Николай (1666—1726), белзский староста с 1692, великий коронный гетман с 1706 г., один из руководителей Сандомирской конфедерации 10, 13, 26, 28, 30, 32, 34, 54, 60, 65—67, 72, 74, 85, 101, 103, 106, 108, 109, 122, 123—127, 131, 133—135, 139, 143, 150, 165, 168, 169, 172, 177, 178, 181, 182, 185, 186
- Сергиенко Г. Я.* 11
- Синицкий Кшиштоф из Бонча, мечник и генерал от артиллерии Великого княжества Литовского 56
- Скоропадский Иван Ильич (1646—1722), гетман Левобережной Украины («Войска Запорожского обеих сторон Днепра») с 1708 г. 42, 51, 53, 60, 81, 96, 116, 138, 165, 167, 178
- Собеский Константин (Константы Кароль Филипп Владислав) (1680—1726), сын польского короля Яна III Собеского 33, 101, 107, 122, 168
- Собеский Якуб Людвиг (1667—1737), сын польского короля Яна III Собеского 27
- Соловьев С. М.* 8, 11, 127, 161, 179
- Станислав I (Станислав Богуслав) Лещинский (1677—1766), познанский воевода, польский король в 1704—1709 гг. 7, 9—13, 25—34, 39, 46—49, 52, 72, 74, 75, 77, 83, 89, 94, 99, 101, 103, 105, 114, 115, 124, 125, 128, 129, 130, 133, 136, 139, 142—145, 147, 149, 151, 153—156, 158, 159, 167, 181, 182, 184—186
- Стафзинг И.* 132
- Стаффорд, лорд, английский государственный деятель 121
- Стенбок Магнус Густафсон (1664—

- 1717), граф, генерал-губернатор в провинции Сконе с 1705, шведский фельдмаршал с 1710 г. 129, 130, 133, 137, 142, 157
- Степанов Василий Васильевич, дьяк Посольского приказа, «секретарь государственных дел», посланник на польский сейм в 1712 г. 60, 126, 131, 132
- Стрешнев Тихон Никитич (1649—1719), «дядька» Петра I, боярин с 1688, глава Разрядного приказа с 1690, московский губернатор с 1703, сенатор с 1711 г. 80
- Суворов Александр Васильевич (1730—1800), русский генералиссимус 87
- Судиенко М.* 20
- Сухарев А., полковник 107, 108, 178
- Сулейман-ага, посланец от бендерского паши Измаил-аги в Речь Посполитую 181
- Сытинский Даниил, казачий полковник на Правобережной Украине 116
- Сэттон Роберт (1671—1746), священник в 1694, британский посол в Стамбуле в 1701—1716, в Париже в 1720—1721 гг. 76, 110, 113, 137, 166, 172, 174, 176, 179, 180
- Таз Магомет, пленный крымский татарин 183
- Тальман Иоганн Михаэль фон, доктор права, секретарь австрийского посольства в Стамбуле с 1700, австрийский резидент в Османской империи в 1704—1712 гг. 72, 146
- Танский Антоний Михайлович, белоцерковский полковник с 1710 г., после смерти С. Папия 54, 139, 168
- Тарле Е. В.* 9, 161
- Тарло Станислав (ум. 1721), граф, коронный кухмистр, маршалок, польный коронный гетман на стороне Станислава I 123, 147
- Татаринов, капитан-поручик 181
- Тейлс В., секретарь голландского посольства в Стамбуле 20
- Тенгберг Э.* 132, 163, 182
- Толстой Петр Андреевич (1645—1729), граф, чрезвычайный посол в Турции 1702—1714 гг. 44—46, 83, 115, 137, 163, 165, 186
- Томашивский С.* 10, 162
- Торси Жан Батист Кольбер де (1665—1746), маркиз, министр иностранных дел Франции в 1696—1715 гг. 97
- Трубецкой Юрий Юрьевич, князь, камергер, русский посол на Варшавский сейм в 1712 г. 126, 130—132, 182
- Флоден А.* 163
- Флоровский А. В.* 71, 170, 171, 176
- Флоря Б. Н.* 21
- Форнет, переводчик французского посольства в Стамбуле, осведомитель П. П. Шафирова в 1711—1714 гг. 137, 183, 185
- Фредерик IV (1671—1731), датский король с 1699 г. 32, 76
- Фридрих I (1657—1713), курфюрст Бранденбурга-Пруссии (Фридрих III) с 1688, король в Пруссии с 1701 г. 77, 79, 129, 169
- Украинцев Емельян Игнатьевич (ум. 1708), дипломат, глава Посольского приказа в 1689—1699 гг. 30, 163
- Урбанович Кшиштоф Циприан, польский полковник на шведской службе с 1702, представитель Станислава I при шведском дворе, генерал русской службы в 1727 г. 86, 123—125, 135, 183
- Урбах Иоганн Христофор, сын лютеранского пастора из Саксонии, был на дипломатической службе Дании и Люнебурга, в 1707—1712 гг. тайный советник и русский посол в Вене 73, 98, 120, 173, 180—182
- Устрялов Н. Г.* 9, 161
- Ушаков Андрей Иванович (1672—1747), капитан-поручик, адъютант Петра I, позже граф, начальник Тайной канцелярии Сената 59, 164
- Фабрис Фридрих Эрнст фон (1683—1750), посланник из Гольштейн-Готторпа к Карлу XII в 1710—1714 гг. 20, 85, 166, 168, 182, 183
- Фазл Али-бек, иранский посол в России в 1712 г. 69
- Фаизов С. Ф.* 180
- Фейгина С. А.* 9, 161
- Фейф Кастен (1661—1739), начальник канцелярии и государственный секретарь при Карле XII с 1709 г. 166
- Фельдман Ю.* 10—13, 33, 115, 117, 172, 179, 182
- Ференц II Ракоци *см.* Ракоци Ференц
- Фицтум фон Экштедт фон, Фридрих (р. 1675), камергер, старший сокольный и конюший Августа II, саксонский посол в Петербурге 58, 177
- Флемминг Якоб Генрих фон (1667—1728), померанец на саксонской службе с 1694, генерал кавалерии, литовский конюший, фельдмаршал и первый министр с 1712 г. 62
- Фридрих-Вильгельм I (1688—1740), прусский король с 1713 г. 79, 80
- Фридрих-Вильгельм (1692—1711), курляндский герцог из династии Кеттлеров 119, 122

- Фролов Максим, донской атаман 138
Фрюксель А. 10
 Функ Томас (1672—1713), шведский капитан Лейб-драгунского полка с 1700, полковник Зюдерманландского полка, посланник в Стамбуле в 1711—1713 гг. 133, 136, 137, 170, 180
- Хайнц О.* 14, 15, 162, 175
Хаммер И. 166
Хассингер Е. 14, 162, 170, 171, 177
Херлитц Н. 162
 Хмара, полковник в войске Великого княжества Литовского 35
 Хмельницкий Зиновий Богдан Михайлович (ок. 1595—1657), гетман Украины 136
 Хоментовский Станислав (1673—1728), граф, мазовецкий воевода с 1706, чрезвычайный и великий посол с генерального варшавского сейма в Стамбуле в 1712—1714 гг., польный коронный гетман с 1726 г. 10, 30, 43, 60, 65—67, 100—102, 106, 109, 127, 128, 131, 133, 137, 142, 148—151, 169, 178, 185, 186
 Хорват Ференц, сподвижник Ференца II Ракоци 169
 Хрисанф, иерусалимский патриарх с 1707 г. 86, 116, 173
Хурмузаки Е. 170
 Хурн *см.* Горн А. Б.
- Цесляк Е.* 182
Цеттерштеген К. В. 170
 Цюлих Густав (1666—1743), шведский полковник на польской и саксонской службе в 1687—1700, генерал-майор с 1711 г., позже шведский дипломат при саксонском и польском дворе 52, 85, 91
- Черкасский Александр Бекович, кабардинский князь, на русской службе с 1696 г., погиб в 1717 г. 171, 176
 Черминский Фелициан (ум. 1714), один из основателей Сандомирской конфедерации 164
 Чириков Лука Степанович, генерал 86, 139
 Чорлулу Али-паша, великий везир 1706—1710 гг. 45
- Шанявский Константы Фелициан (1668—1732), куявский с 1706, поморский епископ — с 1707, один из организаторов Сандомирской конфедерации 30, 41, 131, 132
 Шафиров Петр Павлович (1669—1739), на государственной службе с 1691, вице-канцлер, барон с 1706, русский посол в Стамбуле 1711—1714 гг. 19, 46, 55—58, 62—66, 77, 85, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 99, 100, 105—107, 110—114, 116, 118, 125—128, 135—137, 139, 140, 142—145, 147, 148, 150, 152, 158, 166, 170, 172—186
 Шембек Кшиштоф Антони (1667—1748), венденский и лифляндский епископ с 1710, брат С. Шембека 60, 103, 127, 180
 Шембек Станислав (1650—1721), гнезненский архиепископ с 1705, примас Польши с 1706 г. 30, 34, 60, 133
 Шембек Ян (ум. 1731), брат Станислава и Кшиштофа Шембеков, граф, коронный подканцлер с 1702, великий коронный канцлер в 1711—1731 г. 30, 33, 60, 131, 132
 Шемет, полковник на стороне Станислава I 35
 Шереметев Борис Петрович (1652—1719), граф с 1706, русский генерал-фельдмаршал 20, 35, 42, 60, 81, 82, 85, 89, 92, 95, 100, 103, 104, 108, 109, 111, 116, 125—131, 134, 138—140, 144, 145, 148, 150, 156, 167, 173, 176—178, 180, 182—186
 Шереметев Михаил Борисович (ум. 1714), сын Б. П. Шереметева, генерал-майор, посол в Турции 1711—1714 гг. 90, 100, 152, 177
 Шереметев Федор Петрович, брат Б. П. Шереметева, воевода над однодворцами 138
 Шефершах (Шефершах-бей), везир хана Каплан-Гирея, крымский посланец в Речь Посполитую 126, 146, 147, 149, 186
Шидловский С. П. 167
 Шидловский Федор Федорович, генерал-майор 54, 59, 166, 168
 Ширин Шефер Казы-мурза, крымский военачальник 138
 Шмигельский Адам, польский генерал-майор на стороне Августа II с 1697, на стороне Станислава с 1706, гнезненский староста с 1714 г. 83, 125
 Шпигель, тайный агент Августа II в Османской империи 149
 Шпрингер, ротмистр, польский резидент в Москве 60
 Штернтак, шведский дипломат 170
Шутой В. Е. 11, 162, 169
- Эберштедт *см.* Янус Эберштедт фон Элеонора Магдалена Тереза, императрица, жена императора Иосифа I 72
Энгельгардт Р. Ю. 169
Энгельс Ф. 180
 Энзберк (Енциберк, Енценберг) Нико-

- лай, барон, генерал русской службы 82
- Эозандер Иоганн Фридрих (1669—1728), шведский офицер по фортификации, прусский полковник и представитель при Карле XII с 1712 г. 129
- Юлий Цезарь Гай** (100—44 гг. до н. э.), римский полководец, государственный и политический деятель 101
- Юль Юст, датский вице-адмирал и чрезвычайный посол в России 1709—1711 гг. 20
- Юсуф-паша, сераскер (командующий войсками) в Бендерах 45, 165
- Юсуф-паша, янычарский ага, великий везир 1711—1712 гг. 45, 95, 105, 107, 110, 111, 114, 126, 136, 149, 179, 184, 186
- Яблоновский Ян Станислав** (1669—1731), русский воевода с 1697, великий коронный канцлер 1706—1709, сторонник Станислава I с 1706 г. 140
- Яворский Стефан** (1658—1722), митрополит и местоблюститель патриаршего престола с 1700, президент Синода с 1721 г. 61
- Ягеллоны**, династия королей в Польше — 1386—1572 и в Великом княжестве Литовском — 1377 — 1434, 1440—1572 гг. 22
- Ян III Собеский** (1624—1696), король польский 1674—1696 гг. 24, 81
- Янус Эберштедт фон, Лебрехт Готфрид** (ум. 1718), генерал-фельдмаршал-лейтенант на русской службе 54, 71, 87, 165, 168, 172
- Яроховский К.* 11

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
--------------------	---

Глава первая

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА И ПОЛЬСКО-САКСОНСКАЯ УНИЯ

Освобождение Польши — итог Полтавской битвы	22
Восстановление Северного союза. Русско-саксонские договоры в Дрездене и Торуня	36
Русско-польские и польско-саксонские отношения на Вальной Варшавской раде 1710 г.	37

Глава вторая

РОССИЯ, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ПРУТСКИЙ ПОХОД

Позиция Османской империи и шведские планы в 1711 г. Противоречия в бендерском лагере Карла XII	44
Политика России перед Прутским походом. Польское посольство М. Воловича	54
Русско-саксонские и русско-польские переговоры в Ярославле	61

Глава третья

ПРОБЛЕМА «РУССКОЙ УГРОЗЫ» В 1711 г. РАЗВЯЗКА НА ПРУТЕ

«Ориентальное царство» в планах Петра I и отношения России с великими державами	68
Россия, Пруссия и Польша	76
Поход в Молдавию	80

Глава четвертая

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРУТСКОГО МИРА

Прутский договор и его значение в системе международных отношений	89
Второе объявление султаном войны России	107
Польский вопрос и Константинопольский договор. Выход России из борьбы за закрепление на Правобережной Украине	110

Глава пятая

ЗАВЕРШЕНИЕ КОНФЛИКТА РОССИИ И ПОЛЬШИ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Обострение русско-польских отношений в 1712 г. Диверсия Я. Грудзинского	118
Третье объявление войны Османской империей. Миссия Ю. Ю. Трубецкого и В. В. Степанова в Польше	126

Адрианопольский мир 13 июня 1713 г.	132
«Хотинская демонстрация» османов против Польши и России. Саксонская политика в Восточном вопросе	142
Подтверждение Карловицкого договора с Речью Посполитой. Завершение борьбы за Правобережье	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
ПРИМЕЧАНИЯ	161
SYNOPSIS	187
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	195
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	196

Научное издание

Артамонов Владимир Алексеевич

РОССИЯ и РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

после Полтавской победы (1709—1714 гг.)

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

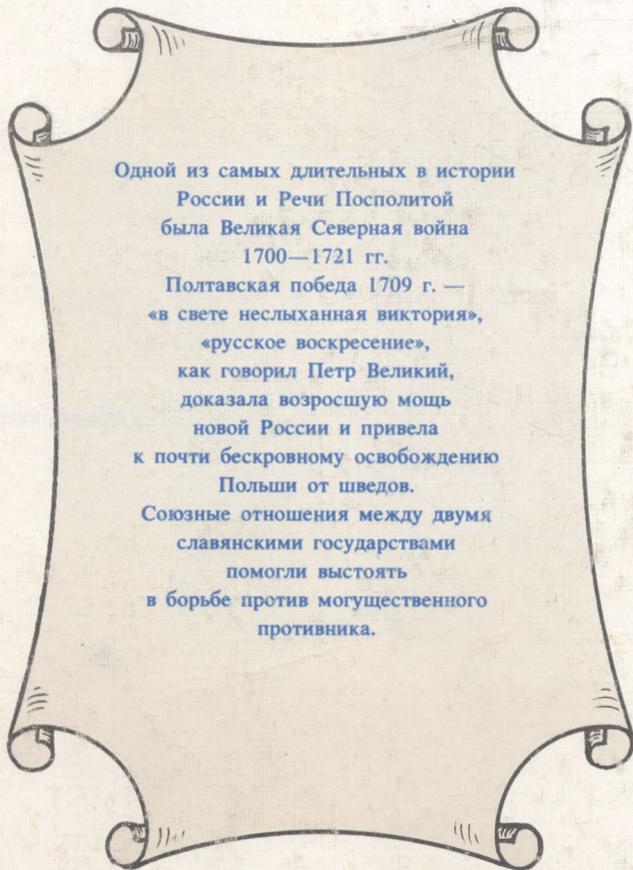
Редактор издательства Е. Д. Евдокимова. Художник
Художественный редактор М. Л. Храмцов. Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Т. М. Ефимова, Л. В. Щеголев

ИБ № 39045

Сдано в набор 19.04.90. Подписано к печати 30.08.90. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,5. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 3000 экз.
Тип. зак. 344. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Одной из самых длительных в истории
России и Речи Посполитой
была Великая Северная война
1700—1721 гг.

Полтавская победа 1709 г. —
«в свете неслыханная виктория»,
«русское воскресение»,
как говорил Петр Великий,
доказала возросшую мощь
новой России и привела
к почти бескровному освобождению
Польши от шведов.

Союзные отношения между двумя
славянскими государствами
помогли выстоять
в борьбе против могущественного
противника.

• НАУКА •

